

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: “Financial University”

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

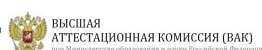
Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 11, No. 6, 2021

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета – **М.А. Эскиндаров**, доктор экономических наук, профессор, президент Финансового университета, академик Российской академии образования;

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор, декан факультета международных экономических отношений Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН);

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета социологии и политологии Финансового университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **А.Б. Шатилов**, кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета;

Заместитель главного редактора – **А.Г. Тюриков**, доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии Финансового университета;

Заместитель главного редактора – **Я.А. Пляйс**, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор-исследователь Департамента политологии Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент, научный руководитель факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, директор Института социально-экономических исследований Финансового университета;

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета;

Д.З. Музашвили, кандидат философских наук, заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе Финансового университета;

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета;

Д.В. Петросянец, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Финансового университета;

М.В. Полевая, доктор экономических наук, доцент, руководитель Департамента психологии и развития человеческого капитала; главный научный сотрудник Центра исследований экономического поведения личности Финансового университета;

С.В. Распоргуев, доктор политических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, научный руководитель Департамента социологии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, профессор, руководитель Департамента политологии Финансового университета;

А.А. Трошин, кандидат философских наук, заместитель декана по магистратуре и профориентационной деятельности факультета социологии и политологии Финансового университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д. Байчунь, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай);

Н.М. Долгополов, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия);

Т.М. Кальво Мартинес, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания);

Р. Крумм, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия);

В. Макбрайд, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США);

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан);

К. Мацузато, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония);

А.Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан);

Ж.-Л. Трюэль, доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция);

К. Уилкокс, доктор политических наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США);

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета (Китай)

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council – M.A. Eskindarov, Doctor of Economics, Professor, President of the Financial University, Academician of the Russian Academy of Education;

S.V. Alekseev, *Doctor of History, Professor, Department of History and Historical Archive Science of Moscow State Institute of Culture; Chairman of Historical and Educational Society “The Guardian”;*

A.N. Arinin, *Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Federalism and Civil Society, Deputy of the State Duma of the First (1993–1995) and Second (1995–1999) Convocations;*

A.I. Ilinskij, *Doctor of Engineering, Professor, Dean of the Faculty of International Economic Relations, Financial University;*

F.A. Lukyanov, *Chairman of the Presidium of the Foreign and Defense Policy Council (SWAP), Editor-in-chief of the journal “Russia in Global Affairs”;*

I.Y. Novitsky, *Deputy of the Moscow City Duma (1993–2014), Head of the Department of State and Municipal Administration of the International University in Moscow;*

A.V. Ostrovsky, *Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East, Russian Academy of Science;*

V.V. Fedorov, *Cand. Sci. of Political Science, Director General of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM), Scientific Chairman of the Faculty “Sociology and Political Sciences”, Financial University;*

V.G. Fedotova, *Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science;*

V.F. Schreider, *Doctor of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI Convocation from the “United Russia”, member of the State Duma Committee on the Federal Structure and Local Government, Corresponding-member of the International Academy of Social Science*

EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-Chief – A.B. Shatilov,

Cand. Sci. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University;

Deputy Editor – A.G. Tjurikov, Doctor of Sociology, Head of Department of Sociology, Financial University;

Deputy Editor – Y.A. Pleis, Doctor of History, Doctor of Political Sciences, Research Professor at the Department of Political Sciences, Financial University;

S. Yu. Belokonev, *Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor, Scientific Chairman of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University;*

A.N. Zubets, *Doctor of Economics, Director of the Institute of Socio-economic Research, Financial University;*

V.V. Kaftan, *Doctor of Philosophy, Professor, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University;*

V.A. Lapshov, *Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Department of Sociology at Moscow State Linguistic University;*

D.Z. Muzashvili, *Cand. Sci. of Philosophy, Deputy Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications for research work, Financial University;*

A.V. Pachkalov, *Cand. Sci. of History, Associate Professor, Department of Humanitarian Sciences, Financial University;*

D.V. Petrosyants, *Cand. Sci. of Economics, Senior Researcher of the Center for Macroeconomic Research, Financial University, Moscow, Russia;*

M.V. Polevaya, *Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development; Chief Researcher at the Center for Research on the Economic Behavior of the Personality of the Financial University;*

S.V. Rastorguev, *Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Sciences, Financial University;*

G.G. Sillaste, *Doctor of Philosophy, Scientific Chairwoman of Department of Sociology, Financial University;*

K.V. Simonov, *Cand. Sci. of Political Sciences, Professor, Head of Department of Political Science, Financial University;*

A.A. Troshin, *Cand. Sci. of Philosophy, Deputy Dean for master's degree and career guidance of the “Sociology and Political Sciences” Faculty, Financial University*

EDITORIAL COUNCIL

D. Baychun, *Doctor, Professor, Beijing Pedagogical University, Director of the Cultural Center of the Sino-Russian Relations (China);*

N.M. Dolgoplov, *Deputy Editor of the “Russian Newspaper”, a member of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of Writers of Moscow and of the Interregional Union of Writers' Organizations (Russia);*

T.M. Calvo Martinez, *Doctor of Philosophy, Professor of Greek Philosophy at the Universidad Complutense (Madrid, Spain); Director of the International Institute of Philosophy in Paris (Spain);*

R. Krumm, *Director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert Foundation (Russia);*

W. McBride, *Doctor of Philosophy, Professor of Department of Philosophy at Purdue University, Honorary President of the International Federation of Philosophical Societies (USA);*

I. Mamed-Zadeh, *Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan);*

K. Matsuzato, *Doctor of Law, Department of Law and Politics, University of Tokyo (Japan);*

A.N. Nysanbaev, *Doctor, Professor, Full member of the Academy of Sciences of Kazakhstan, Scientific Director of Institute of Philosophy, Academy of Sciences of Kazakhstan (Kazakhstan);*

J.-L. Truel, *Doctor of Economics, Associate Professor at Université Paris-Est Créteil, Managing director of International Business Development, Vice-President of the Association of Economists “Le Cercle Kondratieff”;*

C. Wilcox, *Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Government, Georgetown University, Washington, D.C. U.S.;*

Cui Zheng, *Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director of Research Centre for the Economics and Politics of Transitional Countries, Liaoning University (China)*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА:

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Расторгуев С.В.</i> Моделирование межпоколенческих коммуникаций.	6
<i>Махмутова Е.В.</i> Межпоколенческий баланс в цифровую эпоху: глобальное измерение	10
<i>Шатилов А.Б.</i> Инфантильность современного общества и проблема электорального возраста: рациональный взгляд	17
<i>Соболева Е.О.</i> Обеспечение межпоколенческого диалога в современном Китае: традиционализм vs вестернизация	22
<i>Ковба Д.М.</i> Российская семья в контексте деятельности организаций гражданского общества.	27
<i>Буянова С.М.</i> Взаимосвязь эмоционального интеллекта студентов и преподавателей.	34

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Белоконев С.Ю., Левина Е.В.</i> Доверие населения и элит к власти: теоретико-прикладной аспект.	39
<i>Родачин В.М.</i> Феномен государственной политики: сущность и виды	46
<i>Тюриков А.Г., Большунов А.Я.</i> О двух семействах стратегий и моделей межкультурных коммуникаций	54
<i>Грузина Ю.М., Харчилава Х.П.</i> Развитие человеческого капитала в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики.	62
<i>Митрахович С.П.</i> Регулирование IT-сферы как политико-теоретическая и практическая проблема	67
<i>Брыкин А.В., Кунижева Д.А., Большунова С.А.</i> Методологические подходы к исследованию финансово-экономической культуры	73
<i>Иванова В.А.</i> Ноосферный образ человека: реальность и перспективы.	81

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Лукушин В.А.</i> Таргетирование в онлайн-сетевом брендинге российских университетов: масштабы влияния на общественное сознание	86
<i>Хаше Д., Абдоллахи М.</i> Влияние пандемии коронавируса на возобновление конфликта в Нагорном Карабахе.	94
<i>Фролова Н.Д.</i> Хищническое кредитование в России: данные опроса.	100
<i>Приходько Л.В., Середа А.В.</i> Научно-исследовательская кооперация молодежных российских и зарубежных организаций: механизмы стимулирования и перспективы развития.	106
<i>Кушнир Д.Ю., Свинцова М.Н.</i> Объективные факторы конфликтогенности в сфере высшего образования	113
<i>Давыдова М.А., Азаров А.А.</i> Архитектура информационного потока Финансового университета в социальных медиа: продвижение бренда	118
<i>Кондрахина Н.Г., Южакова Н.Е.</i> Современные мультимедийные технологии обучения иностранным языку в разрезе цифровизации	127

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

<i>Трошин А.А.</i> Скрытые 1950-е: нарратив префигуративной культуры	134
--	-----

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Боровков В.С.</i> Идея союзной интеграции в Республике Беларусь: динамика общественных и государственных приоритетов.	139
Содержание журнала за 2021 год	143

CONTENTS

COVER STORY:

INTERGENERATIONAL RELATIONS: POLITICAL AND SOCIAL ASPECTS

<i>Rastorguev S.V.</i> Modelling of Intergenerational Communications.	6
<i>Makhmutova E.V.</i> Intergenerational Balance in the Digital Age: A Global Dimension.	10
<i>Shatilov A.B.</i> The Infantilism of Modern Society and the Problem of Electoral Age: A Rational View	17
<i>Soboleva E.O.</i> Providing Intergenerational Dialogue in Contemporary China: Traditionalism vs Westernisation	22
<i>Kovba D.M.</i> Russian Family in the Context of the Activities of Civil Society Organizations.	27
<i>Buyanova S.M.</i> Relationship Between Emotional Intelligence of Students and Teachers.	34

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLED

<i>Belokonev S. Yu., Levina E.V.</i> Trust of the Population and Elites in Power: Theoretical and Applied Aspects.	39
<i>Rodachin V.M.</i> The Phenomenon of State Policy: The Essence and Types.	46
<i>Tyurikov A.G., Bolshunov A. Yu.</i> About Two Families of Cross-Cultural Communication Models	54
<i>Gruzina Yu.M., Kharchilava Kh.P.</i> Development of Human Capital in High-Tech and Knowledge-Intensive Industries.	62
<i>Mitrakhovich S.P.</i> Regulation of the IT Sphere as a Politico-Theoretical and Practical Problem.	67
<i>Brykin A.V., Kunizheva D.A., Bolshunova S.A.</i> Methodological Approaches to the Study of Financial and Economic Culture	73
<i>Ivanova V.A.</i> Noospheric Image of Man: Reality and Perspectives	81

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

<i>Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu., Lukushin V.A.</i> Targeting Online Network Branding of Russian Universities: Scope of Influence on Public Consciousness	86
<i>Khashe J., Abdollahi M.</i> The Impact of the Coronavirus Pandemic on the Resumption of the Conflict in Nagorno-Karabakh	94
<i>Frolova N.D.</i> Predatory Lending in Russia: Survey Data	100
<i>Prikhodko L.V., Sereda A.V.</i> Research Cooperation of Youth Russian and International Organizations: Incentive Mechanisms and Development Prospects	106
<i>Kushnir D. Yu., Svintsova M.N.</i> Objective Factors of Conflict Emergence in the Higher Education	113
<i>Davydova M.A., Azarov A.A.</i> Financial University Social Media Informational Stream Architecture: Brand Promotion	118
<i>Kondrakhina N.G., Yuzhakova N.E.</i> Modern Multimedia Technologies for Teaching a Foreign Language in the Context of Digitalization	127

HISTORICAL EXCURSUS

<i>Troshin A.A.</i> The Hidden 1950s: Narrative of Prefigurative Culture	134
--	-----

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

<i>Borovkov V.S.</i> The Idea of Union Integration in the Republic of Belarus: Dynamics of Public and State Priorities.	139
Contents of the Journal for 2021.	143

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 11, № 6 (54), 2021

Главный редактор –

А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов –

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор –

Ю.М. Анютина

Корректор – **С.Ф. Михайлова**

Верстка – **С.М. Ветров**

Переводчик – **З. Межва**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,

Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6

Тел.: **8 (499) 553-10-74**

(вн. 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

[about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки

в редакции

по тел.: **8 (499) 553-10-71**

(вн. 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 21.12.2021

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 17,21 усл. л.

Заказ № 1082

Отпечатано в Отделе

полиграфии

Финансового университета

(Ленинградский пр-т, д. 51)

© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. Anyutina

Proofreader – **S.F. Mihaylova**

Design, make up – **S.M. Vetrov**

Translator – **Z. Mierzva**

Editorial address:

53, Leningradsky prospekt, office 5.6

Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 553-10-74**

(internal 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

[about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 553-10-71**

(internal 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 21.12.2021

Format 60 x 84 1/8.

Size 17,21 printer sheets.

Order № 1082

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospekt)

© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-6-10
УДК 304.2(045)

Моделирование межпоколенческих коммуникаций*

С.В. Расторгуев

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-1185-9374>

АННОТАЦИЯ

В статье представлен авторский подход к моделированию межпоколенческих коммуникаций на основе концепции социальных обменов. Модель макроуровня описывает различные балансы обменов материальными и нематериальными ресурсами как между тремя поколениями, так и внутри одного поколения. Моделирование позволяет проводить эмпирический анализ количественных данных, которые формируют один из возможных исходов: донорство, реципиентство, паритет. На основе моделей микроуровня и макроуровня предлагается комплекс проектов в области молодежной политики по интеграции поколений. Проекты классифицированы по сферам общественной жизни.

Ключевые слова: поколение; межпоколенческие коммуникации; моделирование; ресурсы; обмен

Для цитирования: Расторгуев С.В. Моделирование межпоколенческих коммуникаций. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):6-10. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-6-10

ORIGINAL PAPER

Modelling of Intergenerational Communications**

S.V. Rastorguev

Financial University, Moscow Russia
<https://orcid.org/0000-0003-1185-9374>

ABSTRACT

The article presents the author's approach to modelling intergenerational communications based on the concept of social exchanges. The macro-level model describes different balances of exchanges of material and non-material resources between three generations and within one generation. Modelling allows us to provide an empirical analysis of quantitative data that form one of the possible outcomes: donation, recipient, parity. Based on micro-level and macro-level models, the author proposed a set of projects in the field of youth policy for the integration of generations. Projects were classified according to areas of public life.

Keywords: generation; intergenerational communication; modelling; resources; exchange

For citation: Rastorguev S.V. Modelling of intergenerational communications. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):6-10. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-6-10

Проблемы межпоколенческих коммуникаций в современной России несут в себе как хорошо известные конфликты «отцов и детей», так и новые характеристики, обусловленные особенностями текущего исторического этапа: уменьшение доли молодежи с одновременным ростом

ее возрастной границы (35 лет)¹; высокий темп цифровизации различных сфер общественной жизни — в целом и бурное разви-

¹ Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University.

тие социальных сетей в частности; расширение возможностей обретения материальной независимости; интернационализация экономических, социальных, культурных процессов с расширением диапазона выбора собственной жизненной траектории. Поколение можно определить как социальную и биологическую общность, которая отличается от других общностей возрастом и совместно пережитыми политическими, экономическими, социальными, культурными событиями [1]. По сути, каждое поколение формируется и переходит на новый возрастной этап в рамках различных фаз и циклов внутренней и внешней политики, технологий, вертикальной и горизонтальной социальной мобильности, системы образования, распространения норм и ценностей, культурных кодов. Сопричастность одним и тем же фазам и циклам в определенном возрастном диапазоне, синхронность ответов на вызовы, как раз и формирует поколенческую общность.

Для создания модели межпоколенческой коммуникации (неизбежно упрощающей реальность) целесообразно классифицировать всех россиян на три возрастные группы, отличающихся вышеуказанными характеристиками:

- поколение П (пенсионеры от 60 лет и старше) по большей части ушло с рынка труда и составляет категорию пенсионеров/работающих пенсионеров;

- поколение Р (родители от 30/35 лет до 60 лет) является основой трудоспособного населения;

- поколение М (молодежь от 14 до 30/35 лет) в младших возрастных когортах представлено школьниками и студентами, в старших — молодыми работниками.

Для целей данного исследования поколение М рассматривалось, прежде всего, как возрастная группа людей 14–25 лет, включающая учеников старших классов школ, учащихся учреждений среднего профессионального образования, бакалавров, магистрантов, аспирантов, недавних выпускников вузов. По мнению К. Мангейма, именно в возрасте 14–25 лет происходит формирование основ мировоззрения, а экономические, политические, социальные вызовы требуют определенных поведенческих ответов [2].

Модель микроуровня основывается на постулате формирования определенного баланса

Таблица 1 / Table 1

Модель межпоколенческих коммуникаций микроуровня / Micro-level intergenerational communication model

№	Исход
1	Пенсионеры = Родители = Молодежь = Пенсионеры
2	Пенсионеры = Родители = Молодежь > Пенсионеры
3	Пенсионеры = Родители = Молодежь < Пенсионеры
4	Пенсионеры > Родители = Молодежь = Пенсионеры
5	Пенсионеры > Родители = Молодежь > Пенсионеры
6	Пенсионеры > Родители = Молодежь < Пенсионеры
7	Пенсионеры = Родители > Молодежь = Пенсионеры
8	Пенсионеры = Родители > Молодежь > Пенсионеры
9	Пенсионеры = Родители > Молодежь < Пенсионеры
10	Пенсионеры < Родители = Молодежь = Пенсионеры
11	Пенсионеры < Родители = Молодежь > Пенсионеры
12	Пенсионеры < Родители = Молодежь < Пенсионеры
13	Пенсионеры = Родители < Молодежь = Пенсионеры
14	Пенсионеры = Родители < Молодежь > Пенсионеры
15	Пенсионеры = Родители < Молодежь < Пенсионеры
16	Пенсионеры > Родители > Молодежь = Пенсионеры
17	Пенсионеры > Родители > Молодежь > Пенсионеры
18	Пенсионеры > Родители > Молодежь < Пенсионеры
19	Пенсионеры < Родители < Молодежь = Пенсионеры
20	Пенсионеры < Родители < Молодежь > Пенсионеры
21	Пенсионеры < Родители < Молодежь < Пенсионеры

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

№ 1

	П	Р	М
П	XX XX	1:1	1:1
Р	1:1	XX XX	1:1
М	1:1	1:1	XX XX

№ 2

	П	Р	М
П	XX XX	1:1	0:1
Р	1:1	XX XX	1:1
М	1:0	1:1	XX XX

*Рис. / Fig. Матрицы исходов межпоколенческих коммуникаций /
Intergenerational communication outcome matrices*

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

в результате обмена ресурсами [3–5] между поколениями П-Р-М в рамках семьи или более широко — в рамках кровнородственных отношений. В качестве ресурсов, в дополнение к перечню Р. Даля [6], понимаются материальные ценности (деньги, вещи), духовные ценности (нормы, знания), эмоции, разнообразные навыки, время. В модели микроуровня обмена, как правило, происходят в неформальных рамках и не предполагают акта купли-продажи. Возможны три исхода (баланса) обменов ресурсами: поколение больше отдает, чем получает (донорство), равенство отдаваемых и получаемых ресурсов (паритет), поколение больше получает, чем отдает (реципиентство). Таким образом, модель межпоколенческих коммуникаций микроуровня можно представить в виде 21 исхода (баланса) обменов ресурсами трех поколений (*табл. 1*).

Модель обменов ресурсами между тремя поколениями в рамках семьи (кровнородственных отношений) на микроуровне можно представить в форме матриц исходов, где каждый баланс выражается соотношением переданных и полученных ресурсов (см. *рисунок*). Так, для баланса донорства используется запись «1:0», отражающая преобладание передачи ресурсов над получением; для баланса реципиентства используется запись «0:1», отражающая преобладание получения ресурсов над передачей; баланс паритета записывается как «1:1», что отражает примерное равенство переданных и полученных ресурсов. Ниже в качестве примеров представлены матрицы исходов (балансов) № 1 — «Пенсионеры = Родители = Мо-

лодежь = Пенсионеры» и № 2 — «Пенсионеры = Родители = Молодежь > Пенсионеры».

Межпоколенческие обмены ресурсами в процессе трудовой, политической, общественной деятельности, в рамках социальных сетей в системе массовой коммуникации представляют собой модель макроуровня. В отличие от модели микроуровня, в модели макроуровня обмен материальными ресурсами чаще всего происходит на товарно-денежной основе в процессе купли-продажи, а обмен нематериальными ресурсами — в рамках формальных институтов. Другой отличительной особенностью модели макроуровня является появление нового поля — внутривозрастных обменов. Это позволяет определить балансы ресурсных обменов индивидуальных и групповых акторов, как по отношению к двум другим поколениям, так и по отношению к представителям своего поколения. Так же, как и в модели микроуровня, возможны три исхода (баланса) ресурсных обменов — донорство, реципиентство, паритет. Получение эмпирических данных для тестирования моделей микроуровня и макроуровня возможно путем анкетирования, опросов, глубинных интервью представителей трех поколений, отобранных по принципу репрезентативной выборки.

В представленной модели в *табл. 2* показаны ресурсные обмены между индивидуальными и групповыми акторами поколений пенсионеров (П'), родителей (Р'), молодежи (М') с акторами поколений пенсионеров (П), родителей (Р), молодежи (М).

Модель макроуровня дает возможность оценить роль каждой возрастной когорты в жиз-

Таблица 2 / Table 2

Модель обменов ресурсами между поколениями на макроуровне / Model of resource exchange between generations at the macro level

Поколение П' (передача – прием ресурсов)		
Поколение П (передача – получение материальных и нематериальных ресурсов)	Поколение Р (передача – получение материальных и нематериальных ресурсов)	Поколение М (передача – получение материальных и нематериальных ресурсов)
Исход обменов: – донорство – реципиентство – паритет	Исход обменов: – донорство – реципиентство – паритет	Исход обменов: – донорство – реципиентство – паритет
Поколение Р' (передача – прием ресурсов)		
Поколение П (передача – получение материальных и нематериальных ресурсов)	Поколение Р (передача – получение материальных и нематериальных ресурсов)	
Исход обменов: – донорство – реципиентство – паритет	Исход обменов: – донорство – реципиентство – паритет	
Поколение М' (передача – прием ресурсов)		
Поколение П (передача – получение материальных и нематериальных ресурсов)	Поколение Р (передача – получение материальных и нематериальных ресурсов)	Поколение М (передача – получение материальных и нематериальных ресурсов)
Исход обменов: – донорство – реципиентство – паритет	Исход обменов: – донорство – реципиентство – паритет	Исход обменов: – донорство – реципиентство – паритет

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ни индивидуального или группового актора определенного поколения, выявить тенденции межпоколенческих коммуникаций.

Основываясь на данных модели макроуровня, органы государственной власти могут сформировать комплексную систему мер по преодолению межпоколенческих разрывов с целью интегрировать разные возрастные когорты российского общества (и прежде всего, молодежь) в соответствии с установленными целями. В частности, основываясь на постулатах социологической схемы Р. Парсонса [7], можно предложить реализацию четырех типов проектов преодоления межпоколенческих разрывов по сферам общественной жизни через

механизм совместной деятельности представителей разных возрастных когорт.

Социальная сфера включает проекты по развитию волонтерского движения, нацеленного на помощь молодежи пенсионерам и родителям; межпоколенческие физкультурные и спортивные мероприятия через механизмы тренерства; создание в сети Интернет социальных платформ, объединяющих представителей разных поколений для свободной коммуникации по актуальным проблемам развития личности, общества, государства. Политическая сфера основана на привлечении молодежи в различные политические процессы посредством содействия молодежным общественным

движениям; включении молодежи в принятие управленческих решений (особенно в части вопросов, касающихся молодого поколения); выявлении и обучении молодежных активистов посредством организации форумов, конгрессов.

Экономическая сфера предполагает реализацию мероприятий по профессиональной ориентации молодежи, нацеленных на осознанный выбор профессии; программ наставничества, адаптирующих молодежь в профессиональной деятельности; проектов, поддерживающих молодежные предпринимательские инициативы (особенно в сфере высоких технологий). Культурная сфера охватывает разнообразные

реальные и виртуальные формы взаимодействия представителей разных возрастных когорт в искусстве, науке, образовании с целью, с одной стороны, передачи знаний, умений, навыков, социальных норм молодежи, с другой стороны, модернизации и развития ценностного ядра российской цивилизации.

Предложенные автором статьи модели межпоколенческих обменов на микроуровне и макроуровне, основанные на балансах обменов материальными и нематериальными ресурсами, могут способствовать решению проблемы разрывов разных возрастных когорт, особенно — молодежи со старшими поколениями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции. М.: ИНИОН; 2000.
Mannheim K. Essays on the sociology of knowledge: The problem of generations-competitiveness — economic ambitions. Moscow: INION; 2000. (In Russ.).
2. Мангейм К. Проблема поколений. *Новое литературное обозрение*. 1998;2(30):30–31.
Mannheim K. The problem of generations. *Novoye literaturnoye obozreniye = New literature review*. 1998;2(30):30–31. (In Russ.).
3. Blau P. Social Exchange. *International Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. 7. NY: Macmillan; 1968.
4. Levi-Strauss C. The Principle of Reciprocity. *Sociological Theory*. NY: Macmillan; 1964.
5. Emerson R. Exchange Theory. Boston: Houghton Mifflin; 1972.
6. Dahl R. Power as the Control of Behaviour. Oxford: Blackwell; 1986.
7. Sills D.L., ed. *International Encyclopedia of the Social Sciences*. The Macmillan Co.; 1968.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Викторович Расторгуев — доктор политических наук, профессор Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
SRastorguev@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Rastorguev — Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
SRastorguev@fa.ru

Статья поступила 05.09.2021; принята к публикации 10.10.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 05.09.2021; accepted for publication on 10.10.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-11-16
УДК 316.4.051.63(045)

Межпоколенческий баланс в цифровую эпоху: глобальное измерение*

Е. В. Махмутова

Финансовый университет, Москва, Россия,
<https://orcid.org/0000-0002-9712-5023>

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены основные пути достижения баланса между различными поколениями в эпоху цифровизации. Отмечается, что цифровизация затрагивает многие сферы жизни, и внедрение процессов автоматизации будет все заметнее оказывать влияние на углубление межпоколенческой разобщенности на глобальном уровне. Цель статьи – выявление основных путей преодоления межпоколенческого разрыва в цифровую эпоху на глобальном уровне. Для достижения поставленной цели автор решает ряд следующих задач. Во-первых, проанализирован категориальный аппарат, раскрывающий подходы к поколенческим циклам в американской теории поколений. Во-вторых, анализируются причины, обуславливающие существующий межпоколенческий разрыв на глобальном уровне. Во-третьих, систематизирован имеющийся на Западе опыт преодоления межпоколенческого разрыва именно в цифровую эпоху. В конце делается вывод о том, что в цифровую эпоху важным шагом по преодолению межпоколенческого разрыва является повышение общего уровня финансовой и цифровой грамотности – двух неразрывно связанных между собой сфер экономики в современных условиях. Эмпирическую базу статьи составили материалы докладов международных организаций.

Ключевые слова: межпоколенческий разрыв; цифровизация; цифровая эпоха; поколение; ценности; стратегия; теория поколений; миллениалы; беби-бумеры

Для цитирования: Махмутова Е. В. Межпоколенческий баланс в цифровую эпоху: глобальное измерение. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):11-16. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-11-16

ORIGINAL PAPER

Intergenerational Balance in the Digital Age: A Global Dimension**

E. V. Makhmutova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9712-5023>

ABSTRACT

The article discusses the main ways to achieve a balance between different generations in the digitalization era. The author states that digitalization affects many areas of life, and automation will deepen intergenerational disunity at the global level. The article aims to identify the main ways to bridge the intergenerational gap in digital times at the global level. The author solves several tasks to achieve the goal. First, the author analyzes categorical apparatus revealing the approaches to generational cycles in the American generational theory. Secondly, the author analyses the reasons for the existing intergenerational gap at the global level. Thirdly, the author systematized the experience of bridging the intergenerational gap in the digital era. Finally, the author concluded that an essential step towards bridging the intergenerational gap in the digital age is to increase the overall level of financial and digital literacy. The empirical base of the article was based on materials of international organizations' reports.

Keywords: intergenerational gap; digitalization; digital age; generation; values; strategy; generational theory; millennials; baby boomers

For citation: Makhmutova E. V. Intergenerational balance in the digital age: A global dimension. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):11-16. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-11-16

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету.

** The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state task to the Financial University.

В английском языке есть фраза «to bridge the gap», которая означает преодолеть разрыв, сгладить различия, найти точки пересечения. Одна из актуальных проблем современной эпохи, в контексте которой сглаживание различий представляет собой важную общественно-политическую задачу, — межпоколенческий разрыв, разобщенность поколений, отсутствие или выраженное увеличение дистанции между представителями разных возрастных групп. Если молодое поколение легко адаптируется к экономическим, культурным, технологическим вызовам современности, то старшему в силу возраста сложнее удастся встроиться в актуальные тренды общественного развития. Межпоколенческий разрыв напрямую влияет на политический дискурс, в отдельных случаях создавая напряжение между различными социальными группами. Среди проявлений межпоколенческого разрыва, влияющих на устойчивость политической системы государства, выделяют, помимо прочего, разницу в понимании стратегических приоритетов страны, а также ценностных ориентиров общества [1].

Бум исследований, посвященных межпоколенческой разобщенности и путям ее преодоления, пришелся на вторую половину XX в., когда в центр международной повестки ставилась задача послевоенного мироустройства, решения экономических, социальных, а главное, демографических задач в условиях недопущения нового глобального международного конфликта. Неслучайно именно с конца 40-х гг. принято типологизировать поколения, наделяя их специфическими чертами, выделять отличия, не свойственные предыдущему и последующему поколениям (хотя, несомненно межпоколенческие теории имели место в научной литературе и ранее). Сегодня общепринято делить поколения на несколько подгрупп, каждая из которых переживает в стадии своего становления знаковые исторические события или социокультурные трансформации. Базовым подходом к типологизации принято считать предложенное американскими исследователями Уильямом Штраусом и Нилом Хоувом деление поколений на исторические циклы, начиная с позднего Средневековья и заканчивая Миллениумом [2]. Теория поколений Штрауса и Хоува получила широкое распро-

странение в США и за рубежом, частично она была адаптирована и в российском академическом сообществе.

Россия во многом переняла общепризнанную типологию, связав трансформацию российских поколенческих групп с присущими ей как глобальными, так и сугубо национальными процессами. В частности, исследователи из Центра управления благосостоянием и филантропии Московской школы управления Сколково выделяют следующую типологизацию российских поколенческих групп:

Беби-бумеры (1944–1963 г.р.), период взросления которых пришелся на 60–70-е гг., т.е. на исторический отрезок, ознаменованный такими событиями как «оттепель», первый полет человека в космос, холодная война, появление цветного телевизора, общее повышение материального благосостояния советского человека, брежневский застой, в глобальном измерении — деколонизация, войны во Вьетнаме и Афганистане.

Поколение X (1964–1984 г.р.). Становление этого поколения пришлось на завершение холодной войны и падение Берлинской стены, распад СССР и связанные с этим экономический кризис и локальные военные конфликты, рыночные реформы. В технологическом плане авторы исследования связывают становление поколения X с появлением персонального компьютера, массовой автомобилизации, личных квартир.

Поколение Y (миллениалы) (1985–2003 г.р.). Взросление представителей данного поколения пришлось на 1990–2010-е гг. Данный отрезок известен войнами на Ближнем Востоке, «цветными революциями», финансовыми кризисами, появлением «интернета в кармане» (смартфоны и планшеты), социальных сетей, sharing-экономики, Web 2.0¹.

Интерес к преодолению межпоколенческих разрывов в различных странах определяется необходимостью поддерживать высокий уровень конкурентоспособности национальной экономики, а также развивать в обществе механизмы социальной и политической мобильности. Ключевым фактором, отличающим современную проблему межпоколенческой ра-

¹ Разрыв между поколениями. URL: https://common.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_WTC_Research/SKOLKOVO_WTC_Generations_Rus.pdf.

зобщенности от аналогичных сюжетов в прошлом (а о проблеме «отцов и детей» говорил еще Аристотель в труде «Риторика»), является стремительное развитие цифровых технологий, все глубже проникающих во всех сферы жизни. Цифровизация вызывает структурную безработицу, причем в развитых странах машины с большей скоростью будут вытеснять рабочую силу по причине демографического спада, во многих сферах роботизация усилит нагрузку на социальную сферу, встанет вопрос о выплате безусловного базового дохода [3].

Технологический разрыв зачастую влечет за собой и разрыв ценностный, когда в противоречие вступают противоположные поведенческие паттерны, у молодежи появляются новые ориентиры, часто виртуальные и не всегда понятные старшему поколению. В качестве примера подобной ценностной разобщенности можно привести «цветные революции» на постсоветском пространстве. Тогда в центре общественного дискурса стояли не просто вопросы выбора политического пути, а именно разрыва с прошлым (именно советским), декоммунизация, дерусификация как атрибуты этого прошлого, сарказм и даже агрессия в отношении старшего поколения, не желавшего идти революционным путем и отказываться от предыдущего опыта. Как отмечает Е. Пономарева, сетевые технологии (реализуемые в значительной степени в цифровом пространстве) являются неременным атрибутом «цветных революций», в них, как правило, нет явного политического лидера, или лидерство размыто [4].

Как отмечалось в материалах Всемирного экономического форума в 2016 г., разрыв между поколениями стал невидимым, потому что обсуждение вопросов об отношениях между поколениями почти не встречается в политических дискуссиях [5]. Однако это не говорит о том, что не существует потребности в решении вопросов, связанных с «наведением межпоколенческих мостов». Несмотря на высокую социально-политическую значимость преодоления межпоколенческих разрывов, реальная активность на этом направлении больше заметна в сфере бизнеса и управления кадровыми ресурсами. С этим связано распространение бизнес-стилистики в разрешении проблем взаимодействия между поколениями (особенно ярко это видно на примере США). Наиболее

часто отмечаются в качестве эффективных подходов к этому вопросу развитие взаимного наставничества между представителями старшего и младшего поколений, поощрение культуры инклюзивности, совершенствование механизмов обратной связи с учетом специфики доминирующих каналов коммуникации в различных поколениях, работа с определением глобальных целей развития и миссии организации (госучреждения, компании, отрасли или даже целой страны).

Во многом следуя этой логике, важно отметить, что ориентиром в оценке наличия мер и программ по преодолению межпоколенческих разрывов могут служить два подхода в работе со старшим и молодым поколениями. Один можно условно назвать «от старшего к молодому», он связан с адаптацией старшего поколения к быстро меняющимся условиям труда и социальных отношений. Другой — «от молодого к старшему» — подход, который напрямую связан с обеспечением молодым гражданам условий для профессионального старта. При этом в обоих случаях крайне важным остается обеспечение преемственности поколений, взаимное уважение и ответственность, сохранение накопленных знаний и опыта, ориентация на будущее, включая создание/сохранение благоприятных условий (в том числе с экологической точки зрения) для общественного развития.

В 2020 г., т.е. в разгар пандемии COVID-19, когда цифровой разрыв (digital gap) именно между представителями разных поколений [например, между школьниками (поколением Twitter и TikTok) и не всегда владеющими азами цифровой грамотности учителями] во многих обществах стал особенно отчетливым, Всемирный банк обновил данные по диджитализации в эпоху «новой нормальности»². По мнению авторов доклада, во многом именно цифровой разрыв стал триггером межпоколенческих противоречий, его наиболее заметным проявлением в «ковидную эпоху».

В частности, авторы доклада отмечают, что текущий кризис, несмотря на повсеместную поддержку цифровой отрасли, только усугубил существующий разрыв в сфере владения цифровыми навыками. Причем такой разрыв

² Accelerating Digital Inclusion in the New Normal URL: <https://clck.ru/Xx9nQ>.

характерен как для развитых экономик, так и для развивающихся систем. Отсутствие регулярного доступа к интернету заметно тормозит развитие процессов цифровизации, замедляет скорость адаптации к «новой нормальности» старшего поколения и автоматически приводит не только к технологическому, но и ментальному разрыву, к разнице восприятия современных вызовов и возможностей, которые предоставляет цифровая реальность.

Экономическая диверсификация в пользу старшего поколения отличает западные кейсы от российского, где молодежь на старте профессиональной карьеры в большинстве случаев не испытывает острых материальных проблем.

Совокупность вопросов, по которой сегодня фиксируется межпоколенческий разрыв — идеология, десакрализация истории, климат, пенсии, диджитализация — все сильнее «отрывает» молодое поколение от предшественников. Ярким примером является тот факт, что в странах Запада среди молодежи зачастую больше бедных людей, чем среди пожилых. Чтобы иметь высокие шансы поступить в университет и, возможно, скидки на обучение, американским выпускникам школ необходимо выражать активную гражданскую позицию, участвовать в волонтерских движениях, заниматься в спортивных секциях и творческих студиях.

Экономическая диверсификация в пользу старшего поколения отличает западные кейсы от российского, где молодежь на старте профессиональной карьеры в большинстве случаев не испытывает острых материальных проблем (живя с родителями либо уже подрабатывая в сферах, не требующих высокой квалификации). Для старшего поколения, наоборот, характерны такие проблемы, как низкие пенсии (которые расходуются, в том числе, на детей и внуков), невостребованность в профессии, отсутствие привычки следить за своим здоровьем и, как следствие, набор хронических

заболеваний в старости, препятствующих ведению активной жизни в социуме.

К слову, в США в целях преодоления ценностного разрыва между поколениями учредили специальные семейные национальные праздники — День матери, День отца, День родителей, День бабушек и дедушек. Подобные дни — попытка властей стимулировать представителей разных поколений к укреплению связей и преодолению системной разобщенности хотя бы эпизодически.

Вернемся к политическим смыслам межпоколенческого разрыва. Этот разрыв между поколениями в избирательном участии как раз и объясняет, почему политики в большей степени заботятся о пожилых людях, нежели о молодежи.

В условиях пандемии COVID-19 нельзя не отметить наметившийся тренд на все большее взаимопроникновение личной жизни и профессиональной деятельности: развитие удаленного формата работы фактически «перенесло работу в дом и семью», рабочее место все чаще оказывается в «домашних стенах», а не в специальном помещении, офисе. К такой форме организации труда быстрее адаптируются более молодые поколения, имеющие высокий уровень владения современными технологиями. Некоторые его представители идут дальше, и если позволяют уровень оплаты труда и характер работы, то готовы снимать офис в более комфортных климатических и бытовых условиях, фактически совмещая свой отдых и хобби с работой.

Обращая внимание на указанные тенденции, а также осуществляя проекты в области цифрового правительства и развития цифровой экономики, государства постепенно начинают запускать программы по развитию цифровой грамотности.

Так, например, правительство Канады приступило к реализации соответствующей программы (Digital Literacy Exchange program) на период с 2018/2019 по 2021/2022 г. с бюджетом 29,5 млн долл.³ Ее основная задача — обучить граждан базовым навыкам в цифровой области: безопасному и эффективному владению новыми мобильными и компьютерными устройствами, а также использованию интернета. Как

³ Digital Literacy Exchange Program. URL: <https://www.ic.gc.ca/eic/site/102.nsf/eng/home>.

отмечают авторы программы (и это верно для любых проектов такого рода), использование интернета в повседневной жизни недостаточно показательно для развития цифровых навыков, важно, чтобы граждане почувствовали выгоды от «пребывания онлайн»⁴. Примечательно, что программа входит в правительственный План развития инноваций и навыков. Выделенные средства направляются в некоммерческие организации для проведения обучающих занятий.

Наиболее емко характеристики цифровой культуры описали эксперты для очередного доклада Всемирного экономического форума «Цифровая культура: движущая сила цифровой трансформации» (Digital Culture: The Driving Force of Digital Transformation, июнь 2021 г.)⁵. В указанной публикации в качестве базы для развития такой культуры они отметили использование цифровых инструментов и опору на анализ данных для поиска и продвижения решений, а также ориентацию на потребителя при осуществлении инновационной и коммуникационной активности. Указанные навыки, как правило, составляют основу программ по повышению квалификации для сотрудников различных возрастов в организациях, где стремятся преодолевать межпоколенческие разрывы и повышать уровень цифровой зрелости.

С развитием цифровой грамотности напрямую связана реализация проектов по повышению финансовой грамотности. Как показало исследование ОЭСР в 2020 г. (OECD/INFE 2020 International Survey of Adult Financial Literacy), респонденты, уверенно владевшие базовыми цифровыми навыками, показали более высокие результаты в финансовой грамотности.

⁴ Digital Literacy Exchange Program. URL: <https://www.ic.gc.ca/eic/site/102.nsf/eng/home>.

⁵ Digital Culture: The Driving Force of Digital Transformation. URL: <https://clck.ru/Xx9qD>.

Например, в Венгрии уровень финансовой грамотности у тех опрошенных, кто активно пользовался цифровыми устройствами и сервисами, составил 12,6% против 10,3% у тех, кто не имеет таких навыков, в Эстонии это соотношение составило, соответственно, 13,5 и 11,0%, в Словении — 14,7 и 8,0%⁶.

За последние годы, во многом благодаря цифровым и мобильным технологиям, заметно распространились доступные для граждан финансовые инструменты. Наиболее активно ими пользуется молодежь старше 29 лет и люди среднего возраста, совершая операции с акциями, валютами, участвуя в инвестировании. По результатам Глобального опроса (организовано The Standard & Poor's) возрастная группа 36–50 лет характеризуется максимальным уровнем финансовой грамотности, а группа 65+ демонстрирует наиболее низкий уровень [6].

В условиях повсеместной диджитализации активное пользование цифровой средой для представителей разных поколений (при условии все же разного потребляемого контента) является одним из инструментов преодоления межпоколенческих разрывов. Вместе с тем важно отметить взаимосвязь владения цифровыми компетенциями с развитием финансовой грамотности, что оказывает существенное влияние на уровень материального благополучия в различных возрастных категориях. В сфере государственной культурной политики поощрение семейных программ и проектов, ориентированных на сближение нескольких поколений внутри одной семьи, культ семьи в нарративах национальных праздников также направлены на коррекцию сложившегося за долгие годы поведенческого и ценностного паттерна.

⁶ OECD/INFE 2020 International Survey of Adult Financial Literacy. URL: <https://clck.ru/XwTa3>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шатилов А. Б. Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтности в современном российском обществе. *Власть*. 2019;(4):26–32. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6581>.
2. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. URL: <https://archive.org/details/GenerationsTheHistoryOfAmericasFuture1584To2069ByWilliamStraussNeilHowe/page/n45/mode/2up>.
3. Расторгуев С. В., Тянь Ю. С. Цифровизация экономики России: тенденции, кадры, платформы, вызовы государству. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019;(5):136–161.

4. Пономарева Е. Г. Секреты «цветных революций»: современные технологии смены политических режимов. (Часть 3). *Свободная мысль*. 2012;(5–6):38–47.
5. Pisani-Ferry J. How do we bridge the generation gap? URL: <https://clck.ru/XwS82>
6. Klapper L., Lusardi A., Van Oudheusden P. Financial Literacy Around the World: Insights From The S&P Global Finlit Survey. URL: <https://clck.ru/XwTcX>.

REFERENCES

1. Shatilov A. B. Generational gaps as a factor of growing conflicts in modern Russian society. *Vlast` = Power*. 2019;(4):6–32. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6581>.
2. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. URL: <https://archive.org/details/GenerationsTheHistoryOfAmericasFuture1584To2069ByWilliamStraussNeilHowe/page/n45/mode/2up>.
3. Rastorguev S. V., Tjan Yu. S. Digitalization of the Russian economy: trends, personnel, platforms, and challenges to the state. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;(5):136–161. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.08>.
4. Ponomareva E. G. Secrets of the “colour revolutions: modern technologies of changing political regimes (Part 3). *Svobodnaya misl`*. 2012;(5–6):38–47. (In Russ.).
5. Pisani-Ferry J. How do we bridge the generation gap? URL: <https://clck.ru/XwS82>
6. Klapper L., Lusardi A., Van Oudheusden P. Financial Literacy Around the World: Insights From The S&P Global Finlit Survey. URL: <https://clck.ru/XwTcX>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгения Викторовна Махмутова — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
elrus@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya V. Makhmudova — Candidate of Political Sciences, Assistant Professor, Political Sciences Department, Financial University, Moscow, Russia
elrus@yandex.ru

Статья поступила 12.10.2021; принята к публикации 05.11.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.10.2021; accepted for publication on 05.11.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-17-21
УДК 374.32(045)

Инфантильность современного общества и проблема электорального возраста: рациональный взгляд*

А.Б. Шатилов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию проблем инфантилизации современных обществ, а также основных причин межпоколенческих разрывов, существенно влияющих на социально-политическое взаимодействие между различными поколенческими стратами. При этом отмечается, что главными инициаторами и бенефициарами подобных деструктивных процессов являются «прогрессистские» неолибертарианские элиты, которые стремятся к демонтажу традиционных обществ. Автор обращает внимание читателей на следующий парадокс: несмотря на то, что социологи, политологи, демографы и психологи отмечают стремительную инфантилизацию молодежи, тем не менее, основным трендом ведущих государств мира в начале XXI столетия является максимально возможное вовлечение молодых людей в политику, в том числе в электоральные процессы. Однако «преждевременная» политическая социализация молодежи, по мнению автора, таит в себе очень серьезные риски для устойчивого развития современных государств, в том числе для Российской Федерации.

Ключевые слова: молодежь; выборы; электоральный возраст; инфантилизация; «прогрессисты»; государство; эйд-жизм; поколенческие разрывы

Для цитирования: Шатилов А.Б. Инфантильность современного общества и проблема электорального возраста: рациональный взгляд. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):17-21. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-17-21

ORIGINAL PAPER

The Infantilism of Modern Society and the Problem of Electoral Age: A Rational View**

A.B. Shatilov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>

ABSTRACT

The article is devoted to studying the problems of infantilization of modern societies, as well as the main reasons for intergenerational gaps that significantly affect the socio-political interaction between different generational strata. At the same time, the author noted that the main initiators and beneficiaries of such destructive processes are the “progressive” neo-libertarian elites who seek to dismantle traditional societies. The author draws the readers’ attention to the following paradox: even though sociologists, political scientists, demographers and psychologists note the rapid infantilization of youth, nevertheless, the primary trend of the leading states of the world at the beginning of the 21st century is the maximum possible involvement of young people in politics, including, the electoral processes. However, according to the author, the “premature” political socialization of youth is fraught with severe risks for the sustainable development of modern states, including the Russian Federation.

Keywords: youth; elections; electoral age; infantilization; “Progressives”; state; ageism; generational gaps

For citation: Shatilov A.B. The infantilism of modern society and the problem of electoral age: A rational view. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):17-21. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-17-21

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the research results carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University.

Прогрессистский подход господствует в мировой политической и социальной конъюнктуре со второй половины XIX в. Он предполагает однозначно позитивную оценку будущего по сравнению с настоящим и прошлым, убеждает граждан в торжестве и безграничных возможностях прогресса, обещает непереносимое «светлое завтра». Причем, этой точки зрения придерживались и придерживаются представители как либерального лагеря (в диапазоне от либерал-консерваторов до неолибертарианцев), так и левых сил (от ультракоммунистов до социал-демократов). Поэтому в политике, экономике, образовании, социальной сфере и т. д. наблюдается едва ли не тотальный культ реформ, отрицание традиций и обычаев, апологетика динамики по принципу «цель — ничто, движение все». И это несмотря на то, что радикальные политические и социальные эксперименты очень редко обеспечивают обществу гармонию и процветание, но очень часто — деструкцию и дестабилизацию.

При этом прогрессизм (особенно радикальный, неолибертарианский) очень жестко бьет по становому хребту каждого общества — межпоколенческой иерархии, которая обеспечивает устойчивость и преемственность любого социума. Апологеты прогрессизма полагают, что любая динамика лучше, чем статика, также они выступают за кардинальный разрыв настоящего с любой косной традицией и любым прошлым. Это касается и отношений различных поколений, и на этом направлении неолибертарианские прогрессисты стремятся к следующему:

- максимальному обострению отношений «отцов» и «детей», чтобы у последних не осталось ни малейшего желания воспроизводить ценности и культурные приоритеты предков;
- разрушению или реформатированию традиционных институтов социализации подрастающего поколения (семья, школа, армия, вуз);
- обособлению и «окукливанию» различных поколенческих сред, их автономизации;
- нарушению социальной иерархии и субординации;
- созданию атмосферы межпоколенческих фобий, взаимных подозрений и упреков (прежде всего, в рамках концепта «эйджизма»).

При этом в качестве движущей силы таких изменений неолибертарианцы выбрали современную молодежь. Она наиболее подходит для продвижения идей радикального прогрессизма, так как:

- молодежь практически всегда настроена критически и даже оппозиционно по отношению к власти, особенно той, которая стремится хранить традиции и социально-политическую преемственность;
- молодежь весьма амбициозна, и в ее среде легко разжечь претензии к якобы «эйджизму» современного общества;
- молодежь, в силу отсутствия у нее знаний и жизненного опыта, легко манипулировать и направлять в нужном ключе;
- современная молодежь, практически целиком погруженная в виртуальную реальность, является гораздо более космополитичной и толерантной, чем другие слои общества.

Соответственно, «прогрессисты» активно используют молодежный фактор в своей борьбе с традиционным государством. С одной стороны, они стремятся сломать в пользу молодежи зачастую вполне объективные барьеры и ограничения. В частности, именно с подачи «прогрессистов» в развитых государствах активно продвигается идея «карьерных лифтов» в противовес «карьерным лестницам». Во-первых, идея быстрого «лифта» позволяет снискать поддержку молодого поколения, зачастую стремящегося минимизировать свою трудовую активность и надеющегося на счастливый случай. Во-вторых, нарушение традиционных возрастных балансов и преждевременный захват во власть молодежи влекут за собой ослабление системы управления, что, опять же, на руку «прогрессистам», стремящимся снести старый мир «до основания». С другой стороны, молодежь используется «прогрессистами» при реализации революционных проектов в качестве «острия» общественных протестов. Это наглядно демонстрирует опыт различного рода «цветных» революций начала XXI столетия.

Таким образом, «прогрессисты» являются основными лоббистами максимально раннего вовлечения молодежи в политику, причем, это касается как электорального участия, так и акций «прямого действия». В последнем случае доходит до того, что они оправдывают политизацию несовершеннолетних детей школьного

возраста (12–16 лет) на том основании, что они — «будущие граждане». В частности, прямо или косвенно поощряется их участие как в политизированных интернет-проектах, так и в митингах и демонстрациях (в том числе, несанкционированных). Это можно было видеть, например, в ходе российских протестов 2019–2020 гг., а также — политических протестов в других постсоветских странах (Армения, Украина, Беларусь и др.)¹.

Особо необходимо сказать об электоральном участии молодежи. «Прогрессисты», рассматривая ее как своего союзника по демонтажу традиционного государства, активно выступают за снижение электорального возраста для молодых людей под предлогом того, что, якобы, в «современную эпоху дети взрослеют раньше», а уголовная и административная ответственность наступает для них с 16 лет (во многих странах, в том числе в России). Кроме того, в качестве аргумента они апеллируют к проблеме увеличения явки избирателей, которая в последнее время снижается практически повсеместно в развитых странах [1].

Однако, как отмечают современные исследователи, большинство развитых государств мира ныне поражены социокультурным инфантилизмом, который характеризуется «не-самостоятельностью, неумением принимать самостоятельные решения, отсутствием желания решать проблемы по-взрослому, отсутствием желания развиваться, отсутствием целей в жизни, эгоистичностью и эгоцентричностью, безответственностью, склонностью к зависимостям, неспособностью к адаптации, отсутствием социального продвижения» [2]. Это приводит к тому, что политическое и социальное взросление отстает от взросления биологического. При этом данный факт является универсальным как для городского, так и для сельского населения. По мнению советника директора Российского института стратегических исследований Игоря Белобородова, «повальная постподростковость — это не персональный выбор итальянцев или японцев (у которых происходит то же самое), это глубокая деформация, кризис и уже в запущенной стадии...» [3]. Примечательно, что официально

признанных параметров молодого возраста в международной практике до сих пор не существует: пока в большинстве стран ориентируются на показатели Организации Объединенных Наций, которая для статистических целей определяет в качестве молодежи людей от 15 до 24 лет. Однако такой подход является слишком архаичным и опирается на резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 36/28 1981 г. Понятно, что с тех пор прошло 40 лет, мир кардинально изменился, в том числе изменились характеристики жизни человека, условия его социализации, во многом — даже его психотип. Поэтому большинство стран мира самостоятельно устанавливают возрастные границы детства, молодости, зрелости и старости. Примечательно, что в России также учли факт инфантилизации современного человека, и в 2019 г. официально повысили возраст молодежи с 30 до 35 лет². В ряде стран также отошли от устаревших рекомендаций ООН и подняли молодежный возраст как де-юре, так и де-факто до 35–50 лет (в научный оборот в рамках политики толерантности постепенно вводится даже понятие «вторая молодость»). Причем это обуславливается не только повышенной инфантильностью граждан, но и чисто биологическими причинами (в частности, ростом средней продолжительности жизни, особенно в развитых странах мира) [4].

Но самое интересное заключается в том, что, несмотря на признаваемую инфантилизацию общества, в мировой политике продолжает доминировать тренд на политизацию молодежи, ее активное приобщение к политическим процессам. В частности, наблюдается стремление неолибертарианцев снизить электоральный возраст [5], и так уже предельно заниженный. В большинстве стран мира — это 18 лет. «Консерваторами» являются Бахрейн (20 лет), Камерун (20 лет), Кувейт (21 год), Ливан (21 год), Оман (21 год), Сингапур (21 год), Тайвань (20 лет) и др. Однако уже сейчас имеется немало стран, где молодежь «с опережением» стремятся включить в число избирателей: Аргентина (16 лет), Австрия (16 лет), Бразилия (16 лет), Куба (16 лет), Эквадор (16 лет), Греция (17 лет), Индонезия (17 лет), Мальта (16 лет), Никарагуа (16 лет), Шот-

¹ Дети как прикрытие. Комментарии к закону о несовершеннолетних на митингах. URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20190706/301327349.html.

² Госдума приняла в первом чтении законопроект, повышающий возраст молодежи до 35 лет. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9975201>.

ландия (16 лет, для местных выборов), Уэльс (16 лет, для местных выборов) и др.

Однако, как показывает практика, большинство молодых избирателей делают свой выбор, либо следуя возрастному «стадному чувству», либо под влиянием манипулятивных технологий. В то же время классическая теория демократии предполагает, что выбор избирателя должен быть осознанным, продуманным и отражающим его собственные интересы. Однако каким может быть «ответственное решение» у молодых людей 18–24 лет, которые в большинстве своем не работают и не платят налоги, не состоят в браке и не имеют собственного жилья, жизненного опыта и прожиточного минимума знаний? [6]. Более того, в день голосования «среднестатистический» молодой человек становится не просто избирателем, но фактически вершит Власть и является «творцом Истории». Такого рода статус вкупе с другими бонусами («социальные лифты», приоритетное государственное финансирование молодежных проектов, дифирамбы «поколению будущего» в прессе и пр.) создают у молодежи искаженную иллюзию своей значимости и непогрешимости, препятствуют самокритике, вырабатывают надменное отношение к старшим поколениям.

Более того, культ молодежной политики нередко влечет за собой радикализацию молодого поколения, его участие в различного рода экстремистских и несистемных проектах. Особенно в том случае, когда завышенные ожидания молодежи входят в противоречие с реалиями практической жизни. Это особенно наглядно видно на примере «цветных революций» первых десятилетий XXI в., в которых именно молодежь играла роль движущей силы. При этом, в итоге, расчистив политическое пространство

для более старших и главных «игроков», она оставалась не у дел и не получала значимой компенсации за свои «труды»³.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, от Российской Федерации как современного, но сбалансированного государства, стремящегося к политической и социальной гармонии, требуется, если не юридический, то фактический пересмотр подходов к молодежной политике. В частности, имеет смысл:

- стараться вернуться к традиционной социальной иерархии, основанной на началах преемственности и авторитета опыта старших поколений в отношении молодежи (при сохранении взаимного уважения и доверия между возрастными группами);
- через институт наставничества попытаться нивелировать инфантилизм современной молодежи, направить ее активность в конструктивное и практическое русло;
- минимизировать число «социальных лифтов», продвигая при этом в рамках карьерной, профессиональной и гражданской мобильности идею «социальных лестниц»;
- ввести в действие (хотя бы на латентном уровне) принцип социального рейтингования и учитывать его в реализации кадровой политики;
- в связи с ростом значимости коллективных политических решений (в условиях пандемии, «войны санкций», общемировой турбулентности и пр.) рассмотреть вопрос о повышении электорального возраста до 25 лет (по крайней мере, на федеральных выборах).

³ Социологическое исследование «Поколение молодых украинцев: жизненные приоритеты, политическая активность и социальная память». URL: <http://www.puls.od.ua/archiv/2021/ukryouthru.pdf>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фафин А. П. Снижение возраста избирателей как способ повышения электоральной активности граждан. *Научный поиск*. 2015;1(5):72–75.
2. Ручкин Б. А., Гришина Е. А., Серикова Н. А. Российская молодежь: десять главных проблем. М.: Изд-во Ин-та молодежи «Социум»; 1999.
3. Владыкина Т., Кухтенкова Е. Семья до востребования. Почему россияне не хотят взрослеть? *Российская газета*. 21.05.2014.
4. Гуров В. А. Хронобиология. Возрастная периодизация. *Universum: Химия и биология: электронный научный журнал*. URL: <http://7universum.com/ru/nature/archive/item/5703>
5. Стылинська Т. Важнейшее право демократии. URL: <https://inosmi.ru/world/20130703/210601062.html>
6. Ананченко А. Б. и др. Что надо знать о «цветных революциях»? URL: <https://www.litmir.me/br/?b=600876&p=1>.

REFERENCES

1. Fafin A. P. Decreasing the age of voters as a way to increase the electoral activity of citizens. *Nauchnyy poisk = Scientific search*. 2015;1(5):72–75. (In Russ.).
2. Ruchkin B. A., Grishina E. A., Serikova N. A. Russian youth: ten main problems. Moscow: Publishing house “Socium”; 1999. (In Russ.).
3. Vladykina T., Kukhtenkova E. Family on demand. Why do not Russians want to grow up? *Rossiyskaya Gazeta = Russian newspaper*. May 21, 2014. (In Russ.).
4. Gurov V. A. Chronobiology. Age periodization. *Universum: Khimiya i biologiya: elektronnyy nauchnyy zhurnal = Universum: Chemistry and Biology: an electronic scientific journal*. URL: <http://7universum.com/ru/nature/archive/item/5703>. (In Russ.).
5. Stylińska T. The fundamental right of democracy. URL: <https://inosmi.ru/world/20130703/210601062.html>. (In Russ.).
6. Ananchenko A. B. and others. What do you need to know about “colour revolutions”? URL: <https://www.litmir.me/br/?b=600876&p=1>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Борисович Шатилов — кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
ashatilov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander B. Shatilov — Cand. Sci. (Political Sciences), Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
ashatilov@fa.ru

Статья поступила 15.11.2021; принята к публикации 30.11.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.11.2021; accepted for publication on 30.11.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Обеспечение межпоколенческого диалога в современном Китае: традиционализм vs вестернизация*

Е.О. Соболева

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-8520-0412>

АННОТАЦИЯ

Сегодня тема обеспечения межпоколенческого диалога является одной из наиболее актуальных, что связано, с одной стороны, с объективными причинами – ускорение темпов общественного развития и смена коммуникационной парадигмы привели к появлению «цифрового разрыва» между поколениями, что влияет на качество передачи межпоколенческого духовного и интеллектуального опыта. С другой стороны, активно идущая на Западе социокультурная трансформация привела к формированию новых ценностных установок, отношение к которым у представителей разных поколений отличается. Проявляющийся ценностный разрыв в условиях отсутствия эмоциональной и психологической связи родителей и детей еще сильнее обостряет проблему межпоколенческой коммуникации и общественного единства. Как результат – родители перестают быть авторитетом, носителями опыта и знаний для своих детей, а образовавшийся вакуум заполняют блогеры, тиктокеры и селебрити. В индивидуалистических культурах, вроде США, эта проблема сегодня является ключевой при анализе межпоколенческих взаимоотношений. В коллективистских культурах, несмотря на сохранение института семьи в жизни ребенка, влияние интернета делает свое дело, и молодежь постепенно приобщается к новомодным ценностным западно-либеральным стандартам. Ключевой вопрос заключается в том, насколько в условиях неизбежной ценностной трансформации китайскому обществу с его многовековыми традициями удастся обеспечивать межпоколенческий диалог.

Ключевые слова: межпоколенческий диалог; Китай; конфуцианство; вестернизация; социокультурная трансформация

Для цитирования: Соболева Е.О. Обеспечение межпоколенческого диалога в современном Китае: традиционализм vs вестернизация. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):22-26. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-22-26

Providing Intergenerational Dialogue in Contemporary China: Traditionalism vs Westernisation**

E.O. Soboleva

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8520-0412>

ABSTRACT

Today, providing intergenerational dialogue is one of the most relevant ones. On the one hand, it relates to objective reasons – the acceleration of the social development pace and transformation of the communication paradigm has led to the emergence of a “digital divide” between generations, which affects the quality of intergenerational spiritual and intellectual experience transmission. On the other hand, the socio-cultural transformation actively taking place in the West has led to the formation of new values and beliefs, the attitude towards which among representatives of different generations is not the same. The emerging value gap in the absence of emotional and psychological connection between parents and children further exacerbates the problem of intergenerational communication and social cohesion. As a result, parents cease to be an authority, custodian of experience and knowledge for their children, and the resulting vacuum is filled by bloggers, “tiktokers”, and celebrities. In individualistic cultures such as the United States, this problem is vital in analysing intergenerational relationships. In collectivist cultures, despite the preservation of family institutions

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета в 2021 г.

** The article was prepared based on the research results carried out at the expense of budgetary funds on the state order to the Financial University in 2021.

in a child's life, the influence of the Internet is doing its job, and young people are gradually joining the new-fangled value of Western liberal standards. And the critical question is to what extent, given the inevitable value transformation, the Chinese society, with its centuries-old traditions, manages to ensure intergenerational dialogue.

Keywords: intergenerational dialogue; China; Confucianism; westernization; socio-cultural transformation

For citation: Soboleva E.O. Providing intergenerational dialogue in contemporary China: Traditionalism vs westernisation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University.* 2021;11(6):22-26. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-22-26

Тема межпоколенческих отношений является одной из наиболее популярных в современной психологии и социологии, так как сегодня мир переживает очередную виток социокультурной трансформации, на которую индивиды и группы ввиду личного опыта и социально-политических установок реагируют по-разному, что порождает ценностный разрыв в обществе. Причем сильнее всего этот ценностный разрыв виден через призму поколенческого отношения к социокультурной трансформации. Стремительно меняющиеся нормы поведения и ценностные установки становятся причиной противоречий между поколениями, так как скорость и желание их имплементации у представителей разных поколений отличается. Нивелировать этот разрыв и обеспечить устойчивость общества возможно путем диалога между поколениями.

Китайский кейс был взят не случайно, так как, несмотря на глобализацию и всеобщий процесс вестернизации, КНР на протяжении длительного времени удавалось сохранить многовековые конфуцианские традиции, на которых зиждется китайское общество, а также инициировать альтернативный вариант цивилизационного развития, оформленный в концепцию истернизации. Разумеется, это не значит, что китайское общество не претерпело изменений — оно, как и все остальные, под влиянием современных глобализационных процессов приобрело ряд новшеств, но сумело сохранить ценностный фундамент, заложенный тысячелетия назад и передаваемый из поколения в поколение. С самого детства юным китайцам внушают тезис Конфуция: «Из древних, чудесных камней сложите ступени будущего»¹.

Для анализа китайской модели межпоколенческого диалога обратимся к системному

подходу, рассмотрев межпоколенческое взаимодействие как отдельную социальную систему, состоящую из субъектной подсистемы (кто задействован в процессе), институциональной подсистемы (какие социальные институты принимают участие в этом процессе), ценностной подсистемы (каков объект и продукт этого взаимодействия), процессуальной подсистемы (характер взаимодействия).

Начнем с субъектной. В воспитании молодого поколения задействованы все члены семьи, включая бабушек и дедушек. Подобная модель семейных отношений основывается на ключевой роли семьи в китайском обществе — именно она ответственна за воспитание моральных и нравственных качеств у подрастающего поколения. На этом же принципе строится и государство в целом. Конфуций заложил основы взаимоотношений семьи и государства, сформулировав их следующим образом: «Государство — это большая семья, а семья — это маленькое государство». В итоге, базовыми нормами поведения, передаваемыми от старшего поколения младшему, являются уважение к старшим, преклонение перед их авторитетом и опытом, беспрекословное подчинение ему.

В результате китайская модель межпоколенческого диалога базируется на традиционном понимании семьи, задача которой передать традиции и ценности китайской культуры от старших поколений младшим. Не изменился тип культурной трансмиссии и сегодня — семья несет полную ответственность за воспитание молодого человека перед обществом и государством. Именно поэтому родители контролируют все сферы жизни ребенка, применяя зачастую жесткие методы воспитания [1].

В то же время нужно признать, что реформы Дэн Сяопина, начатые в конце 1970-х гг., коснулись и социальной сферы, а именно — видоизменили структуру семьи. Был осуществлен переход от традиционной семьи, к которой относились родители и дети со своими семьями,

¹ Этические стандарты Древнего Китая в афоризмах Конфуция». URL: <https://clck.ru/XwMНр>.

живущие под одной крышей, к нуклеарной. Изменения коснулись авторитета и статуса старшего члена семьи: в рамках традиционной патриархальной семьи главой считался самый старший ее член, а в нуклеарной — супруг. Подобная трансформация структуры семьи привела к определенному дистанцированию детей от взрослых в их представлениях о ценностях и образе жизни. Более того, многовековая традиция многодетных семей в условиях принятия правила «Одна семья — один ребенок» ушла в прошлое. И, несмотря на то, что в 2015 г. эта политика была официально отменена², в китайском обществе сохранился феномен «маленького императора» (сяо хуанди) — единственного ребенка в семье, для которого взрослые стараются создать особые условия, баловать, удовлетворять материальные потребности. Подобная модель воспитания детей положила начало социальному расслоению учащихся в школах и вузах на «бедных» и «обеспеченных». По данным китайских социологических опросов, более 60% респондентов отмечают, что стыдятся своего бедственного финансового положения, а 22% испытывают унижение из-за этого и стремятся самоизолироваться [2]. Подобная ситуация ведет к постепенному отмиранию принципа самосовершенствования и нравственной ответственности перед собой и обществом, заложенного в конфуцианстве.

Также существует риск отхода от базового принципа конфуцианства — сыновьего почтения и долга, который перерастает в заботу о престарелых родителях. В условиях дифференцированного уровня социального страхования и пенсионного обеспечения дети берут на себя финансовую заботу о своих родителях в старости [2]. В то же время финансово обеспечивать родителей и прародителей с обеих сторон одному ребенку сложно, особенно если в семье родилась девочка, которая после выхода замуж должна заботиться о родителях мужа. Для нивелирования этой проблемы в 1997 г. Госсовет КНР принял решение о введении системы базовой пенсии для работников государственного сектора, а несколько лет назад в Китае появились дома престарелых западного образца [3].

² Власти Китая разрешили семьям заводить трех детей.
URL: <https://clck.ru/XwNNz>.

Результатом подобной трансформации структуры семьи является постепенное разрушение традиционных ценностей: на смену абсолютному почитанию старших приходит индивидуальное развитие молодых китайцев и диалог на равных между поколениями, что характерно для западной индивидуалистической культуры. Более того, традиционные вертикальные отношения «отец-сын» все чаще подменяются горизонтальными — «семья-общество». Опасность подобной трансформации кроется в том, что почитание старших — не просто поведенческая норма, — в его основе лежит поддержание гармоничного развития общества и государства, и уважение к императору/руководителю также базируется на этом конфуцианском принципе. Таким образом, раньше, будучи важнейшим социальным паттерном и регулятором, этот принцип поддерживался государством посредством идеологии и законодательной системы.

Помимо семьи, в межпоколенческой коммуникации и передаче опыта принимают участие и другие социальные институты, в первую очередь — школа и вуз (институциональная подсистема). Они во многом компенсируют те ценностные изменения, которые были отмечены выше при анализе института семьи. Так, ученик и студент обязаны соблюдать принцип уважения и почтения к учителям и преподавателям — с ними не спорят, их слова не подвергаются сомнению, так как они — носители опыта и знаний. В то же время образовательные институты закладывают такие ценности, как трудолюбие, дисциплинированность, нацеленность на результат и самоотдачу. Задача каждого ученика — проявлять старательность и работать на пределе возможностей: подобная требовательность к себе и строгость педагогов позволяют абсолютному большинству учащихся выйти с одинаково высоким уровнем знаний [1].

Соответственно, все вышеперечисленное позволяет выделить базовые ценности, которые передаются из поколения в поколение, — именно они являются объектом межпоколенческого взаимодействия и прописаны в базовых сводах конфуцианских текстов «Лунь Юй» («Беседы и Суждения») и «Сы шу» («Четверокнижие»). К ним же можно отнести главный принцип конфуцианской этики — «жэнь» (совершенная добродетель, милосердие) [2], основанные на

нем почтительность и уважение к старшим, а также нравственную ответственность человека перед самим собою и социумом. Все это является интегрирующими ценностями, способными объединить представителей разных поколений. В то же время можно отметить ряд ценностей, которые, несмотря на свое существование и поддержку старшего поколения, все меньше воспринимаются молодыми как основополагающие. Среди них — абсолютный авторитет главы семьи и многочисленная патриархальная семья, что ввиду индивидуалистического подъема среди молодежи и трансформации семейного устройства перестало играть ключевую роль в жизни молодых китайцев.

Тем не менее описанная выше традиционность китайского общества требует некоторого уточнения. Так, подробный анализ современной ценностной системы молодых китайцев демонстрирует влияние Запада и западных ценностей на их мировоззрение, что выражается в росте индивидуализма и продвижения так называемой культуры «милоты, детскости, ребячества» среди взрослой молодежи или кавайности. Иными словами, кавайность³ хорошо вписывается в новую западную парадигму вечного детства и молодости. Данная тенденция стала возможной в традиционном китайском обществе благодаря интернету — глобальная сеть привела к передаче опыта западной культуры, преимущественно американской. В то же время, несмотря на распространенность культуры кавайности, молодые китайцы, в отличие от американцев, рано взрослеют — высокая конкуренция среди многочисленного населения за достойную работу и положение в обществе заставляет их быстро сделать профессиональный выбор и развиваться в этой стезе. Более того, целенаправленную политику в этой области проводит и государство, препятствуя на законодательном уровне масштабному распространению современной западной системы ценностей среди молодежи. Так, в 2021 г. был принят закон, согласно которому на телевидении запрещено показывать «женоподобных» мужчин. Вместо этого телеканалы будут продвигать социали-

стическую культуру и традиционные китайские ценности. Кроме того, дети до 16 лет не могут участвовать в интернет-стримах, а склонение их к заработку в сети Интернет жестко карается законом. Запрещена также пропаганда среди детей материалистических ценностей и «поклонения деньгам»⁴.

В итоге основным отличием западной и китайской моделей межпоколенческого взаимодействия является сохраняющийся в Китае тип передачи опыта и знаний — от старших к младшим (процессуальная подсистема межпоколенческого взаимодействия). Именно старшее поколение является носителем уникальных традиций и бесценного опыта, за передачу которого оно ответственно не только перед семьей, но и обществом, и государством в целом. При этом в Китае считается, что учиться на своих ошибках — это неверная жизненная стратегия, являющаяся результатом неправильного воспитания родителей. Поэтому ответственность старшего поколения сводится к тому, чтобы «ребенок этих ошибок не совершал» — так называемое «стратегическое авторитарное воспитание» [4]. И, судя по опросу, проведенному агентством «Синь-Хуа», китайская молодежь подобную модель воспитания принимает. Так, опрос школьников в возрасте от 13 до 19 лет показал, что в десятке героев на второе место они ставят своих родителей, а сам образ героя ассоциируется у них с добротой и благородством⁵.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить следующее: китайское общество изменяется, и это влияет на межпоколенческое взаимодействие. Среди основных факторов, влияющих на этот процесс: трансформация института семьи (переход от традиционной патриархальной семьи к нуклеарной), влияние вестернизации, изменение внутрисемейных отношений и роли детей в семье [5].

Но, несмотря на новые тенденции, Китай остается представителем коллективистской культуры, общественное устройство зиждется на иерархии зависимостей — т.е. каждый зависит от кого-то. И задача родителей — воспитать ребенка таким образом, чтобы он смог

³ Понятия «кавайный» или «каваи» пришли из японской культуры и означают «милый», «прелестный», «хорошенький», «славный», «маленький». То есть кавайность — это культура «милоты», трогательности и беззащитности.

⁴ В Китае запретили вести стримы детям до 16 лет и делать из них звезд. URL: <https://clck.ru/XwNi6>.

⁵ Семейное воспитание в Китае: конфуцианские традиции и современные проблемы. URL: <https://sinologist.com.ua/wp-content/uploads/2016/02/Котельникова.pdf>.

адаптироваться и ориентироваться в данной системе, подчиняя собственные интересы ценностям группы. Такая модель априори готовит человека с детства к подчинению и гармоничному социальному взаимодействию с группой/

социумом без каких-либо противоречий. И то место, где ребенок впервые осваивает данную систему зависимостей, — это семья, которая способствует его дальнейшей способности ориентироваться в социальной среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Громова А. Особенности китайского воспитания: как сделать из ребенка «сверхчеловека». URL: <https://clck.ru/XwMMW>.
2. Котельникова Н. Семейное воспитание в Китае: конфуцианские традиции и современные проблемы. URL: <https://sinologist.com.ua/wp-content/uploads/2016/02/Котельникова.pdf>.
3. Забродина Е. Поднебесная, но не заоблачная. Как устроена пенсионная система в современном Китае. URL: <https://clck.ru/Ucjpo>.
4. Прихожан А., Толстых Н. Психология подросткового возраста. Учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт; 2016.
5. Кузьменко Е. Б., Скворцова И. А., Терешкова Н. С. Особенности взаимоотношений в китайской семье. *Молодой ученый*. 2015;19(99):99–102.

REFERENCES

1. Gromova A. Features of Chinese upbringing: making a “superman” out of a child. URL: <https://clck.ru/XwMMW>. (In Russ.).
2. Kotelnikova N. Family education in China: Confucian traditions and modern problems. URL: <https://sinologist.com.ua/wp-content/uploads/2016/02/Kotelnikova.pdf>. (In Russ.).
3. Zabrodina E. Celestial, but not transcendental. How does the pension system work in modern China? URL: <https://clck.ru/Ucjpo>. (In Russ.).
4. Parishioners A., Tolstykh N. Psychology of adolescence. Textbook and workshop for academic bachelor’s degree. Moscow: Yurayt; 2016. (In Russ.).
5. Kuzmenko E. B., Skvortsova I. A., Tereshkova N. S. Peculiarities of relationships in a Chinese family. *Molodoy ucheny = Young scientist*. 2015;19(99):99–102. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгения Олеговна Соболева — аспирантка Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
EOSoboleva@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya O. Soboleva — Postgraduate Student, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
EOSoboleva@fa.ru

Статья поступила 15.11.2021; принята к публикации 30.11.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.11.2021; accepted for publication on 30.11.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-27-33
УДК 314.6+334.724(045)

Российская семья в контексте деятельности организаций гражданского общества*

Д.М. Ковба

Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2048-0967>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию деятельности организаций гражданского общества России по делам семьи. В ходе работы исследуется проблема положения семьи по отношению к гражданскому обществу и изучаются практические вопросы, касающиеся вклада организаций гражданского общества (на примере социально ориентированных некоммерческих организаций – СО НКО) в улучшение положения семьи и укрепления семейных ценностей. В теоретической части работы анализируется массив источников, посвященных изучению связи семьи и гражданского общества в отечественной и зарубежной науке, выделяются основные подходы, описывающие их отношения. В практической части работы исследуются данные портала Минэкономразвития РФ о зарегистрированных СО НКО, материалы веб-сайтов НКО, а также нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность НКО в России. Выделяются основные направления работы таких организаций в отношении семьи. Делается вывод о том, что, несмотря на ряд сложностей, с которыми сталкиваются работники некоммерческих организаций, их деятельность вносит большой вклад в решение ключевых проблем семей. Утверждается, что для государства значимость исследуемых СО НКО состоит не только в разделении с ними бремени социальных обязательств, но и том, что они способствуют укреплению семейных ценностей, которые являются важной составляющей ценностной основы российского общества.

Ключевые слова: семья; проблемы семьи; семейные ценности; Россия; гражданское общество; некоммерческие организации; социально ориентированные некоммерческие организации

Для цитирования: Ковба Д.М. Российская семья в контексте деятельности организаций гражданского общества. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):27-33. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-27-33

ORIGINAL PAPER

Russian Family in the Context of the Activities of Civil Society Organizations**

D.M. Kovba

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2048-0967>

ABSTRACT

The article presented the study results of the activities of civil society organizations in Russia on family matters. The author solved the following tasks 1) investigation of the problem of the position of the family in relation to civil society; 2) practical issues related to the contribution of civil society organizations (using the example of socially-oriented non-profit organizations – SO NPOs) to improving the situation of the family and strengthening family values are studied. In the theoretical part of the work, the author analyzed an array of sources devoted to describing the relationship between the family and civil society in domestic and foreign science. Further, the author highlighted the main approaches describing their relationship. The practical part of the work examines the data of the portal of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation on registered SO NPOs, materials from the websites of NPOs, and legal acts regulating the activities of NPOs in Russia. The author highlighted the main directions of the work of such organizations concerning the family. The author concluded that, despite some difficulties faced by employees of non-profit organizations, their activities make a significant contribution to solving the critical problems of families. The author argued that for the state, the significance of the studied SO NPOs lies not only in sharing the burden of social

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020–2022 гг. (проект «Общественное согласие в России и конструирование гражданской идентичности как способ его достижения», рук. академик РАН В.Н. Руденко).

** The article was prepared with the support of the Program of Fundamental and Applied Scientific Research “Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening the All-Russian Identity”, 2020–2022 (project “Public harmony in Russia and the construction of civic identity as a way to achieve it”, headed by Academician of the Russian Academy of Sciences V.N. Rudenko).

obligations with them but also in the fact that they contribute to strengthening family values, which are an essential component of the value basis of Russian society.

Keywords: family; family problems; family values; Russia; civil society; non-profit organizations; socially oriented non-profit organizations

For citation: Kovba D.M. Russian family in the context of the activities of civil society organizations. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):27-33. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-27-33

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика российской семьи и семейных ценностей традиционно вызывает исследовательский интерес. Она охватывает широкий круг вопросов и является предметом изучения ряда дисциплин: социологии, педагогики, психологии, юриспруденции, политологии, менеджмента и др. Актуальность темы повысилась из-за изменений во многих сферах жизни общества, ставших причиной трансформации семейных ценностей и института семьи [1, 2]. В связи с этим встает задача технологически-инструментального характера: кто и как должен влиять на происходящие изменения. В ряде статей идет речь о том, что «укрепление института семьи... является одной из приоритетных стратегических задач развития России» [3], при этом важнейшим актором, участвующим в данном процессе, признается государство и его институты [4].

Помимо органов государственной власти, образовательных учреждений, институтов культуры и СМИ, проблемами института семьи занимаются организации гражданского общества. При этом вопрос отношений семьи и гражданского общества является недостаточно изученным в научной литературе. В данной статье предпринята попытка восполнить этот пробел.

ПОЛОЖЕНИЕ СЕМЬИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ

Анализ ряда англоязычных работ позволил определить некоторые позиции, на основе которых строится доказательная база авторов. Так, исследователи сосредотачивают внимание на неправительственных атрибутах гражданского общества либо на его общественном измерении. Представители американской политической социологии, склонные отдавать предпочтение неправительственным аспектам гражданского общества, рассматривают семью в качестве важнейшего компонента гражданского общества. Например, Дон Эберли пишет, что гражданское общество состоит из «семей, кварталов, добровольных ассоциаций и множества гражданских предприятий» [5]. Более того, некоторые исследователи полагают, что семья — образчик «пер-

вого гражданского общества, характеризующийся уважением и заботой о своих членах» [6]. В этом качестве семья дает индивидам, составляющим ее, опыт горизонтальных солидарных отношений, коллективной идентичности и равного участия.

Авторы, вдохновленные европейской социальной и политической мыслью, в частности трудами Гегеля и Хабермаса, приходят к выводу о необходимости позиционировать семью вне гражданского общества [7, с. 195]. Этот тезис они обосновывают фокусом на общественном измерении гражданского общества и игнорированием его неправительственных атрибутов. Гражданское общество понимается как пространство для политического участия, проявления альтруизма, тогда как семья — место, где преобладают личные интересы.

Можно выделить две бинарные оппозиции, через призму которых оценивается положение семьи по отношению к гражданскому обществу:

- *Оппозиция «публичное — частное».* Гражданское общество почти всегда ассоциируется с публичной сферой. Публичная сфера, по мнению Ю. Хабермаса [8], представляет собой дискурсивное пространство, открытое и доступное для всех, где поднимаются вопросы, представляющие общественный интерес, с целью достижения общего блага. В то же время частные интересы, связанные с семьей, противоположны стремлению к общественному благу.

- *Оппозиция «свободная ассоциация — принуждение».* Сторонники включения семьи в гражданское общество подчеркивают ее ассоциативные качества, «горизонтальные связи» и коллективную ответственность. Противники этого подхода настаивают на том, что для семьи характерны «вертикальные связи» и отношения неравенства. Например, утверждается, что «гражданское общество включает в себя все социальные группы, которые являются или понимаются как добровольные и ненасильственные, исключая только семью, члены которой не являются добровольцами» [9].

По мнению исследователей, восприятие отношений семьи и гражданского общества осложняется большой идеологической нагрузкой, накладывае-

мой на данные термины. Так, гражданское общество, понимаемое в рамках европейских социальных теорий, принято рассматривать как атрибут левых политических сил, тогда как семья рассматривается как ценность правых [7, с. 194]. В этой логике семья оказывается вне гражданского общества. Более того, существуют гипотезы о том, что прочные семейные узы препятствуют развитию здоровой общественной сферы. Имеются и противники такой логики. Например, утверждается, что «семья не является прерогативой правых политических сил... это небольшой коллектив, акцент в котором делается на отношениях сотрудничества, а не конкуренции, на долгосрочных обязательствах, учете взаимных интересов... Семья учит людей самой ценной способности из всех — преодолению собственных интересов и рассмотрению интересов других, как собственных, то есть альтруизму...» [10]. Такие предположения основываются на нормативном подходе к семье и гражданскому обществу.

В российском научном дискурсе проблема взаимоотношения семьи и гражданского общества практически не представлена. Тем не менее можно выделить следующие подходы, описывающие их связь:

1. *Семья как предпосылка становления гражданского общества.* Исследователи указывают, что гражданское общество возникло с целью упорядочения бытия определенного этноса. При этом его первой исторической формой был полис. Последнему предшествовали общие протоформы: семья, род, соседская община [11].

2. *Семья как посредник между индивидуальным и коллективным,* причем под коллективным могут пониматься различные крупные образования: государство, общество и другие [12]. Авторы, придерживающиеся этого подхода, пишут о промежуточном положении семьи, а также о способности последней влиять на формирование гражданского общества.

3. *Семья как институт гражданского общества.* В данном случае семья, наряду с политическими, экономическими общностями, религиозными образованиями, негосударственными учреждениями и СМИ, входит в систему гражданского общества. Утверждается, что именно «в семье происходит первичная социализация человека, закладываются модели поведения...» [13, с. 10].

4. *Семья как общность, отличная от гражданского общества.* Данная позиция не является распространенной. Семья определяется как общность, основанная на родственных и кровно-

родственных связях, при этом отношения между членами семьи «отличаются от межиндивидуальных отношений в гражданском обществе... Когда отношения между членами семьи уподобляются формально-правовым отношениям чуждых друг другу частных лиц гражданского общества, это... свидетельствует о распаде семьи»¹. В рамках этого подхода семья гипотетически может рассматриваться в качестве «естественно-человеческой предпосылки»² последнего, что сближает его с первым подходом.

Таким образом, представители российской гуманитарной науки в целом не склонны противопоставлять семью гражданскому обществу: она либо является его предпосылкой (протоформой) и посредником, либо рассматривается как институт гражданского общества.

По нашему мнению, отношения между семьей и гражданским обществом невозможно оценивать в рамках бинарных оппозиций, жестко противопоставлять их или, напротив, объединять: они более сложные и взаимопроникающие. Визуально их можно представить в виде двух частично пересекающихся множеств со взаимно направленными векторами влияния.

Так, семья может: 1) влиять на склонность человека к гражданской активности — «давать людям основу для развития социальной осведомленности, способствовать воспитанию активных граждан» [14] и выступать первичным институтом социализации, «закладывать ценности и модели поведения, способствующие или препятствующие гражданской активности» [13, с. 10]; 2) поддерживать различные формы совместной деятельности, способствуя развитию и устойчивому функционированию гражданского общества; 3) сама являться местом гражданской активности [7, с. 200].

Гражданское общество, со своей стороны, может: 1) воздействовать на различные характеристики и общепринятые виды семьи; 2) определять рамки поведения, границы и правила, на которые ориентируются граждане при исполнении различных социальных ролей [13, с. 10]; 3) поддерживать благополучие различных форм семейного устройства [7, с. 200], решать многие вопросы, связанные с проблемами семьи в рамках различных программ НПО, посредством поддержки общественных мероприятий, участия в образовательных процессах,

¹ Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. Учебник для юрид. вузов и фак. М.: НОРМА-ИНФРА-М; 2001.

² Там же.

организации групп самопомощи семьям, предоставления материальной поддержки семьям, организации социальных движений за права семьи и многих других инициатив.

Рассмотрим более подробно вклад российских НКО в улучшение положения семей и укрепления семейных ценностей.

ИНИЦИАТИВЫ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

Одна из важных ролей в процессе социальной работы и решении проблем, связанных с семьей, принадлежит организациям гражданского общества. В современных условиях общественные организации оказывают услуги, сходные по своей сути с услугами государственных служб, дополняя и индивидуализируя их. Общественные организации, в отличие от последних, способны более гибко и оперативно реагировать на потребности общества, успешно разрабатывать и внедрять новые социальные технологии [15].

По мнению отечественных исследователей, некоммерческие общественные организации, активно участвующие в предоставлении социальной поддержки, вносят большой вклад в решение ключевых проблем семей. Вложения в НКО они расценивают как окупаемые социальные инвестиции, но пока доля сектора НКО в ВВП России составляет всего лишь 0,9%, тогда как в развитых западных странах этот показатель доходит до 6,5%. Одновременно с этим доля социально ориентированных НКО (СО НКО) от их общего числа также невелика (в РФ — 13,5%, в западных странах — порядка 60–70%) [16, с. 55]. Некоммерческие организации, занимающиеся проблемами семьи, являются социально ориентированными. Их деятельность в России регулируется Федеральным законом от 05.04.2010 № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций»⁵

Для сбора информации о количестве НКО, занимающихся проблемами семей, можно, как предполагают некоторые авторы [16, с. 56], использовать данные информационного портала Министерств-

ва юстиции РФ⁴ — органа, на который возложены функции регистрации НКО и ведения их реестра. Однако, по нашему мнению, более точное количество НКО можно получить из «Реестра социально ориентированных некоммерческих организаций»⁵, составленного по поручению президента РФ в апреле 2020 г. (обновление базы произошло в мае 2021 г.). Реестр был создан для отделения СО НКО от псевдоорганизаций, регистрируемых с целью получения грантов, а также для того, чтобы отсеять НКО, попавшие в базу «только потому, что больше поместить их было некуда» (например, адвокатские бюро, спортивные клубы и государственные корпорации)⁶.

Согласно данным Реестра⁷ по состоянию на 2021 г., зарегистрировано 27 128 социально ориентированных НКО. При этом организаций, деятельность которых напрямую связана с решением различных проблем российской семьи, всего 1%. В масштабе страны это незначительное количество. При этом наблюдается неравномерное распределение СО НКО по стране. Так, лидером по количеству организаций является Москва (27). За ней с большим отрывом следует Санкт-Петербург (7). Следом идут другие крупные города страны: Пермь (6), Омск (6), Екатеринбург (5), Пенза (5), Уфа (5), Иркутск (5), Казань (4), Новосибирск (4) и др. Здесь необходимо сделать уточнение: при сборе статистических данных можно подсчитывать не только количество НКО, прицельно занимающихся проблемами семьи, но общее количество НКО, работающих по проблемам семьи и детей, так как эти категории зачастую сложно отделимы друг от друга. Так, по данным ВЦИОМ, «семья и дети находятся вверху списка жизненных целей (на втором месте после материального благополучия) и мужчин, и женщин»⁸. Но даже в этом случае число таких СО НКО будет составлять около 3,2% от общего количества.

⁴ О деятельности некоммерческих организаций. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx>.

⁵ Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций. 2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/reestr_socialno_orientirovannyh_nekommercheskih_organizacij.html.

⁶ Незачет по НКО: чем плох реестр социально ориентированных организаций. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/17/06/2020/5ee8ce139a79479edce77585>.

⁷ Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций 2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/reestr_socialno_orientirovannyh_nekommercheskih_organizacij.html.

⁸ ВЦИОМ. Семейные ценности Россиян. 2005. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semeynye-cennosti-rossiyan>.

⁵ Федеральный закон от 05.04.2010 № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций». URL: <https://rg.ru/2010/04/07/nko-dok.html>.

Мы сравнили полученные результаты с расчетами других исследователей. Авторы, использовавшие данные Министерства юстиции, пришли к похожим выводам: они заключили, что число зарегистрированных НКО, работающих с семьями и детьми, не соответствует реальным потребностям общества [16, с. 56].

Анализ контента сайтов интересующих нас СО НКО (разделов «О нас», «Цель работы», «Направления деятельности», «Наши проекты») позволил выявить основные направления их деятельности в отношении семьи:

- Поддержка многодетных семей.
- Помощь семьям, воспитывающим детей-инвалидов.
- Содействие молодой семье.
- Профилактика сиротства, работа с детьми-сиротами и потенциальными родителями.
- Программы помощи семьям, оказавшихся в трудных жизненных ситуациях (под последними, как правило, понимаются насилие, депрессии, алкогольная или наркотическая зависимость и др.).
- Защита материнства и детства.
- Работа с «особенными» детьми (имеются в виду дети с различными заболеваниями, например с аутизмом).
- Предоставление психологической поддержки (снятие стресса и общей напряженности в семье, гармонизация детско-родительских отношений).
- Пропаганда здорового образа жизни, просветительская деятельность.

Подавляющее большинство СО НКО, работающих с семьями, так или иначе работают с детьми. Как правило, деятельность СО НКО направлена на типовые социальные проблемы российских семей, — они дополняют работу различных государственных органов. Однако встречаются и эксклюзивные направления деятельности. Например, работа «Общественного комитета «Колыбель» направлена, в том числе, на помощь матерям и младенцам, выпавшим по тем или иным причинам из государственной системы социальной защиты и здравоохранения (например, из-за отсутствия регистрации по месту жительства, документов, удостоверяющих личность, официального трудоустройства или других непредвиденных обстоятельств)⁹. Анализ направлений деятельности СО НКО показал, что поддержка оказывается не только социально неблагополучным семьям, но и благополучным, которые также мо-

гут переживать кризисные ситуации, требующие консультации квалифицированных специалистов.

Кроме того, важным направлением деятельности многих СО НКО являются инициативы, связанные с решением проблемы трансформации института семьи и семейных ценностей в современном российском обществе. В рамках различных программ СО НКО предлагается поднимать престиж материнства и значимость семейных ценностей, оказывать поддержку институту семьи, возрождать традиционные семейные ценности, заниматься профилактикой аборт, создавать и поддерживать традиции семьи, укреплять ценность ответственного отцовства и др. Арсенал применяемых инструментов довольно широкий: это создание социально ориентированных видеороликов, популяризирующих семейные ценности и важность семейных традиций, проведение фестивалей и праздников, работа в группах и др. Таким образом, деятельность социально ориентированных НКО по вопросам семьи вносит большой вклад в укрепление ценностной основы российского общества.

Одновременно с этим следует отметить ряд проблем, с которыми сегодня сталкиваются некоммерческие организации. Их представители в качестве основных барьеров указывают финансовые трудности, сложности во взаимодействии с органами государственной власти, законодательные преграды, недоверие граждан таким организациям. Кроме того, СО НКО нередко сталкиваются с проблемой монополии коммерческих фирм, аффилированных с местными властями, отказом в доступе к персональным данным граждан — получателей социальных услуг, слишком низкими тарифами на социальные услуги в регионах и др.¹⁰ В то же время заинтересованность органов государственной власти в работе СО НКО, понимание высокой значимости этих организаций для общества дает надежду на разрешение хотя бы части проблем в будущем. Примером такой работы является проведенный мониторинг «ситуации с доступом СО НКО на рынок услуг...» и разработка механизмов поддержки таких организаций (более подробная информация о мерах поддержки НКО содержится в специальном докладе Общественной палаты РФ¹¹).

¹⁰ Участие НКО в оказании услуг в социальной сфере (Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации). Москва: «Современные информационные системы»; 2019. URL: https://opuo.ru/wp-content/uploads/2020/02/doklad_uchastie_NKO_socuslugi05112019.pdf.

¹¹ Там же.

⁹ URL: <https://kolybelivanovo.ru/o-nas/>.

ВЫВОДЫ

Учитывая вышесказанное, можно заключить, что в зарубежном и российском научном дискурсах не сложилось консенсуса относительно оценки взаимоотношений семьи и гражданского общества. Тем не менее можно выделить подходы, описывающие их связь: 1) семья как предпосылка появления гражданского общества; 2) семья как посредник между индивидуальным и коллективным; 3) семья как институт гражданского общества; 4) семья как общность, отличная от гражданского общества. При этом необходимо учитывать, что на восприятие отношений этих двух объектов может оказывать влияние ценностно-идеологическая нагрузка. В действительности граница между семьей и гражданским обществом очень размыта, поэтому их отношения предлагается расценивать не в русле противостояния или поглощения, а как более сложную и взаимопроникающую связь.

По нашим оценкам, в масштабах страны организаций, занимающихся проблемами семьи, не так много. Как правило, работа СО НКО направлена на

типичные социальные проблемы семьи, которыми занимаются различные государственные органы. Однако СО НКО способны оказывать помощь более гибко и прицельно. В некоторых случаях они занимаются проблемами граждан, оказавшихся «за бортом» государственной системы социальной защиты. Для государства значимость таких организаций состоит не только в разделении с ними бремени социальных обязательств, но и в том, что они способствуют укреплению семьи и семейных ценностей, которые, наряду с патриотизмом, справедливостью, трудом, духовностью и др. составляют ценностную основу общества. Таким образом, имеет смысл прикладывать усилия для создания благоприятных условий развития некоммерческого сектора, занимающегося проблемами семьи, формировать более четкие механизмы взаимодействия органов власти и НКО, повышать степень информированности общества о деятельности НКО, учитывать мнения представителей НКО и экспертов относительно проблемных моментов и зон роста данного сектора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гурджирян М.В. Кризис семьи в современной России и пути его преодоления. *Общество: философия, история, культура*. 2017;(1):52–62.
2. Булгакова С.А. Кризис семьи и традиционных устоев в современном обществе. *Инновационная наука*. 2016;(5):215–217.
3. Ячменева М.В. Влияние социальных медиа на формирование семейных и гражданских ценностей молодежи в современной России: опыт социологического исследования. *Управление устойчивым развитием*. 2019;(2):83–88.
4. Вишневский Ю.Р., Ячменева М.В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области). *Образование и наука*. 2018;(5):125–141. DOI: 10.17853/1994–5639–2018–5–125–141
5. Eberly D.E. The meaning, origins and applications of civil society. In: *The essential civil society reader: The classic essays*. Oxford: Rowman & Littlefield; 2000.
6. Carter S.L. *Civility: Manners, morals, and the etiquette of democracy*. New York: Harper Perennial; 1999.
7. Power S., Muddiman E., Moles K., Taylor C. Civil society: Bringing the family back in. *Journal of Civil Society*. 2018;(3):193–206. DOI: 10.1080/17448689.2018.1498170
8. Habermas J. *The structural transformation of the public sphere: An enquiry into a category of bourgeois society*. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology Press; 1989.
9. Walzer M. *Equality and civil society*. In *Alternative conceptions of civil society*. Princeton, NJ: Princeton University Press; 2002.
10. Power S. Markets and misogyny: educational research on educational choice. *British Journal of Educational Studies*. 2006;54(2):175–188. DOI: 10.1111/j.1467–8527.2006.00340.x
11. Доманов В.Г. Исторические формы существования гражданского общества. *Философия права*. 2008;6(31):64–68.
12. Усова Д.О. Развитие гражданского общества и ценностных ориентиров семьи. *Социально-экономические науки и гуманитарные исследования*. 2014;(2):155–158.
13. Каинов А.С. Структура гражданского общества. *Юридическая наука*. 2015;(4):9–13.
14. Eto M. Reframing civil society from gender perspectives: A model of a multi-layered seamless world. *Journal of Civil Society*. 2012;8(2):101–121.

15. Куприянова Т.А. Социальная работа и гражданское общество. Коллективная монография. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2008;6(2):210–214.
16. Григорьев С.И., Катаева В.И., Фомичева Т.В. Инновационные практики социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) по делам семьи и детей в России. *Уровень жизни населения регионов России*. 2018;(1):54–59.

REFERENCES

1. Gurdzhiryan M.V. The family crisis in modern Russia and ways to overcome it. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*. 2017;(1):52–62. (In Russ.).
2. Bulgakova S.A. The crisis of the family and traditional foundations in modern society. *Innovatsionnaya nauka*. 2016;(5):215–217. (In Russ.).
3. Yachmeneva M.V. The influence of social media on the formation of family and civic values of young people in modern Russia: the experience of sociological research. *Upravlenie ustoychivym razvitiem*. 2019;(2):83–88. (In Russ.).
4. Vishnevskii Yu.R., Yachmeneva M.V. The attitude of student youth to family values (on the example of the Sverdlovsk region). *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2018;(5):125–141. (In Russ.). DOI: 10.17853/1994–5639–2018–5–125–141
5. Eberly D.E. *The meaning, origins and applications of civil society*. In: The essential civil society reader: The classic essays. Oxford: Rowman & Littlefield; 2000:3–29.
6. Carter S.L. *Civility: Manners, morals, and the etiquette of democracy*. New York: Harper Perennial; 1999.
7. Power S., Muddiman E., Moles K., Taylor C. Civil society: Bringing the family back in. *Journal of Civil Society*. 2018;(3):193–206. DOI: 10.1080/17448689.2018.1498170
8. Habermas J. *The structural transformation of the public sphere: An enquiry into a category of bourgeois society*. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology Press; 1989.
9. Walzer M. *Equality and civil society*. In: Alternative conceptions of civil society. Princeton, NJ: Princeton University Press; 2002:34–49.
10. Power S. Markets and misogyny: educational research on educational choice. *British Journal of Educational Studies*. 2006;54(2):175–188. DOI: 10.1111/j.1467–8527.2006.00340.x
11. Domanov V.G. Historical forms of civil society existence. *Filosofiya prava*. 2008;6(31):64–68. (In Russ.).
12. Usova D.O. Development of civil society and family values. *Sotsial'no-ekonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovaniya*. 2014;(2):155–158. (In Russ.).
13. Kainov A.S. The structure of civil society. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*. 2015;(4):9–13. (In Russ.).
14. Eto M. Reframing civil society from gender perspectives: A model of a multi-layered seamless world. *Journal of Civil Society*. 2012;8(2):101–121.
15. Kupriyanova T.A. Social work and civil society. Collective monograph. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2008;6(2):210–214. (In Russ.).
16. Grigor'ev S.I., Kataeva V.I., Fomicheva T.V. Innovative practices of socially oriented non-profit organizations (SO NPO) for family and children's affairs in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 2018;(1):54–59. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дарья Михайловна Ковба — кандидат политических наук, научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
 daria_kovba@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Daria M. Kovba — Candidate of Political Sciences, Researcher Fellow, Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia
 daria_kovba@mail.ru

Статья поступила 22.09.2021; принята к публикации 15.10.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 22.09.2021; accepted for publication on 15.10.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-34-38
УДК 159.9.072(045)

Взаимосвязь эмоционального интеллекта студентов и преподавателей*

С.М. Буянова

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-5729-9598>

АННОТАЦИЯ

Социокультурная образовательная среда обуславливает становление и самосовершенствование личности обучающегося. Современный университет является образовательным пространством, в рамках которого накапливаются и улучшаются знания, а также появляются различные компетенции, в том числе soft skills. Среди таких навыков важное значение имеет эмоциональный интеллект. Отсутствие исследований, посвященных изучению факторов, влияющих на развитие эмоционального интеллекта, определяет актуальность данной работы. Целью представленной статьи стало изучение взаимосвязи эмоционального интеллекта преподавателей и студентов, наличие которой подтверждено в рамках данного исследования.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; социокультурная среда образовательной организации; обучающиеся; развитие; компетенции; soft skills; корреляционный анализ

Для цитирования: Буянова С.М. Взаимосвязь эмоционального интеллекта студентов и преподавателей. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):34-38. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-34-38

ORIGINAL PAPER

Relationship Between Emotional Intelligence of Students and Teachers**

S.M. Buyanova

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5729-9598>

ABSTRACT

The sociocultural educational environment determines the formation and self-improvement of the student's personality. A modern university is an educational space within which knowledge is accumulated and improved and various competencies, including soft skills, appear. Among these skills, emotional intelligence is essential. Our research aimed to study the relationship between the emotional intelligence of teachers and the emotional intelligence of students. In our study, the existence of this relationship was confirmed.

Keywords: emotional intelligence; sociocultural environment of the educational organization; students; development; competence; soft skills; correlation analysis

For citation: Buyanova S.M. Relationship between emotional intelligence of students and teachers. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):34-38. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-34-38

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the research results carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University.

ВВЕДЕНИЕ

Социокультурная среда высшего учебного заведения представляет собой систему социальных, социально-психологических, психолого-педагогических, правовых и т. п. условий, направленных на развитие студента как будущего профессионала. При этом субъекты образовательного процесса транслируют друг другу собственные ценности, демонстрируют различные навыки в рамках учебной, внеучебной и пр. деятельности. В. Н. Кимков отмечает, что какое бы название не было дано среде («социально-психологическая среда», «социокультурная среда», «педагогическая среда»), понимать ее необходимо как определенное благоприятное окружение образовательного процесса [1].

В исследовании Е. А. Бурдуковской также показано, что среда образовательной организации во многом обуславливает личностное становление обучающегося, его самосовершенствование и гармонизацию его образа жизни. По мнению автора, влияние на обучающегося оказывает не только сам образовательный процесс, но и его окружение, уклад жизни и т. п. Именно это многообразие условий объединяет в себе социокультурная образовательная среда, что позволяет говорить об оптимальном процессе становления личности обучающегося [2].

А. Патлина и соавторы отмечают, что организация обучения — это всегда общение, так как субъектом образования является не отдельный человек, а сообщество, в рамках которого возникает открытое образовательное пространство. Университет представляет собой, по их мнению, особую социокультурную среду, в рамках которой происходит формирование и развитие личности, а конкретно — накопление и улучшение знаний, появление различных компетенций, в том числе *soft skills* [3].

Эмоциональный интеллект признается одним из важнейших *soft skills*, так как способность понимать эмоции и управлять ими дает основу для различных социальных и эмоциональных компетенций, которые важны для успеха во многих профессиональных сферах.

На сегодняшний день нет работ, в которых описывается влияние социокультурной среды образовательной организации на эмоциональный интеллект обучающихся. Э. А. Чотбаева

и К. Н. Усубалиев указывают, что в настоящий момент в науке насчитывается большое количество исследований, посвященных проблеме формирования эмоционального интеллекта обучающихся, в то время как факторы, влияющие на развитие эмоционального интеллекта, недостаточно изучены [4]. Авторы указывают, что «в качестве необходимого условия и одного из основных факторов развития эмоционального интеллекта нужно в первую очередь участие в его формировании преподавателя». Преподаватель, по их мнению, в таком случае должен обладать высоким уровнем развития эмоционального интеллекта.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Для измерения уровня эмоционального интеллекта преподавателей и студентов была использована методика «ЭмИн» Д. В. Люсина [5].

Расчет статистических критериев был проведен с использованием программы STATISTICA 10.0.

Выборку составили студенты (в возрастном диапазоне от 17 до 20 лет) и преподаватели (28–78 лет) Финансового университета.

В качестве необходимого условия и одного из основных факторов развития эмоционального интеллекта нужно в первую очередь участие в его формировании преподавателя.

Корреляционный анализ позволил обнаружить большое количество взаимосвязей между шкалами и субшкалами, измеряющими эмоциональный интеллект преподавателей и студентов (см. *таблицу*).

Наиболее тесные взаимосвязи обнаружены:

1. Между способностью преподавателя понимать эмоциональное состояние человека на основе внешних проявлений эмоций (мимика, жестикация, звучание голоса) и/или интуитивно и способностью студента управлять своими эмоциями, вызывать и поддерживать желательные эмоции и держать под контролем нежелательные.

Корреляционный анализ / Correlation analysis

Преподаватели	Студенты	Показатель
Шкала ОЭИ	Субшкала МУ	$r = 0,140389356$ при $p = 0,05$
Шкала ОЭИ	Субшкала ВЭ	$r = 0,166044404$ при $p = 0,01$
Шкала ОЭИ	Шкала УЭ	$r = 0,156307032$ при $p = 0,05$
Субшкала МП	Субшкала МУ	$r = 0,22315682$ при $p = 0,001$
Субшкала МП	Шкала ОЭИ	$r = 0,122064776$ при $p = 0,05$
Субшкала МП	Шкала УЭ	$r = 0,169833742$ при $p = 0,01$
Субшкала МУ	Субшкала ВЭ	$r = 0,122475843$ при $p = 0,05$
Субшкала МП	Субшкала ВЭ	$r = 0,15086375$ при $p = 0,05$
Шкала МЭИ	Субшкала МУ	$r = 0,164548387$ при $p = 0,01$
Шкала МЭИ	Субшкала ВЭ	$r = 0,150602542$ при $p = 0,05$
Шкала МЭИ	Шкала УЭ	$r = 0,136951566$ при $p = 0,05$
Субшкала ВУ	Шкала УЭ	$r = 0,143909964$ при $p = 0,05$
Субшкала ВУ	Субшкала ВЭ	$r = 0,123205286$ при $p = 0,05$
Субшкала ВЭ	Субшкала ВП	$r = 0,137350408$ при $p = 0,05$
Субшкала ВЭ	Субшкала ВУ	$r = 0,229600992$ при $p = 0,001$
Субшкала ВЭ	Шкала ВЭИ	$r = 0,245943178$ при $p = 0,001$
Субшкала ВЭ	Субшкала ВЭ	$r = 0,24487807$ при $p = 0,001$
Субшкала ВЭ	Шкала ОЭИ	$r = 0,198635793$ при $p = 0,01$
Субшкала ВЭ	Шкала УЭ	$r = 0,266592549$ при $p = 0,001$
Шкала ВЭИ	Шкала УЭ	$r = 0,141146115$ при $p = 0,05$
Шкала ВЭИ	Субшкала ВЭ	$r = 0,145091517$ при $p = 0,05$
Шкала ВЭИ	Шкала ВЭИ	$r = 0,132542992$ при $p = 0,05$

Примечание: r – коэффициент корреляции; p – уровень значимости; шкала ОЭИ – общий эмоциональный интеллект; шкала МП – понимание чужих эмоций; шкала МУ – управление чужими эмоциями; шкала ВП – понимание своих эмоций; шкала ВУ – управление своими эмоциями; шкала ВЭ – контроль экспрессии; шкала МЭИ – межличностный эмоциональный интеллект; шкала ВЭИ – внутриличностный эмоциональный интеллект.

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Мы предполагаем, что студент наблюдает за преподавателем, за его способностью понимать эмоциональное состояние человека и, возможно, имея цель скрыть определенные эмоции от преподавателя или, наоборот, продемонстрировать нужные эмоции, учиться лучше управлять своими эмоциями.

2. Между способностью преподавателя контролировать внешние проявления своих эмоций и способностью студента управлять своими эмоциями, вызывать и поддерживать желательные эмоции и держать под контролем нежелательные.

Мы предполагаем, что преподаватель, демонстрируя способность к контролю за эмоциями, становится примером для студента, который все еще учится управлять собственными эмоциями.

3. Между способностями преподавателя и студента контролировать внешние проявления своих эмоций.

В данном случае преподаватель также выступает той личностью, с которой студенты берут пример, как контролировать внешние проявления эмоций.

4. Между способностью преподавателя контролировать внешние проявления своих эмоций и способностью студента к пониманию собственных эмоций и управлению ими.

5. Между способностью преподавателя контролировать внешние проявления своих эмоций и способностью студента к управлению своими и чужими эмоциями.

ВЫВОДЫ

Мы считаем, что полученный результат может свидетельствовать о влиянии эмоционального интеллекта преподавателя на развитие эмоционального интеллекта обучающегося. Преподаватель является носителем не только профессиональных знаний и умений, но и определенных жизненных установок, ценностей, транслятором определенных поведенческих паттернов и т.п. [6–8]. В нашем случае преподаватель транслирует способы эмоционального реагирования на различные ситуации, демонстрирует способности к управлению эмоциональными состояниями — как своими, так и студентов и т.д.

Полученные данные созвучны с размышлениям Э.А. Чотбаевой и К.Н. Усубалиева, которые считают, что на становление эмоционального интеллекта обучающихся оказывают влияние как личность преподавателя, так и его педагогическая деятельность в целом. Авторы также предполагают, что в рамках образовательной деятельности преподаватель транслирует обучающимся не только ЗУНы (знания, умения, навыки), но и паттерны поведения, способы эмоционального реагирования. По их мнению, если студент видит в преподавателе некие идеальные профессиональные и личностные черты, то стремится ему подражать. То есть механизм подражания обеспечивает развитие эмоционального интеллекта обучающегося. Таким образом, существует тесная взаимосвязь эмоционального интеллекта преподавателей и студентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кимков В.Н. Формирование социокультурной среды сельской гимназии как средство реализации качества образования. Дис. ... канд. пед. наук. СПб.; 2001. 205 с.
2. Бурдуковская Е.А. Социокультурная среда вуза как педагогический фактор личностного становления студента. Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Благовещенск; 2004. 201 с.
3. Patlina A., Shlyubul E., Gomtsyan O., Lyausheva S. The Model of the Sociocultural Educational Environment of the Classical University. URL: https://www.researchgate.net/publication/338600833_The_Model_of_the_Sociocultural_Educational_Environment_of_the_Classical_University
4. Чотбаева Э.А., Усубалиев К.Н. Роль преподавателя в формировании и развитии эмоционального интеллекта студентов. *Высшее образование сегодня*. 2019;(8):69–73.
5. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн. *Психологическая диагностика*. 2006;(4):3–22.
6. Иванов М.С., Яницкий М.С. К проблеме оценки потенциала самореализации личности в процессе обучения. *Философия образования*. 2004;3(11):233–241.
7. Сокольская М.В. Личностное здоровье профессионала. Автореф. дис. ...д-ра психол. наук. Хабаровск; 2012. 50 с.
8. Chamizo-Nieto M.T., Arrivillaga C., Rey L., Extremera N. The Role of Emotional Intelligence, the Teacher-Student Relationship, and Flourishing on Academic Performance in Adolescents: A Moderated Mediation Study. *Frontiers in Psychology*. 2021;(12):1–8.

REFERENCES

1. Kimkov V.N. Formation of the sociocultural environment of a rural gymnasium as a means of realizing the quality of education: Dis. ... cand. ped. sciences. St. Petersburg; 2001. 205 p. (In Russ.).
2. Burdukovskaya E.A. Socio-cultural environment of the university as a pedagogical factor of the student's personal development. Dis. ... cand. ped. sciences. Blagoveshchensk; 2004. 201 p. (In Russ.).
3. Patlina A., Shlyubul E., Gomtsyan O., Lyausheva S. The Model of the Sociocultural Educational Environment of the Classical University. URL: https://www.researchgate.net/publication/338600833_The_Model_of_the_Sociocultural_Educational_Environment_of_the_Classical_University
4. Chotbaeva E. A., Usabaliev K. N. The role of the teacher in the formation and development of the emotional intelligence of students. *Vyssheye obrazovaniye segodnya = Higher education today*. 2019;(8):69–73. (In Russ.).
5. Lyusin D. V. A new technique for measuring emotional intelligence: the Emin questionnaire. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological diagnostics*. 2006;(4):3–22. (In Russ.).
6. Ivanov M. S., Yanitskiy M. S. On the problem of assessing the potential of personality self-realization in the learning process. *Filosofiya obrazovaniya = Philosophy of Education*. 2004;3(11):233–241. (In Russ.).
7. Sokolskaya M. V. Personal health of a professional. Author. Dis. ... Dr psychol. sciences. Khabarovsk; 2012. 50 p. (In Russ.).
8. Chamizo-Nieto M.T., Arrivillaga C., Rey L., Extremera N. The Role of Emotional Intelligence, the Teacher-Student Relationship, and Flourishing on Academic Performance in Adolescents: A Moderated Mediation Study. *Frontiers in Psychology*. 2021;(12):1–8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлана Михайловна Буянова — старший преподаватель Департамента психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
sbuyanova@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Svetlana M. Buyanova — Senior Teacher, Department of Psychology and Human Capital, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
sbuyanova@fa.ru

Статья поступила 25.08.2021; принята к публикации 20.09.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.08.2021; accepted for publication on 20.09.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-39-45
УДК 32.019.5(045)

Доверие населения и элит к власти: теоретико-прикладной аспект*

С.Ю. Белоконов^а, Е.В. Левина^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва Россия;

^б Институт проблем рынка Российской академии наук, Москва Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-8028-7421>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-6913-6155>

АННОТАЦИЯ

Предметом данного исследования стали теоретико-методологические и прикладные аспекты изучения и анализа уровня доверия граждан и элит современной России к власти. Авторами были использованы системный и структурно-функциональный подходы для анализа внешних и внутренних факторов, влияющих на доверие населения страны и элит к органам государственного управления, ситуационный подход — для изучения влияния пространственно-временных факторов на формирование и развитие доверия у населения и элит к властным структурам. Проблема изучения формирования и развития доверия к власти у населения страны и элит достаточно актуальна, особенно в контексте реализации предвыборных кампаний, а предложенный в статье материал позволяет выявить необходимые траектории исследования данного феномена.

Ключевые слова: власть; властные структуры; доверие; государственное управление; методы исследования; теория

Для цитирования: Белоконов С.Ю., Левина Е.В. Доверие населения и элит к власти: теоретико-прикладной аспект. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):39-45. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-39-45

ORIGINAL PAPER

Trust of the Population and Elites in Power: Theoretical and Applied Aspects**

S. Yu. Belokonev^а, E.V. Levina^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia;

^б Market Economy Institute of RAS

^а <https://orcid.org/0000-0002-8028-7421>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-6913-6155>

ABSTRACT

The subject of this research is theoretical, methodological, and applied aspects of studying and analysing the level of trust of citizens and elites of modern Russia in power. In the article, the authors used such methods and approaches as systemic and structural-functional approaches to analyse external and internal factors affecting the confidence of the country's population and elites in public administration, a situational approach to study the influence of spatial-temporal factors on the formation and development of trust among the population and elites in power structures. The paper analyses the theoretical and methodological aspects of studying the phenomenon of trust of citizens and elites to power in modern Russia. The problem of studying the formation and development of trust in power among the population of the country and the elites is quite relevant, especially in the context of the implementation of election campaigns, the material proposed in the article allows us to identify the necessary trajectories of the study of this phenomenon.

Keywords: power; power structures; trust; public administration; research methods; theory

For citation: Belokonev S. Yu., Levina E.V. Trust of the population and elites in power: Theoretical and applied aspects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):39-45. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-39-45

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект 21-011-31678 «Разработка индекса доверия к власти граждан и элит современной России».

** This article was prepared with the financial support of the Russian Foundation of Basic Research. Project 21-011-31678 "Development of the trust index in the government of citizens and elites of modern Russia".

ВВЕДЕНИЕ

Ежегодно американская исследовательская группа Edelman публикует рейтинг доверия населения к социальным институтам. Россия второй год подряд занимает в нем последнее место, — только 42% опрошенных считают, что властным структурам можно верить¹.

Для выявления необходимых направлений изучения феномена доверия граждан и элит к власти необходимо решить следующие задачи:

1. Изучить теоретические подходы к анализу феномена доверия к властным структурам.

2. Выделить основные группы теорий и подходов, позволяющие сформировать комплексный подход к исследованию доверия населения и элит к власти.

3. Выявить ключевые траектории дальнейшего изучения проблемы доверия к системе государственного управления с целью разработки индекса доверия, включающего в себя несколько показателей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Многоаспектность предмета исследования определяет большое количество работ российских и зарубежных политологов, социологов, философов, посвященных изучению различных факторов, влияющих на формирование доверия населения и элит к власти.

Научный интерес к феномену доверия в целом вызван необходимостью оценить и спрогнозировать возможности для эффективного социального взаимодействия. Основная проблема связана со способностью определить степень, до которой контрагент заслуживает доверия. На этом базируется коммуникация и кооперация, без которых невозможны эффективные экономические и социальные отношения [1].

Один из подходов к проблеме доверия — прагматический, предполагающий, что контрагенту доверяют по результатам его предыдущего поведения в «сделках». Это положение опровергает Эрик Усланер. В рамках его концепции доверия предполагается, что доверительные отношения между субъектами строятся на некоем генерализированном доверии, имеющем моральные основания. Он последовательно по-

казывает, что доверие не обязательно строится на предыдущем опыте [2]. Вопросы политического доверия и его измерения рассматривали Е. Н. Черницына [3], С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, Д. А. Омельченко [4] и др.

Доверие играет важную роль в формировании коллективных действий. В связи с этим концепт доверия также исследуют с использованием теории социального капитала [5]. Здесь доверие выступает одним из факторов формирования социального капитала, наряду с социальными сетями и нормами. Авторы указанного исследования приходят к выводу, что в рамках организаций стейкхолдеры формируют специальные условия для формирования доверия, часто вне формальных институциональных рамок. Также среди исследователей, изучающих доверие в контексте формирования социального капитала, можно выделить М. Блок, Н. А. Головина [6], Л. А. Беляеву [7], Р. Патмэна [8] и др.

Ученые-психологи связывают понятие доверия с установками, убеждениями и ожиданиями, с «психическим состоянием, опираясь на которое мы прислушиваемся к чужому мнению, которое рассматриваем как авторитетное, что приводит к тому, что мы отказываемся самостоятельно изучать вопрос».

Среди исследований проблемы доверия как социального и культурного феномена, лежащего в основе сотрудничества, наибольший интерес представляют работы Г. Алмонда, С. Вербы [9], П. Штомпки [10], Ф. Фукуямы [11], Э. Гидденса [12] и др.

Особое значение приобретает доверие между властью и населением, когда речь идет о необходимости эффективного выполнения государственных функций [1]. В данном случае большую роль играют отлаженные и прозрачные институциональные практики.

Доверие как один из факторов легитимности власти рассмотрено в работах О. М. Гараева [13], Е. С. Чимириис [14, 15], С. А. Мясникова [16] и др.

¹ The 2020 Edelman Trust Barometer. URL: <https://www.edelman.com/trust/2020-trust-barometer>.

Исследователи доверия в отношении местных органов власти в Западной Европе отмечают, что оно строится на разных основаниях и при этом отличается от доверия к общенациональному правительству [17].

Несмотря на достаточно глубокое и всестороннее изучение концепта доверия населения и элит к власти, данная проблема актуальна, особенно в контексте разработки индекса доверия, включающего в себя несколько показателей (индикаторов).

В настоящее время в социальных науках нет точного определения понятия «доверие». Данную дефиницию связывают:

- с волеизъявлением населения, его ожиданиями, ценностными установками;
- с отношением к различным социальным объектам, к числу которых можно отнести группы и объединения людей, институты, организации и пр.;
- с деятельностью актора, которая рассматривается как проявление доверия/недоверия;
- с ситуацией риска в процессе принятия решения (в том числе и управленческого) [18].

В контексте теории коммуникации основой доверия населения становятся такие составляющие, как надежность коммуникатора, аргументация и доказательность представляемой информации, подтверждающие достоверность заявляемых фактов, возможность проведения проверки, открытость источника коммуникации и пр.

Ученые-психологи связывают понятие доверия с установками, убеждениями и ожиданиями, с «психическим состоянием, опираясь на которое мы прислушиваемся к чужому мнению, которое рассматриваем как авторитетное, что приводит к тому, что мы отказываемся самостоятельно изучать вопрос»².

В политической практике доверие характеризует отношения властных структур с обществом. Общество, доверяющее власти, становится лояльным к проводимой политике, в противном же случае успешность реализуемых реформ и законопроектов будет невозможна, поскольку не найдет поддержки у граждан. Поэтому особую значимость для

политиков, политологов и политтехнологов представляют механизмы формирования доверия, его развития и поддержания на необходимом уровне.

В рамках развития теории социологии следует выделить подходы Э. Дюркгейма, который связывал понятие доверия с социальной солидарностью, и Э. Гидденса, рассматривающего доверие к власти в контексте ее персонализации. То есть практика показывает, что безличные институты ассоциируются у индивидов с конкретными персоналиями, деятелями и политиками, поэтому, если говорить об утрате доверия к политическим и общественным институтам, следует учитывать формирование недоверия к конкретному человеку, представителю данного института. Э. Гидденс выделял два типа доверия:

- личное, в основе которого лежат личные обязательства;
- общественное, институциональное, предполагающее безличные обязательства, иными словами — доверие к общественным организациям, социальным институтам [19].

Е.Я. Дугин дает следующее определение институциональному доверию: «уровень доверия населения страны государственным и общественным институтам» [18].

Ф. Фукуяма и П. Штомпка связывают доверие с системой ценностей. По мнению П. Штомпки, доверие коррелирует с ожиданиями индивидов и моральными обязательствами. Таким образом, данный концепт можно рассматривать как ожидание добродетельного поведения со стороны одних индивидов по отношению к другим, которое формируется в ситуации неопределенности. Человеку необходимо доверие, если отсутствует контроль над будущими событиями, зависящими от человеческого фактора, от действий другого человека. П. Штомпка трактует доверие как ставку на действия других, предполагающую соответствующие ожидания и уверенность в их действиях. В контексте нашего исследования доверие определяется как ставка на политика, убежденность в правильности его действий. Исходя из этого, выделяются три типа уверенности (убежденности):

- «ожидаемое доверие», предполагающее, что индивид ожидает положительный эффект от рутинных (обыденных, привычных) действий других;

² Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/45488-%D0%94%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B5>.

- «ответственное доверие», заключающееся в передаче объекта под «ответственный» контроль других;

- «напоминающее доверие», проявляемое в том случае, когда индивид намеренно демонстрирует доверие другому с целью вызвать аналогичное отношение к себе [20].

Ф. Фукуяма рассматривает доверие как ожидание, которое формируется внутри определенного сообщества, ориентированное на добродетельное и положительное поведение со стороны других представителей данного сообщества. Распространение доверия инициирует формирование социального капитала, который создается и передается за счет культурных механизмов, а именно — традиций, норм и стандартов поведения, религии. Одной из составляющих социального капитала является социальная общительность, которую следует рассматривать как способность создавать новые сообщества и ассоциации, где действуют установленные принципы и правила взаимодействия. Поэтому Ф. Фукуяма подчеркивает важность социального капитала и доверия для здоровья экономики страны, в основе которых лежат культурные и этические корни.

Исходя из приведенных выше определений концепта доверия, мы можем сделать вывод о том, что данный термин связан, прежде всего, с ожиданиями от поведения других индивидов — отдельных личностей, руководителей, политиков (микроуровень) и/или социальных групп и институтов, властных структур (макроуровень).

Особое внимание проблема доверия к власти заслуживает в контексте цифровой трансформации экономики и связанных с данным процессом изменений в политической сфере. В данном случае целесообразно выделить исследования В. Д. Нечаева и С. Ю. Белоконова, направленные на изучение тенденций политического развития современных обществ и эффектов цифровизации экономики. Интерес авторов нацелен на появление новых «политических субъектов, трансформацию источников и механизмов власти, потенциал политического участия различных социальных групп в политических процессах, роль институтов государства в новых условиях и т.д.» [21]. Проблема доверия к власти может рассматриваться в трех направлениях в соответствии с траекториями и теориями развития цифровой экономики.

1. Теория когнитивного капитализма, предполагающая развитие общества знаний на основе капиталистических принципов (т.е. знания становятся ключевым фактором развития экономики). В данном случае к социально-политическим последствиям следует отнести рост влияния транснациональных цифровых корпораций, распространение новых медиа, которые становятся основным источником информации и формирования оценочных суждений, и рост их аудитории. Поэтому необходимо отметить важную роль в участии в политических процессах именно цифровых мегакорпораций. Развитие информационно-коммуникативных технологий приводит к концентрации человеческого капитала в крупных мегаполисах, (что обеспечивает повышение их значимости в мировой политике), а также к формированию нового креативного класса и проблемам в сфере занятости населения. В рамках данной теории доверие к властным структурам рассматривается в контексте формирования новых медиа как пространства для коммуникации, соответственно, встает вопрос о доверии не только к власти, но и к источникам, транслирующим информацию, позиции, взгляды и оценки.

2. Теория экономики совместного потребления (sharing economy), базой которой становится развитая информационная и технологическая инфраструктура, ориентированная на использование цифровых платформ в качестве площадок для реализации рыночных отношений. Экономике совместного потребления определяют свободная кооперация, самоорганизация основных акторов и открытость доступа. Как и в рамках теории когнитивного капитализма, процессы цифровизации и глобализации приводят к необходимости формирования принципов и правил создания системы глобального управления и независимых от государственных границ социальных и политических движений, основанных на общих интересах и ценностях. В контексте данной теории доверие к властным структурам может проявляться в распространении малого и среднего бизнеса, а также в выходе «из тени» самозанятых и индивидуальных предпринимателей.

3. Теория цифрового тоталитаризма, представленная развитием технологий управле-

ния, основанных на использовании больших объемов данных и искусственного интеллекта, с целью тотального контроля и управления поведением индивидов. Используя интернет для коммуникаций, для реализации профессиональной деятельности и проведения досуга, пользователь оставляет «следы» в виртуальном пространстве, на основе которых в дальнейшем формируется его цифровой профиль, описывающий индивидуальные особенности, ценности, поведенческие проявления и пр. Цифровой тоталитаризм предполагает всеобщее наблюдение за населением, использование цифровых медиа для пропаганды и манипуляции людьми, конформизм, социальное неравенство, обусловленное доступностью информационных технологий, и пр. [21].

В контексте рассмотренных выше теорий следует подчеркнуть чрезвычайно важную роль цифровых технологий в изучении и формировании доверия населения и элит к власти. Информационно-коммуникационные технологии могут использоваться в двух направлениях:

- В качестве инструмента для формирования и развития доверия к властным структурам, например использование новых медиа для трансляции информации, суждений и оценок с целью влияния на общественное

мнение. Здесь следует отметить открытость источников, их достоверность, которые могут быть проверены в режиме реального или отсроченного времени;

- Как комплекс методов и технологий для изучения поведения граждан как в виртуальном, так и, по возможности, оффлайн-пространстве.

ВЫВОДЫ

В процессе проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

Теоретико-методологическую и теоретико-прикладную основу разработки индекса политического доверия составляют исследования российских и зарубежных ученых, чьи труды посвящены изучению человеческого и социального капитала, показателям и факторам доверия.

Развитие цифровизации обусловило появление исследований, включающих в себя инновационные технологии сбора и обработки данных, к числу которых можно отнести интеллектуальный анализ данных и предикативную аналитику. Сами же информационно-коммуникационные технологии носят двойственный характер, предполагающий как инструментальное обеспечение процесса формирования доверия среди граждан, так и исследования данного феномена.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cook K. et al. *Cooperation Without Trust?* NY: Russell Sage Foundation; 2005.
2. Uslander Eric M. *The Moral Foundations of Trust*. URL: <https://ssrn.com/abstract=824504>
3. Черницына Е. Н. Политическое доверие: как его измерить? *Государственное управление. Электронный вестник*. 2016;(54):130–145.
4. Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е. Генерализованное (обобщенное) доверие в российских приграничных регионах как показатель социальной безопасности. *Society and Security Insights*. 2018;(2):11–28.
5. Six B., Zimmeren van, E. Popa, F. & Frison, C. Trust and social capital in the design and evolution of institutions for collective action. *International Journal of the Commons*. 2015;9(1):151–176.
6. Блок М., Головин Н. А. Социальный капитал: к обобщению понятия. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2015;(4):99–111.
7. Беляева Л. А. Социальный капитал в России и проблемы предпринимательской деятельности. *Философские науки*. 2016;(10):91–106.
8. Putnam R. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton University Press. N.Y.: Princeton; 1993.
9. Алмонд Г., Верба С. *Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах*. М.: Мысль; 2014. 500 с.
10. Штомпка П. *Доверие — основа общества*. М.: Логос; 2014. 440 с.
11. Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: АСТ; Ермак; 2004.
12. Giddens A. *Beyond Left and Right: The Future of Radical Politics*. Cambridge: Polity Press; 1994.

13. Гараев О. М. доверие граждан как фактор укрепления политической власти в современной России. *Вестник Башкирского университета*. 2014;19(4):1509–1515.
14. Чимириис Е. С. Легитимация власти: к формулированию операциональной модели. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):37–44. DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–3–37–44
15. Абрамов В. Л., Живалов В. Н., Переход Е. К., Чистилин Д. К., Иванченко В. С., Чимириис Е. С. Экспертные подходы к исследованию социальных сетей в Интернете: на примере Молдавии. *Власть*. 2020;28(6):93–102.
16. Мясников С. А. Легитимация и обоснование политики: Анализ концептуальных разграничений. *Политическая наука*. 2019;(3):222–235. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.12>
17. Fitzgerald J., Wolak J. The Roots of Trust in Local Government in Western Europe. *International Political Science Review / Revue Internationale De Science Politique*. 2016;37(1):130–146.
18. Дугин Е. Я. Власть доверия или доверие власти. *Власть*. 2018;(2):60–66.
19. Гидденс Э. Последствия модернити / Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia; 1999.
20. Фрейк Н., Штомпка П. Доверие: социологическая теория. Cambridge: Cambridge university press; 1999. 214 p.
21. Нечаев В. Д., Белоконев С. Ю. Цифровая экономика и тенденции политического развития современных обществ. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020;13(2):112–133. DOI: 10.23932/2542–0240–2020–13–2–6

REFERENCES

1. The Significance of Trust. In: Karen S. Cook et al. (Eds.), *Cooperation Without Trust?* (pp. 1–19). Russell Sage Foundation; 2005.
2. Uslaner Eric M. The Moral Foundations of Trust (September 2002). URL: <https://ssrn.com/abstract=824504> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.824504>.
3. Chernitsyna E. N. Political trust: how to measure it? *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik = Public administration. Electronic Bulletin*. 2016;(54):130–145. (In Russ.).
4. Omelchenko D. A., Maksimova S. G., Noyanzina O. E. Generalized (generalised) trust in Russian border regions as an indicator of social security. *Society and Security Insights*. 2018;(2):11–28. (In Russ.).
5. Six B., Zimmeren van E., Popa F., Frison C. Trust and social capital in the design and evolution of institutions for collective action. *International Journal of the Commons*. 2015;9(1):151–176.
6. Blok M., Golovin N. A. Social capital: to generalise the concept. *Vestnik Sankt Peterburgskogo universiteta = Bulletin of the St. Petersburg University*. 2015;(4):99–111. (In Russ.).
7. Belyaeva L. A. Social capital in Russia and problems of entrepreneurial activity. *Filosofskiye nauki = Philosophical Sciences*. 2016;(10):91–106. (In Russ.).
8. Putnam R. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton University Press. NY: Princeton; 1993.
9. Almond G., Verba S. *Civil culture: political attitudes and democracy in five countries*. Moscow: Mysl; 2014. 500 p. (In Russ.).
10. Shtompka P. *Trust is the basis of society*. Moscow: Logos; 2014. 440 p. (In Russ.).
11. Fukuyama F. *Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity*. Moscow: AST, Ermak; 2004. (In Russ.).
12. Giddens A. *Beyond Left and Right: The Future of Radical Politics*. Cambridge: Polity Press; 1994.
13. Garaev O. M. Citizens' trust as a factor of strengthening political power in modern Russia. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of the Bashkir University*. 2014;19(4):1509–1515. (In Russ.).
14. Chimiris E. S. Power legitimacy: Towards the creation of an operational model. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):37–44. DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–3–37–44. (In Russ.).
15. Abramov V. L., Zhivalov V. N., Ivanchenko V. S., Perehod E. K., Chimiris E. S., Chistilin D. K. Expert approaches to the investigation of social networks on the internet in the post-soviet space: Moldova case. *Vlast = Power*. 2020;28(6):93–102. (In Russ.).

16. Myasnikov S. A. Legitimation and justification of the policy: Analysis of conceptual distinctions. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2019;(3):222–235. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.12>. (In Russ.).
17. Fitzgerald Jennifer, Wolak Jennifer. The Roots of Trust in Local Government in Western Europe. *International Political Science Review / Revue Internationale De Science Politique*. 2016;37(1):130–146.
18. Dugin E. Ya. The power of trust or the trust of power. *Vlast = Power*. 2018;(2):60–66. (In Russ.).
19. Giddens A. Consequences of modernity / A new post-industrial wave in the West. An anthology. V.L. Inozemtsev, (Ed.). Moscow: Academia; 1999. (In Russ.).
20. Freik N. Shtompka Pyotr. Trust: a sociological theory. Cambridge: Cambridge university press; 1999. 214 p. (In Russ.).
21. Nechaev V.D., Belokonev S. Yu. Digital Economy and Trends of Political Development in Modern Societies. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo = Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2020;13(2):112–133. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-6. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергей Юрьевич Белоконев — кандидат политических наук, научный руководитель Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
pr-rsuh@yandex.ru

Елена Владимировна Левина — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем рынка Российской академии наук; доцент Департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
elena.v.levina@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Sergei Yu. Belokonev — Candidate of Political Sciences, Scientific Chairman of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University Moscow, Russia

Elena V. Levina — Candidate of Social Sciences, Senior Researcher, Market Economy Institute of RAS, Associate Professor, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
elena.v.levina@gmail.com

Статья поступила 27.08.2021; принята к публикации 20.09.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 27.08.2021; accepted for publication on 20.09.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-46-53
УДК 32(045)

Феномен государственной политики: сущность и виды

В. М. Родачин

Российский новый университет (РосНОУ), Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-6839-999X>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена феномену государственной политики и его понятийному отражению в отечественной и зарубежной литературе. Обращается внимание на культурно-цивилизационные различия в толковании понятия «государственная политика» в западной политологии, где получил распространение термин «публичная политика» (public policy), и в российской обществоведческой мысли, где традиционно употребляется термин «государственная политика». Раскрываются основные признаки и свойства государственной политики, обосновывается разграничение понятий «государственная политика» и «государственное управление». Обобщены основные теоретико-методологические подходы к определению сущности государственной политики. Высказывается авторское определение с позиции социально-философского подхода. Представлена классификация видов государственной политики по различным основаниям. Обоснована необходимость более тесного взаимоувязывания конкретных видов государственной политики Российской Федерации между собой по содержанию с учетом требований системного подхода. **Ключевые слова:** политика; государственная политика; публичная политика; управление и государственная политика; генезис и сущность государственной политики; классификация государственной политики

Для цитирования: Родачин В.М. Феномен государственной политики: сущность и виды. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2021;11(6):46-53. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-46-53

ORIGINAL PAPER

The Phenomenon of State Policy: The Essence and Types

V.M. Rodachin

Russian New University (RosNOU), Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6839-999X>

ABSTRACT

The article is devoted to the phenomenon of state policy and its conceptual reflection in domestic and foreign literature. The author draws attention to the cultural and civilizational differences in interpreting the concept of state policy. In Western political science, the term "public policy" (public policy), identified with state policy, has become widespread. The term "state policy" is traditionally used in Russian social science thought. The author revealed state policy's main features and properties and justified the differentiation of "state policy" and "public administration" concepts. The main theoretical and methodological approaches to the definition of the essence of state policy are summarized. The author expressed his definition from the position of the socio-philosophical approach. Further, the author presented the classification of types of state policy on various grounds. Finally, the author justified the necessity of closer interconnection for specific kinds of state policy of the Russian Federation with each other, taking into account the requirements of a systematic approach.

Keywords: politics; public policy; public policy; management and public policy; genesis and essence of public policy; classification of public policy

For citation: Rodachin V.M. The Phenomenon of state policy: The essence and types. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University.* 2021;11(6):46-53. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-46-53

ВВЕДЕНИЕ

Государство как основной институт публичной власти в обществе реализует свои функции посредством целенаправленного регулирования общественных отношений в различных сферах жизнедеятельности, обеспечения и защиты национальных интересов, а также реализации исполнительными органами власти общественно значимых программ развития (социально-экономического, научно-технического, духовно-культурного и пр.) за счет выделяемых бюджетных средств и привлекаемых общенациональных, региональных и местных ресурсов. Необходимым инструментом подобного регулирования (управления), а также стратегией, выражающей общенациональные или региональные цели и программу мер по их достижению, выступает *государственная политика*. Первый президент Американской ассоциации политических наук *Франк Гуднау* отмечал, что политика (politics) «имеет дело с системой мер или выражением воли государства, ... направляя политический курс государства» [1].

ГЕНЕЗИС ФЕНОМЕНА И ТЕРМИНА «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА»

Государственная политика возникла вместе с образованием государства, выступая *инструментом управления, средством консолидации* финансовых, материальных, трудовых, информационных и иных ресурсов для решения назревших общественных проблем (внутренняя политика), выстраивания связей с другими государствами и народами (внешняя политика), организации вооруженных сил и действий (военная политика), а также *стратегией управления*, выражающей перспективные и наиболее важные цели, недостижимые в текущих условиях, в сочетании с программой мер по их претворению в жизнь.

При этом сам термин «политика» (politike), как известно, был введен в оборот *Аристотелем* только в IV в. до н.э. [2]. Тем не менее феномен политики, пусть понятийно не выраженный, но связанный с властными отношениями, государственным строительством, войнами и территориальными завоеваниями, дипломатической практикой, был неотъемлемой частью реальности еще древних цивилизаций. «Политика, — писал американский политолог, профессор Йельского университета *Роберт Алан Даль* (1915–2014), — представляет собой древний и всеобщий опыт; искусство и наука политического анализа развивались на протяжении нескольких тысячелетий в различных районах земного шара» [3].

Термин «государственная политика» (state policy), в сравнении с понятием «политика», появился в научном обороте гораздо позже — только в конце XIX — начале XX в. Раньше в этом не было нужды, поскольку бытие политики не проявляло себя в иных формах, кроме государственной, и, по сути, отождествлялась с государственной политикой. Только с развитием гражданского общества, демократии в условиях капитализма и буржуазного общества возник феномен общественной политики, наряду с государственной. Актуализировалась потребность в выделении из родовой категории «политика» самостоятельных видов «государственной» и «общественной» политики. Выдающийся немецкий государствовед *Георг Еллинек* (1851–1911) характеризовал государственную политику как «учение о достижении определенных государственных целей», «учение об искусстве государственной деятельности», нацеленном на практические проблемы «сохранения или преобразования существующего порядка» [4].

В западной политологии получил распространение термин «*публичная политика*» (public policy), отождествляемый с государственной политикой. Публичная политика, — отмечает доктор политических наук, профессор *Джеймс Андерсон*, — «является официальным, относительно устойчивым и стабильным *курсом действий* с конкретной целевой направленностью, осуществляемым правительственными чиновниками и органами власти в сферах и отраслях, затрагивающих интересы и потребности большинства населения государства» [5]. Это — «система действий, регулятивных мер, законов, и финансовых приоритетов по тому или иному направлению, провозглашенная органом государственной власти или его представителями» [6].

В понятии «*государственная политика*», традиционном для российской науки, подчеркивается целенаправленная деятельность органов государственного управления по решению общественных и международных проблем, развитию общества, обеспечению безопасности.

ПРИЗНАКИ И СВОЙСТВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Государственная политика обладает рядом характерных черт:

- в ней отражается заранее спланированный вектор развития той или иной общественной сферы, области отношений, подконтрольной определенным ведомствам, и в этом смысле госу-

дарственная политика соответствующим образом «зонирована»;

- при решении сложных проблем, выходящих за рамки компетенции одного ведомства, проявляется ее комплексный, межсекторальный характер, в силу чего государственная политика осуществляется в «интегрированной» форме;

- государственная политика имеет тайные (скрытые) и публичные (открытые) способы существования и реализации;

- облекается в нормативно-правовую форму (документируется), возлагая таким образом ответственность за ее реализацию на определенные органы исполнительной власти, должностные лица; вместе с тем, неверно полагать, что «государственная политика, — как утверждает доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина Л. А. Морозова, — проявляется в первую очередь в актах государства. Это нормативные правовые акты, а также декларации, обращения, призывы и иные официальные документы» [7] (понятия «нормативный правовой акт государства» и «государственная политика» не тождественны, поскольку не всякий такого рода акт, и тем более в форме «деклараций, обращений, призывов», имеет политическое содержание, выражаемое в проводимой государством политике);

- с учетом многообразия форм правления в современных странах использует различные механизмы выработки: авторитарные, элитарно-групповые, демократически-коллегиальные.

Ряд ученых обращает внимание на принадлежность свойства публичности («*публичная политика*») не всякой даже открыто декларируемой «*государственной политике*». Один из распространенных в России и в русскоговорящих странах подходов к сути понятия «публичная политика» соотносит его с гласностью — «открытой, публичной борьбой за власть, сопровождаемой публичными дебатами, с активной ролью телевидения»¹.

Другой подход к пониманию «публичной политики» акцентирует внимание на вовлеченность гражданского общества, различных социальных групп и слоев общества в выработку и реализацию политики государства: «Публичная политика — это деятельность, характеризующаяся системным

взаимодействием государства, частного сектора, институтов гражданского общества, многообразных социальных, профессиональных групп и слоев, общественных объединений по поводу реализации личных и общественных интересов, производства, распределения и использования общественных ресурсов и благ с учетом волеизъявления народа или населения определенных территорий» [8].

Следует разграничивать понятия «*государственная политика*» и «*государственное управление*». Последнее имеет более широкое значение, охватывая систему государственных органов, их функциональные полномочия, механизм и процесс реализации регулятивной деятельности в установленной сфере компетенции. Государственная политика — это один из элементов государственного управления. В рамках государственной политики «отбираются, ранжируются, охраняются и защищаются, реализуются и обеспечиваются важнейшие публичные интересы в конкретной сфере общественных отношений, выступающей предметно-объектной сферой государственной политики» [9].

СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В классово-антагонистических обществах государственная политика служила интересам и целям господствующих классов, поскольку само государство являлось «*машиной угнетения одного класса другим*» [10]. Фридрих Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» писал, что «античное государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подавления рабов, феодальное государство — органом дворянства для подавления крепостных крестьян, а современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом» [11].

В современном демократическом государстве в государственной политике призвана воплощаться воля народа, выражающая общенациональные интересы и цели. «Именно воля народа принципиально важна для того, — подчеркнул Президент России В. В. Путин в телеобращении к россиянам 23 июня 2020 г., — чтобы обеспечить надежные условия для уверенного, динамичного, долгосрочного развития страны на десятилетия вперед». Истинный успех политики, — был убежден русский мыслитель И. А. Ильин (1882–1954), — «есть расцвет народной жизни», ибо она представляет в своей сущности «*служение народу*». И в этом качестве политика обязана быть последовательной, «не должна брести от случая к случаю, штопать наличные дыры, пре-

¹ Fundamentals of the state youth policy of the Russian Federation for the period up to 2025: Approved by the decree of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014 No. 2403-R.

даваться легкомысленной близорукости. Истинная политика ясно видит свой идеал» [12]. Вместе с тем реальность не всегда соответствует этим идеалам и требованиям. Под вывеской демократии в государственной политике неоимперских стран, псевдодемократий нередко воплощается не воля народа, а узкогрупповые интересы правящих элит, близких к ним олигархических, националистических и иных антинародных группировок. Так, «в Украине сейчас, — утверждает глава Харьковской организации партии «Оппозиционная платформа — За жизнь» Андрей Лесик, — антинародная власть, которая действует против интересов народа»².

В современной философской, политологической, юридической литературе, сфокусированной на проблемах государственной политики, констатируется отсутствие полной теоретической ясности в отношении сущности данного феномена. Не разработан освещающий его понятийно-категориальный аппарат. Даже «в законодательных актах, — констатирует директор бизнес-центра Воронежского государственного университета Д. Ф. Воронцов, — поразному определяется государственная политика, среди ученых нет единого мнения относительно ее понятия, в праве не разработаны определения средств, форм, механизма реализации государственной политики» [13].

Имеется множество определений сущности государственной политики, основанных на различных методологических подходах.

В рамках наиболее распространенного *деятельностного* подхода государственная политика характеризуется как «целенаправленная деятельность органов государственной власти по решению общественных проблем, достижению и реализации общезначимых целей развития общества или его отдельных сфер» [14]. Государственная политика, по определению кандидата философских наук С. В. Сытина, — «это одна из основных форм государственной деятельности, призванная утверждать значимость этого социального института (государства) через «производство» общественных благ для наибольшего количества лиц, через структурирование общества, «стягивая» его экономическими, культурно-политическими и иными связями, стремясь к кооперативному взаимодействию с социумом» [15].

С позиции *телеологического* (от греч. teleos — цель) подхода, основоположниками которого явля-

ются Аристотель, Г. Лейбниц, Г. Гегель, исходившие из того, что все предметы и явления объективного мира содержат в себе потенциальную, внутренне присущую им цель существования, которую они стремятся реализовать в процессе своего развития, государственная политика понимается как «комплекс целей, мер, задач, программ, установок, реализуемых государством» [16]. Государственная политика, как пишет главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, профессор С. Г. Кара-Мурза, «осуществляет функцию *целеполагания* для государственного управления». Это сфера деятельности, связанная с «выработкой и согласованием с основными политическими субъектами системы целей государственного управления, а также доведение этой системы целей до субъектов, осуществляющих государственное управление» [17].

Четкое понимание целевых ориентиров служит организующим, направляющим началом для субъектов государственной политики. Поэтому так важно в первую очередь обеспечить выверенное и обоснованное целеполагание в государственной политике. К сожалению, в некоторых официальных документах, посвященных определенным видам государственной политики, на передний план неоправданно выносятся не ее цели, а различные средства и меры по их достижению. Так, Федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» определяет соответствующий вид политики как «совокупность правовых, дипломатических, социальных, экономических, информационных, образовательных, организационных и иных мер, осуществляемых Президентом Российской Федерации, органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, законодательством РФ для претворения в жизнь принципов и целей, установленных настоящим Федеральным законом».

В аспекте *конфликтологического* подхода государственная политика представляется полем столкновения различных групп интересов, противоборствующих политических сил, объектом разногласий, фрагментации или же консолидации политической воли правящего режима. «Государственная политика — это всегда в определенном смысле не только столкновение, но и консенсус интересов, целей, идей и предпочтений государ-

² URL: <https://news.rambler.ru/ukraine/44176016-andrey-lesik-obyasnil-pochemu-nelzya-verit-ukrainskoy-vlasti/>.

ственно- и социально-политических субъектов (как групповых, корпоративных, так и «единичных» — первые лица государства), обусловленных потребностями и вызовами времени и среды; результат побед и поражений, уступок и достижений заинтересованных игроков» [18].

С точки зрения *управленческого* подхода, которого придерживается заведующая кафедрой связей с общественностью и прикладной политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, профессор, доктор экономических наук *Г.В. Морозова*, государственная политика понимается как «*внутренняя интегрированная стратегия управления крупномасштабными объектами (экономика, социальная сфера, здравоохранение, образование и т.п.) и осуществления комплексных проектов отраслевого, межотраслевого, подотраслевого развития, выработанная на основе коллегиального обсуждения государственных и гражданских структур*» [16].

В аспекте *процессуального* подхода государственная политика, по определению профессора кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктора политических наук *Н.А. Баранова*, «*есть политический процесс управленческого воздействия институтов государства на основные сферы общества, опирающийся на непосредственное применение государственной власти как при разработке, так и при осуществлении стратегии и тактики регулирования функционированием и развитием экономики, социальной сферы и других подсистем общества посредством размещения ресурсов, распределения, перераспределения общественных благ и других мер*» [19]. Конкретизация процессуального взгляда на государственную политику представляет ее «как результат политического цикла со своими ступенями и этапами: инициирование политики; определение основных ее целей и направлений; разработка политики; реализация политики, включая мониторинг и контроль исполнения; оценка результатов и последствий».

Признавая правомерность различных аспектов исследования государственной политики, необходимо в первую очередь раскрыть с общесоциологической точки зрения ее *родовую сущность* как социально-политического феномена. Она заключается, на наш взгляд, в *проектируемой и реализуемой в скрытой или в открытой форме линии устремлений и действий государственных институтов*

и органов, опосредованной господствующей волей правящей власти, преследующей общенациональные или узкогрупповые цели и интересы внутри общества и на международной арене. От характера этих целей и интересов — элитарно-групповых (классовых) или общенациональных (общенародных) — зависит степень поддержки государственной политики в обществе и ее влияния на рост благосостояния народа, экономической, научно-технической, военной и духовной мощи, укрепление безопасности личности, общества и государства.

КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Государственная политика современных стран не существует в единой, нерасчлененной форме, а отличается широким спектром уровней, областей, сфер регулирования и дифференцируется на множество видовых составляющих. То есть государственную политику необходимо рассматривать в родо-видовых соотношениях и взаимосвязях, где *родом* является весь класс явлений, входящих в объем понятия «государственная политика», а *видами* выступают подчиненные ему подклассы (конкретные сферы и области государственного целеполагания, регулирования и связанные с ними направления деятельности органов исполнительной власти).

Следует отметить, что функцией *по выработке государственной политики* наделены федеральные министерства (всего 22 федеральных министерства, 5 из которых непосредственно подчинены Президенту РФ, а 17 — Правительству РФ)³. По *межведомственным вопросам*, требующим комплексного участия различных министерств и иных органов государственного управления, полномочиями Президента РФ, принимаются и реализуются отдельные виды государственной политики: «государственной политики регионального развития Российской Федерации», «государственной национальной политики Российской Федерации», «государственной политики в сфере импортозамещения», «государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации» и др.

Всего, с учетом продолжающейся дифференциации сфер и областей государственного управления, в документах и научной литературе выделяется

³ Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (с изменениями и дополнениями). П. 3, а.

свыше 50 видов государственной политики, осуществляющих конкретное предметное регулирование.

В правительственных документах и литературе при классификации государственной политики взамен «вида» нередко используются понятия «направление государственной политики», «область государственной политики», «часть государственной политики». Согласно Основному закону РФ, «основные направления внутренней и внешней политики государства» в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами определяет Президент РФ. Государственная молодежная политика квалифицируется как «направление деятельности Российской Федерации»⁴. На «значительное число различных самостоятельных направлений государственной политики в современной России» указывает С.Н. Кожевников, относя к ним «внутреннюю, международную, экономическую, бюджетную, аграрную, налоговую, в области образования, обороны и т.д.» [20].

В Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» говорится о «государственной политике в области финансов, науки, образования, здравоохранения, культуры, физической культуры и спорта, социального обеспечения, безопасности дорожного движения и экологии». В Стратегии обеспечения национальной безопасности Российской Федерации раскрываются цели и задачи «государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу».

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации данная политика рассматривается как «неотъемлемая часть государственной политики Российской Федерации». Так же единая таможенная политика официально признается «составной частью внутренней и внешней политики Российской Федерации»⁵.

Существует мнение о разделении понятий «вид» и «направление» государственной политики. Так, к видам государственной политики, без указания критерия принадлежности к виду, относят «эко-

номическую, социальную, административную, экологическую, кадровую, демографическую, информационную и т.д.» [21]. Внутри каждого вида, соответственно, выделяют направления государственной политики. Например, в рамках социальной политики их составляют «мероприятия в области занятости населения, пенсионного обслуживания, охраны здоровья, образования и т.д.». Следует обратить внимание на формально-логическую несоответственность понятий «вид» и «направление». Точнее было бы, на наш взгляд, говорить о виде и подвидах.

В целом назрела потребность в устранении терминологической путаницы, связанной с квалификацией отдельных составляющих государственной политики (сфера, область, направление, часть). При всей неравнозначности их связывает между собой соотношение «единого» и «множественного», «целого» и «части». В своем трактате «Метафизика» Аристотель определяя часть, выделяет четыре смысла этого понятия, одним из которых является трактовка его как видового понятия по отношению к роду [22]. Поэтому целесообразно использовать более адекватное понятие «вид государственной политики».

Для систематизации многообразия всех проявлений государственной политики в научной литературе используют различные критерии или классификационные основания.

По *масштабу и уровням реализации* различают глобальную, международную, общегосударственную, региональную, местную государственную политику.

По *степени выраженности государственной воли* — сильную и слабую государственную политику.

По *соответствию назревшим или субъективно установленным требованиям* — реалистическую и волюнтаристскую государственную политику.

По *идеологической направленности* — либеральную, консервативную, социал-демократическую, коммунистическую, националистическую, расистскую и т.п.

По *временным параметрам, расчетному времени исполнения* — текущую и перспективную (долгосрочную, среднесрочную, краткосрочную) государственную политику.

По *результативности достижения заявленных целей и задач* — эффективную и неэффективную государственную политику.

По *реализуемым государством функциям* — внутреннюю и внешнюю государственную политику.

По *сферам и объектам целеполагания, планирования и регулирующего воздействия* — экономическую (промышленную, аграрную, финансово-кредитную,

⁴ Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р.

⁵ Таможенный кодекс Российской Федерации от 18.06.1993 № 5221-1. Ст. 2.

налоговую, таможенную, инвестиционную, транспортную, энергетическую, научно-техническую и др.), социальную (трудоустройство, национальную, демографическую, молодежную, здравоохранительную, пенсионную и др.), духовную (культурную, образовательную, языковую, профессиональную и др.), национальной безопасности (военную, правоохранительную, информационную, продовольственную, санитарно-эпидемиологическую и др.), обеспечения национальной безопасности (военную, общественной и государственной безопасности, санитарно-эпидемиологическую и др.) государственную политику.

ВЫВОДЫ

Таким образом, государственная политика — сложный и динамично развивающийся социально-политический феномен, имеющий тысячелетнюю историю, но понятийно еще недостаточно осмысленный.

Конкретные виды государственной политики Российской Федерации недостаточно взаимосвязаны между собой, не всегда учитывают даже в смежных областях реализуемые цели и задачи. Поэтому требуется обеспечить теоретическую и практическую взаимодополняемость видов государственной политики для придания им системного характера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гуднау Ф. Политика и управление. Классики теории государственного управления: американская школа. М.: Изд-во МГУ; 2003.
2. Аристотель. Политика. Сочинения. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль; 1983.
3. Даль Р.А. Современный политический анализ. Актуальные проблемы современной зарубежной политической науки. Вып. 4. Реферативный сборник. М.: ИНИОН РАН; 1991.
4. Еллинек Г. Общее учение о государстве. Пер. с нем. СПб.; 1908.
5. Anderson J.E. Public Policymaking: An Introduction. Boston-New York; 2003.
6. Горбачев А.А. WorldSkills как инструмент реализации государственной политики в сфере подготовки рабочих кадров. *Вестник экспертного совета*. 2018;4(15): 67–74.
7. Морозова Л.А. Теория государства и права. Учебник. 5-е изд., испр. и доп. М.: Норма; 2014.
8. Сунгуров А.Ю. Публичная политика как поле взаимодействия и как процесс принятия решений принятия решений. Публичная политика — 2005. СПб.: Норма; 2006:8.
9. Понкин И.В. Общая теория публичного управления. Избранные лекции. М.: РАНХиГС при Президенте РФ; 2013.
10. Ленин В.И. О государстве. Полн. собр. соч. Т. 39. М.: Издательство политической литературы; 1970.
11. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат; 1986.
12. Ильин И.А. Путь к очевидности. Собр. Соч. в 10 т. Т. 3. М.: Республика; 1993.
13. Воронцов Д.Ф. Государственная политика: понятие, виды, соответствие праву и справедливости как элемент решения проблем современной экономики. *Актуальные проблемы российского права*. 2011;(3):12–21.
14. Вертакова Ю.В., Лаврикова Н.И. Содержание и ключевые особенности региональной политики в социальной сфере. *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*. 2016;2(28):15–22.
15. Сытин С.В. Основные подходы к механизмам выработки государственной политики. *Социально-гуманитарные знания*. 2010;(6):85–98.
16. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. Права; 2003.
17. Кара-Мурза С.Г. Государственная политика и управление. Лекция 4. В кн.: Якунин В.И., Кара-Мурза С.Г., Вершинин А.А., Каменский А.В. Лекции по политологии. М.: Научный эксперт; 2014.
18. Морозова Л.А. Теория государства и права. Учебник. 5-е изд., испр. и доп. М.: Норма; 2014.
19. Баранов Н.А. Лекция 4. Государственная политика. Сущность государственной политики. URL: <https://www.nicbar.ru/politology/study/49-kurs-gosudarstvennaya-politika-i-upravlenie/494-lektsiya-4-gosudarstvennaya-politika>.
20. Кожевников С.Н. Государство и право: краткий словарь терминов и разъяснений по правоведению. Н. Новгород: Изд-во ФГОУ ВПО «ВГАВТ»; 2009.
21. Идиатуллина К.С. Система государственного управления. Учебное пособие. Казань: Казан. гос. технол. ун-т; 2006.
22. Аристотель. Метафизика. Сочинения. В. 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975.

REFERENCES

1. Gudnaу F. Politics and management. Classics of the theory of public administration: American school series. Shafritz J., Hyde A., editors; Borisenko T.I., translator. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 2003. (In Russ.).
2. Aristotle. Politics. Works in 4 vols. Vol. 4. Moscow: Mysl; 1983;376–644. (In Russ.).
3. Dal R.A. Modern political analysis. Actual problems of modern foreign political science. Issue 4: Abstract collection. Moscow: INION RAS; 1991:51–111. (In Russ.).
4. Jellinek G. The General doctrine of the state. St. Petersburg; 1908. (In Russ.).
5. Anderson J.E. Public Policymaking: An Introduction. Boston-New York; 2003.
6. Gorbachev A.A. WorldSkills as a tool for implementing state policy in the field of training workers. Bulletin of the Expert Council. 2018;4(15):67. (In Russ.).
7. Morozova L.A. Theory of State and Law: textbook. 5th ed., rev. and expand. Moscow: Norm; 2014. (In Russ.).
8. Sungurov A. Yu. Public policy as a field of interaction and as a decision-making process of decision-making. Public Policy – 2005. St. Petersburg: Norm, 2006. (In Russ.).
9. Ponkin I.V. General theory of public administration. Selected lectures. Moscow: RANEPА; 2013. (In Russ.).
10. Lenin V.I. On the state. Full Collected Works. Vol. 39. (In Russ.).
11. Engels F. The origin of the family, private property and the state. In: Marx K., Engels F. Selected works. In 3 vols. Vol. 3. Moscow: 1986. (In Russ.).
12. Ilyin I.A. The path to evidence. Collected Works in 10 vols. Vol. 3. (In Russ.).
13. Vorontsov D.F. State policy: concept, types, compliance with law and justice as an element of solving the problems of the modern economy. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2011;(3):12–21. (In Russ.).
14. Vertakova Yu.V., Lavrikova N.I. Content and key features of regional policy in the social sphere. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii = Theory and practice of service: economy, social sphere, technology*. 2016:2(28):15–22. (In Russ.).
15. Sytin S.V. Basic approaches to mechanisms of state policy development. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya = Socio-humanitarian knowledge*. 2010;(6):85–98. (In Russ.).
16. Matuzov N.I. Actual problems of the theory of law. Saratov; 2003. 318 p. (In Russ.).
17. Kara-Murza S.G. Public policy and management: lecture 4. In: Yakunin V.I., Kara-Murza S.G., Vershinin A.A., Kamensky V.A., eds. Lectures on political science. Moscow: Scientific expert; 2014. (In Russ.).
18. Morozova L.A. Theory of State and Law: textbook. 5th ed., rev. and expand. Moscow: Norma; 2014. 208 p. (In Russ.).
19. Baranov N.A. Lecture 4. State policy. The essence of public policy [Internet]. URL: <https://www.nicbar.ru/politology/study/49-kurs-gosudarstvennaya-politika-i-upravlenie/494-lektsiya-4-gosudarstvennaya-politika> [cited 2021 Jul 7]. (In Russ.).
20. Kozhevnikov S.N. State and Law: a brief glossary of terms and clarification of the law. N. Novgorod: Izd. FGOU VPO VGAVT; 2009. (In Russ.).
21. Idiatullina K.S. System of government. Textbook. Kazan: KGTU; 2006. (In Russ.).
22. Aristotle. Metaphysics. Works in 4 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl; 1975. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Михайлович Родачин — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Российский новый университет (РосНОУ), Москва, Россия
Rodvm@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir M. Rodachin — Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Russian New University (RosNOU), Moscow, Russia
Rodvm@yandex.ru

Статья поступила 12.10.2021; принята к публикации 30.10.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.10.2021; accepted for publication on 30.10.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-54-61
УДК 31.316.7(045)

О двух семействах стратегий и моделей межкультурных коммуникаций*

А.Г. Тюриков^а, А.Я. Большунов^б

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-0358-1608>

АННОТАЦИЯ

В статье проводится и обосновывается различие между межкультурными коммуникациями, осуществляющимися в цивилизационном и культурном модусах существования. Кроме того, авторы предпринимают попытку объективировать смыслы понятий «цивилизация» и «культура» и в итоге приходят к выводу, что термин «цивилизация» указывает на интеробъективный модус существования, а термин «культура» – на intersубъективный модус существования. Поскольку же понятия «цивилизация» и «культура», даже будучи объективированными, не утрачивают характера «нарративных субстанций», их экстенционалы являются не классами или типами, а указывают на семейства межкультурных коммуникаций.

Ключевые слова: межкультурные коммуникации; культура; цивилизация; intersубъективность; интеробъективность; социальные онтологии

Для цитирования: Тюриков А.Г., Большунов А.Я. О двух семействах стратегий и моделей межкультурных коммуникаций. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):54-61. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-54-61

ORIGINAL PAPER

About Two Families of Cross-Cultural Communication Models**

A.G. Tyurikov^а, A. Ya. Bolshunov^б

Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-0358-1608>

ABSTRACT

In this article, the authors try to draw and substantiate the distinction between intercultural communications carried out in people's civilizational and cultural modes of existence. We attempt to objectify the meanings of the concepts of civilization and culture – to express the senses in the meanings of terms, and to convert the meanings of these concepts (primary intentions) into the content of concepts (secondary intentions), which clearly outlines the scope (extensions) of concepts. As a result, the authors concluded that the term “civilization” indicates an interobjective mode of human existence, and the term “culture” indicates an intersubjective mode of existence. Any place of activity and habitation of people is the place of deployment of two ontologies of the social – one based on interobjectivity (civilization) and the other on intersubjectivity (culture). Accordingly, cross-cultural communication can be carried out in both interobjective and intersubjective modes of existence. Since the concepts of civilization and culture, even when objectified, do not lose the character of “narrative substances”, their extensionals are not classes or types. Using the term of L. Wittgenstein, they form “families of meanings”. Therefore, the authors point to families of cross-cultural communications and describe the differences between these families.

Keywords: cross-cultural communications; culture; civilization; intersubjectivity; interobjectivity; social ontologies

For citation: Tyurikov A.G., Bolshunov A. Ya. About two families of cross-cultural communication models. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6): 54-61. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-54-61

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the research results carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University.

ВВЕДЕНИЕ

В статье обосновывается тезис о существовании двух типов межкультурных коммуникаций (МКК), один из которых реализуется в цивилизационном (объектно-ориентированном, интеробъективном), а другой — в культурном (субъектно-ориентированном, интерсубъективном) модусе существования. Первый тип предполагает элиминацию культурных различий, а второй характеризуется чувствительностью к ним. По меткому замечанию Т. Иглтона, «цивилизация сглаживала национальные различия, тогда как культура их подчеркивала» [1]. Первый тип описывается моделями объектно ориентированных социальных онтологий [2, 3], включая модели акторно-сетевой теории Б. Латура [4–6], а второй — деятельностно-феноменологическими моделями, восходящими к концепции Э. Гуссерля и деятельностному подходу [7–9]. Сближение деятельностного и феноменологического подходов стало возможно потому, что «смысл... это основная категория деятельностного подхода... наличие смысловой системы есть специфический признак деятельности» [10]. Сегодня в деятельностно-феноменологической парадигме работают знактивисты [11].

И Э. Гуссерль, и Б. Латур, претендуя на создание онтологий социального, помещают в их основание разные категории. Так, Э. Гуссерль создает онтологию интерсубъективно конституированных жизненных миров, являющихся для их обитателей «смысловым формообразованием», «единством духовной формы» и «универсальным духовным приобретением» [12], при этом подчеркивая, что жизненный мир «надлежит мыслить как интерсубъективно-конституированный», который «для меня и для каждого ... конкретно дан только как мир культуры» [13]. Под «смысловым формообразованием» понимается субъектность, т.е. способность людей распоряжаться тем, что в мире сообразно с их человеческими (социокультурными) смыслами, где под культурой следует понимать существование человека как субъекта [9].

Для Б. Латура, который как альтернативу интерсубъективности вводит понятие интеробъективности [4], все эти основанные на интерсубъективности жизненные миры и «субъекты» — фикции. С его точки зрения вообще «нет такой вещи как область», причем не только

в смысле пространственно-очерченных миров, но и в смысле «областей Науки, или Закона, или Религии или Экономики». А что действительно есть — это сети и акторные (актантные) структуры, обеспечивающие их функционирование [14]. С точки зрения акторно-сетевой теории люди наравне с машинами и иными «нелюдьми» характеризуются не субъектностью, а только «агентностью», состоящей в способности обслуживать функционирование социотехнических сетей в той или иной актантной позиции.

С излагаемой в настоящей статье точки зрения человек — существо онтологически двусмысленное, и в связи с этим онтологии Гуссерля и Латура сосуществуют, являются двумя модусами существования, между которыми на протяжении всей истории разворачиваются драматические, противоречивые отношения.

Субъектно-ориентированный модус существования находит выражение в понятии «культура», а объектно-ориентированный — в понятии «цивилизация». В цивилизационном модусе межкультурные различия оказываются «фантомными испарениями» жизненного процесса, которые надлежит элиминировать или обойти, а в культурном они являются интерсубъективно разделяемыми ресурсами коммуникации, на которых МКК должны фокусироваться для достижения взаимопонимания между представителями различных жизненных миров.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА

Нередко термины «цивилизация» и «культура» используются как взаимозаменяемые, почти синонимы. Причина состоит в том, что оба термина носят характер «нарративных субстанций» [15] или «философских концептов» [16]. Как таковые, они призваны выразить смысл определенных событий, являются «взглядом» на эти события, способом их понимания и интерпретации. Подобные понятия не являются «жесткими десигнаторами», характеризуются «плавающей» референцией [4], и, соответственно, их значения всегда остаются проблематизированными. Но они (выражаемые ими смыслы) все же могут быть объективированы — их референция лежит в сфере общественного, а не физического бытия.

Подчеркнем, что понятия «цивилизация» и «культура», сколько бы мы их не объективировали, остаются нарративными субстанциями, концептами, в основе которых лежат

интенционалы, а не пропозиции (смыслы, а не содержание) [16]. Это важно для понимания границ между обсуждаемыми семействами моделей МКК.

Н. Элиас указывает, что понятия цивилизации и культуры являются продуктами одного социогенетического процесса трансформации европейского общества. «*Courtoisie, civiité, civilisation* — эти слова представляют собой метки трех этапов общественного развития» [17]. При этом культура — немецкий аналог цивилизации, отражающий немецкое своеобразие исследуемой Н. Элиасом трансформации. С одной стороны, «слово “*kultiviert*”, — пишет Н. Элиас, — по смыслу очень близко западному понятию цивилизации. ... Оно обозначает социальное качество как людей, так и их жилища, форм обращения, языка, одежды — в отличие от термина “*kulturell*”... Французское и английское понятие “цивилизация” может относиться к политическим или хозяйственным, религиозным или техническим, моральным или социальным фактам. Немецкое понятие “культура” употребляется главным образом по отношению к духовным, художественным, религиозным фактам. Более того, имеется сильно выраженная тенденция противопоставлять их политическим, экономическим и социальным фактам, проводить между этими двумя областями четкую разграничительную линию. ... Само слово “*kulturell*” вообще невозможно прямо перевести на французский или английский язык» [17] (что, заметим, указывает на его нарративный, интенциональный характер). Различия между феноменами «цивилизация» и «культура», присутствующие изначально, привели, по утверждению Н. Элиаса, в XX в. к противопоставлению культуры и цивилизации, к критике цивилизации с позиций культуры. Т. Иглтон также полагает, что «на переломе XIX века понятие “культура” ... из синонима “цивилизация” стало его антонимом» [18]. С этих пор многие культурологи и мыслители артикулируют антиномичность и различия понятий «культура» и «цивилизация». Среди них О. Шпенглер [19], Т. С. Элиот [20], Т. Иглтон [18], Н. А. Бердяев [21] и др.

Важно отметить, что «к концу XIX века “цивилизация” приобрела непоправимо империалистический подголосок» [18]. Д. Ритцер иллюстрирует этот «империалистический подголосок» примером «макдонализации», став-

шей символом цивилизационной экспансии. «У макдональдизации налицо все признаки крайне безжалостного процесса, сметающего на своем пути все казавшиеся неуязвимыми институты (например, религию) и подминающего под себя все области (европейские страны, такие как Франция) мира» [1]. Он вводит в обращение термин «глобализация» («*grobalization*»), суть которой в том, что «крупные структуры и силы подавляют способность индивидуумов и групп создавать себя и собственные миры» [1]. Острее других чувствующий империалистический характер цивилизационной экспансии П. Фейерабенд писал: «Целые культуры... убиты, их защитные системы разрушены, их знания превращены в ничто — все это во имя прогресса» [22] (очевидно, что понятие прогресса неприменимо к культуре).

В чем же суть (онтическая подоплека) антиномичности феноменов культуры и цивилизации?

Поясним это различие на примерах культовых сооружений, которые в то же время являлись древними обсерваториями. В устройстве и функционировании таких сооружений, с одной стороны, воплощена и развернута «специфическая логика специфического объекта» — звездного неба, например обсерватория Стоунхендж. Понятно, что взаимодействия и действия обслуживающих функционирование этой обсерватории лиц также должны быть подчинены логике специфического объекта и воплощающей эту логику технологии наблюдений за ним. Но, с другой стороны, Стоунхендж не только обсерватория, но и культовое место (более того, культовым являлось и само «звездное небо»). Зачем люди наблюдали за звездным небом, что они делали, наблюдая за ним, какой это имело для них смысл? На эти вопросы нет ответа в объектно-обусловленных характеристиках Стоунхенджа, в технологиях наблюдений за звездным небом. Сказать, что люди руководствовались исключительно практическим смыслом (связанным, например, с циклом земледельческих работ), было бы наивным и небезобидным заблуждением.

Еще яснее указанное различие присутствует в Аркаиме. Как поселение Аркаим включает в себя как объектно-обусловленные, так и субъектно обусловленные характеристики. Объектно-обусловленные связаны, например, с жизнеобеспечением жителей, с их физио-

логией и анатомией, с утилизацией отходов и т. п. (кроме того, «технологически» Аркаим был обсерваторией). Но Аркаим был и «интерсубъективно конституированным» жизненным миром его обитателей, являющимся для них «смысловым формообразованием», «единством духовной формы» и «универсальным духовным приобретением» [12]. Аналогично, египетские пирамиды одновременно являются и технологическим достижением, и духовным приобретением.

Указанное различие сегодня обнаруживается в двух типах «социальных онтологий», одна из которых является объектно-ориентированной, а вторая субъектно-ориентированной.

Примерами первого типа являются социальная онтология М. Х. Бикхарда и онтологии социального Б. Латура и Г. Хармана [23]. Следует, правда, заметить, что Г. Харман, хотя и создает свою «объектно-ориентированную философию» как интерпретацию Б. Латура, все же воздерживается от следования радикализму акторно-сетевой теории: если провозглашенный Б. Латуром принцип эквивалентности людей и «нелюдей» как акторов («актант может быть буквально чем угодно» [6] — это и люди, и машины, и бактерии и т. п.) становится для него поводом к расчеловечиванию людей, то Г. Харману этот принцип дает, скорее, повод к «очеловечиванию» вещей.

Источником социальной онтологии М. Х. Бикхарда является разработанное Д. Льюис понятие соглашения (convention). Под соглашениями Д. Льюис понимает регулярности в поведении акторов, возникающие в ситуациях, требующих координации действий [24]. Эти конвенции являются объектно-опосредованными в том смысле, что «интерактивные возможности» (Биркхард), которыми располагают люди, и конвенции, в которых эти возможности воплощаются, институализируются и в конечном итоге обусловлены свойствами вещей, с которыми люди действуют, и свойствами обстоятельств, в которых они действуют. Социальные онтологии, по мнению М. К. Бикхарда, появляются в качестве простых или сложных решений различных и исторически растущих проблем координации. Существенно, что по М. К. Бирхарду, эти решения «не требуют предшествующего им “мы”» [2].

Не будет преувеличением сказать, что суть этой «социальной онтологии» была сформули-

рована еще К. Марксом. Производство «предполагает *общение* [Verkehr] индивидов между собой. Форма этого общения... обуславливается производством. [В том числе] взаимоотношения между различными нациями зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы, разделение труда и внутреннее общение» [25].

Немецкое понятие «культура» употребляется главным образом по отношению к духовным, художественным, религиозным фактам. Более того, имеется сильно выраженная тенденция противопоставлять их политическим, экономическим и социальным фактам, проводить между этими двумя областями четкую разграничительную линию.

Другая версия объектных онтологий представлена Б. Латуром и Г. Харманом. Особенность акторно-сетевой теории, по Б. Латуру, «заключается в том, что она создана соединением... семиотического понимания конструирования сущностей [и] онтологического тезиса о сетевом характере самих актантов». Семиотическое конструирование сущностей выражается в том, что «актор» в акторно-сетевой теории понимается семиотически (актант): это то, что действует самостоятельно или чье действие обусловлено другими. Это понимание не предполагает ни человеческих индивидуальных акторов с их особой мотивацией, ни людей в целом. Актант может быть буквально чем угодно при условии, что он точно выступает источником действия» [6]. При этом, поскольку актанты могут произвольно наделяться нефункциональными предикатами (т. е. не связанными с функционированием социотехнических сетей), возникают те «испадения материального жизненного процесса», о которых сказано выше.

Несмотря на различие предпосылок, обе версии объектно-ориентированных онтологий

приходят к одному результату. «Регулярности» Д. Люиса, по его собственному определению, описывают действия акторов, вовлеченных в ситуацию в различных ролях (т.е., по Б. Латуру, в различных актантных позициях).

Подчеркнем, что основанием для объектно-ориентированных онтологий социального является введенное Б. Латуром понятие интеробъективности, без которой невозможны ни соглашения Д. Льюиса, ни актантное конструирование сущностей Б. Латура. И то и другое разворачивается в интеробъективном модусе существования и образует этот модус.

Второй тип онтологий социального основан на категории интерсубъективности (см. выше). С. В. Шачин справедливо подчеркивает, что Э. Гуссерль посредством понятия интерсубъективности конструирует онтологию социального [26]. В этих онтологиях понятия окружающей среды замещаются понятиями феноменологических ландшафтов и миров, в которых вещи, события и т.п. являются таковыми по смыслу. Люди обращаются с вещами и ситуациями сообразно с их смыслом, а не свойствами (т.е. сообразно со свойствами лишь постольку, поскольку свойства имеют смысл). В конечном итоге «ситуации» и свойства объектов развернуты в деятельности (человеческих практиках) и в качестве моментов деятельности имеют смысл. Именно поэтому человек «развивает дремлющие силы [природы] и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» [27] (т.е. обращается с ними сообразно с их смыслом), а не подчиняется им. Культура — это «смысловой мир человека» [28], «все в мире, даже природа, исполнено человеческого смысла ... [и] способность вещи излучать из себя такой смысл (точнее, способность человека наделять ее им) и превращает ее в предмет культуры» [9].

Любое место деятельности и обитания людей является местом разворачивания двух онтологий социального, одна из которых основана на интеробъективности (цивилизация), а другая — на интерсубъективности (культура).

ДВА СЕМЕЙСТВА ПРАКТИК И МОДЕЛЕЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Языки обитателей интерсубъективно конструированного жизненного мира насыщены «первичными интенционалами» (смыслами), и они понимают друг друга именно потому, что эти смыслы (интенциональные структуры

и контексты) их жизненного мира интерсубъективны. Они не слишком обременяют себя выражением смысла в значениях, конвертациями смыслов в содержания понятий. Как показывают исследования, люди очень редко способны очертить экстенционалы не только таких сложных понятий, как «добро», «зло», «любовь» и т.п., но и таких простых, как «букашка» или «куст» (им достаточно того, что буква — то, что имеет смысл буквы, куст — то, что имеет смысл куста). Однако в общении представителей различных жизненных миров сразу возникает дефицит интерсубъективных ресурсов коммуникации и взаимопонимания. В условиях этого дефицита коммуниканты располагают двумя стратегиями:

1. Перейти в интеробъективный модус существования. Коммуникации, осуществляемые в модусе интеробъективности, основываются на обращении вторичных интенционалов (содержаний понятий, очерчивающих экстенционалы понятий). Таковы, например, языки профессионального общения: математики, физики, врачи и т.д. понимают друг друга независимо от принадлежности к жизненным мирам, они располагают терминами, имеющими одинаковое содержание и одинаковую референцию во всех жизненных мирах (Д. Чалмерс подчеркивает, что вторичные интенционалы вычленяет референцию в контрфактических мирах и тем самым осуществляют соотнесение миров). Проблема этой стратегии состоит в том, что первичные интенционалы не восстанавливаются из вторичных, соответственно, смыслы теряются, нивелируются, элиминируются. Вследствие этого «соотнесение» жизненных миров посредством вторичных интенционалов становится коммуникативным рычагом цивилизационной экспансии (см. выше).

2. Войти в процесс «активной интерсубъективности» — совместного смыслообразования [29, 30], призванного преодолеть дефицит интерсубъективных ресурсов коммуникации и взаимопонимания. Примером являются кросс-культурные семьи. Каждая такая семья сталкивается с дефицитами интерсубъективных ресурсов взаимопонимания и решает (или не решает) эту проблему в процессе совместного смыслообразования. В ее становлении отчетливо присутствует фаза активной интерсубъективности и состоявшаяся семья

представляет собой локальный жизненный мир, созданный процессами активной интересубъективности. Бессмысленно говорить, что семьи образуют сеть. Жизнеспособность семьи не может быть обеспечена функциональной «агентностью» мужа и жены, вообще функционированием акторной модели «брачного союза». Семья требует более глубокого уровня взаимопонимания, она должна иметь смысл, образующий для мужа и жены пространство интересубъективности.

Названным стратегиям соответствуют два семейства моделей МКК Первые (цивилизационные) основаны на объектно-детерминированных конвенциях и являются акторно-сетевыми. Например, для участия в профессиональных коммуникациях достаточно латуровской «агентности», т.е. способности участвовать в функционировании соответствующих сетей. Вторые (культурные, социокультурные) являются моделями «активной интересубъективности».

ВЫВОДЫ

В конкретных ситуациях названные семейства моделей сталкиваются (выше было обосновано, что любое место деятельности и обитания людей является местом развертывания двух онтологий социального), например, в сферах народной дипломатии или корпоративной культуры интернациональных компаний. Таким образом, моделируя реальное содержание и формы межкультурной коммуникации для достижения взаимопонимания между представителями различных жизненных миров, необходимо учитывать, что в современном глобализирующемся и противоречивом мире субъектно-ориентированный модус существования представляется в понятии «культура», а второй — объектно-ориентированный — в понятии «цивилизация». В цивилизационном модусе межкультурные различия надлежит элиминировать, а в культурном они являются уникальным содержанием интересубъективно разделяемых ресурсов коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. Пер. с англ. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис»; 2011. 592 с.
Ritzer J. McDonaldization of society 5. Moscow: Praxis Publishing and Consulting Group; 2011. 592 p. (In Russ.).
2. De Jaegher H., Di Paolo E. Making Sense in Participation: An Enactive Approach to Social Cognition. Enacting Intersubjectivity F. Morganti et al., eds. IOS Press, 2008.
3. Ritzer G., Ryan M. The Globalization of Nothing. SAIS Review of International Affairs. 2003 (Summer-Fall); XXIII(2):189–200. DOI: 10.1353/sais.2003.0053
4. Ritzer G. The Globalization of Nothing. Pine Thousand Oaks, CA: Forge Press; 2004. 359 p.
5. Латур Б. Об интеробъективности. *Социологическое обозрение*. 2007;6(2):79–96.
Latour B. On interobjectivity. *Sotsiologicheskoye obozreniye = Sociological Review*. 2007;6(2):79–96. (In Russ.).
6. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2014. 384 с.
Latour B. Reassembly of the social: an introduction to the actor-network theory. Moscow: Higher School of Economics; 2014. 384 p. (In Russ.).
7. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими осложнениями. *ЛОГОС: Научно-философский журнал*. 2017;27(1):173–200.
Latour B. On the actor-network theory. Some clarifications with more complications. *LOGOS: Nauchno-filosofskiy zhurnal = LOGOS: Scientific and philosophical journal*. 2017;27(1):173–200. (In Russ.).
8. Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия. М.: Изд-во Моск. ун-та; 1994. 228 с.
Leontiev A.N. Philosophy of Psychology: From the Scientific Heritage. Moscow: Publishing house of Moscow University; 1994. 228 p. (In Russ.).
9. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат; 1975. 304 с.
Leontyev A.N. Activity, consciousness, personality. Moscow: Politizdat; 1975. 304 p. (In Russ.).
10. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция; 2006. 408 с.
Mezhuev V.M. Idea of culture. Essays on the philosophy of culture. Moscow: Progress-Tradition; 2006. 408 p. (In Russ.).

11. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. М.; СПб.: Университетская книга; 2001. 332 с.
Elias N. About the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic research. Volume 1. Changes in the behaviour of the upper layer of the laity in the West. Moscow; St. Petersburg: University Book; 2001. 332 p. (In Russ.).
12. Fuchs T., De Jaegher H. Enactive intersubjectivity: Participatory sense-making and mutual incorporation. URL: https://www.academia.edu/11325878/Enactive_intersubjectivity_Participatory_sense-making_and_mutual_incorporation
13. Гуссерль Э. Избранные работы. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). М.: Издательский дом «Территория будущего»; 2005. 464 с.
Husserl E. Selected Works. (Series “University Library of Alexander Pogorelsky”). Moscow: Publishing House “Territory of the Future”; 2005. 464 p. (In Russ.).
14. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический Проект; 2010. 229 с.
Husserl E. Cartesian meditations. Moscow: Academic Project; 2010. 229 p. (In Russ.).
15. Lewis David. Introduction. Coordination and Convention. In: Lewis D. Convention. A Philosophical Study. Blackwell Publishers; 1998. URL: <https://www.princeton.edu/~harman/Courses/PHI534-2012-13/Nov26/lewis-convention1.pdf>
16. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс; 2003. 360 с.
Ankersmit F. Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians. Moscow: Idea-Press; 2003. 360 p. (In Russ.).
17. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? Пер. с фр. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя; 1998. 288 с.
Deleuze J., Guattari F. What is philosophy? Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya; 1998. 288 p. (In Russ.).
18. Элиот Т. С. Избранное. Т. I – II. Религия, культура, литература. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); 2004. 752 с.
Eliot T. S. Favorites. Vols. I–II. Religion, culture, literature. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2004. 752 p. (In Russ.).
19. Иглтон Т. Идея культуры. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики; 2012. 192 с.
Eagleton T. The idea of culture. Moscow: Higher School of Economics; 2012. 192 p. (In Russ.).
20. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. Пер. с нем. М.: Мысль; 1998. 663 с.
Spengler O. Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. Vol. 1. Gestalt and reality. Moscow: Thought; 1998. 663 p. (In Russ.).
21. Bickhard M. H. Social Ontology as Convention. URL: <https://lehigh.academia.edu/MarkBickhard>
22. Бердяев Н. А. Философия неравенства. М.: Институт русской цивилизации; 2012. 624 с.
Berdyayev N. A. Philosophy of Inequality. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2012. 624 p. (In Russ.).
23. Фейерабенд П. Прощай, разум. Пер. с англ. М.: АСТ: Астрель; 2010. 477 с.
Feyerabend P. Goodbye, reason. Moscow: АСТ: Astrel; 2010. 477 p. (In Russ.).
24. Latour B. An Inquiry into Modes of Existence. An Anthropology of the Moderns. Cambridge: Harvard University Press; 2013. 489 p.
25. Ritzer G. The Globalization of Nothing. Pine Thousand Oaks, CA: Forge Press; 2004. 359 p.
26. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Издание 2. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы; 1955. 629 с.
Marx K., Engels F. Works. 2 edition. Vol. 3. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1955. 629 p. (In Russ.).
27. Шачин С. В. Идея интерсубъективности в контексте философской традиции в Германии в XX веке. Серия «Symposium», Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации: материалы научной конференции. Вып. 7. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество; 2001. 224 с.

- Shachin S. V. The idea of intersubjectivity in the context of the philosophical tradition in Germany in the twentieth century. Symposium series, Contemporary philosophy as a cultural phenomenon: research traditions and innovations: proceedings of a scientific conference. Issue 7. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society; 2001. 224 s. (In Russ.).
28. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. издание 2, т. 23, М.: Государственное издательство политической литературы; 1960. 907 с.
Marx K., Engels F. Works. 2 edition 2, vol. 23. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1955. 907 p. (In Russ.).
29. Радугин А. А., ред. Культурология. Учебное пособие. М.: Центр; 2001. 304 с.
Radugin A. A., ed. Culturology. Textbook. Moscow: Center; 2001. 304 p. (In Russ.).
30. Embodiment, Enaction, and Culture: Investigating the Constitution of the Shared World. Durt Christoph, Fuchs Thomas, Tewes Christian, editors. London: MIT Press; 2017. 441 p.
31. Harman G. Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics. Melbourne: re.press; 2009. 247 p. URL: http://www.re-press.org/book-files/OA_Version_780980544060_Prince_of_Networks.pdf.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Георгиевич Тюриков — доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
t-ag2013@yandex.ru

Андрей Яковлевич Большунов — кандидат психологических наук, доцент Департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

ABOUT THE AUTHORS

Alexander G. Tyurikov — D. Sc. (Sociology), Professor, Head of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
t-ag2013@yandex.ru

Andrey Ya. Bolshunov — Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Статья поступила 10.10.2021; принята к публикации 10.11.2021.

The article was received on 10.10.2021; accepted for publication on 10.11.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-62-66
УДК 338.984(045)

Развитие человеческого капитала в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики*

Ю.М. Грузина^а, Х.П. Харчилава^б

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-6656-1156>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-0144-2698>

АННОТАЦИЯ

Статья представляет собой обзор устойчивого долгосрочного инновационного развития всей экономики России и ее отдельных высокотехнологических и наукоемких отраслей в условиях появления цифровой экономики, с точки зрения обеспечения эффективного использования и развития потенциала человеческого капитала. Формирование новых механизмов, вызванных влиянием глобализации, переход индустриальной экономики к постиндустриальной и ее адаптация к актуальным цифровым параметрам, а также реформы систем государственного управления в России приводят к появлению качественно новых явлений, требующих исследований как фундаментального, так и прикладного характера.

Ключевые слова: человеческий капитал; цифровая экономика; высокотехнологичные отрасли; цифровизация; индустрия 4.0; стратегия долгосрочного развития

Для цитирования: Грузина Ю.М., Харчилава Х.П. Развитие человеческого капитала в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):62-66. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-62-66

ORIGINAL PAPER

Development of Human Capital in High-Tech and Knowledge-Intensive Industries**

Yu. M. Gruzina^а, Kh. P. Kharchilava^б

Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-6656-1156>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-0144-2698>

ABSTRACT

This paper is an overview of sustainable long-term innovative development of the entire Russian economy and its high-tech and knowledge-intensive industries. The authors analysed it under the conditions of the emergence of a digital economy in terms of provision, effective use, and development of human potential. The formation of new mechanisms caused by the influence of globalisation, the transition of the industrial economy to the post-industrial economy and its adaptation to the current digital parameters, as well as the reforms of public administration systems in Russia, led to the emergence of qualitatively new phenomena, requiring research of both fundamental and applied nature.

Keywords: human capital; digital economy; high-tech industries; digitalisation; industry 4.0; long-term development strategy

For citation: Gruzina Yu.M., Kharchilava Kh.P. Development of human capital in high-tech and knowledge-intensive industries. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):62-66. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-62-66

* В статье представлены результаты проведенных исследований, полученных в рамках научно-исследовательской работы, выполненной за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансовому университету на 2021 год.

** The article presents the research results provided within the framework of research work carried out at the expense of budgetary funds under the State Assignment of the Financial University for 2021.

Для поддержания международного статуса и соблюдения современных технологических норм развития промышленности России важно инициировать постепенное внедрение собственной системы цифровой экономики, что подразумевает создание необходимой инфраструктуры. Речь идет о том, что цифровая экономика направлена не на определение и вытеснение первичных и вторичных отраслей, а на помощь таким отраслям более эффективно и результативно функционировать, в том числе за счет внедрения информационных технологий, способных снизить общие затраты.

Технологическая революция с ее информационно-коммуникационными достижениями сделала возможным формирование глобальной экономики знаний, которые могут свободно передаваться и применяться. Неявные знания все еще продолжают оставаться локальными, труднопередаваемыми, их до сих пор не всегда возможно кодифицировать. Такие знания могут передаваться благодаря развитию человеческого капитала посредством личных и рабочих отношений. В данном вопросе необходимо отметить социальные сети и цифровые сообщества, позволяющие свободно обмениваться знаниями на больших расстояниях в любое удобное время.

Человеческий капитал является неотъемлемым каналом передачи знаний и информации. В первую очередь через его развитие: образование и профессиональную подготовку. Более того, развитие человеческого капитала как такового является драйвером экономического роста, поскольку разветвление сетей отношений посредством образования и наработки навыков способствует улучшению производительности и качества труда. Тем не менее такие процессы возможны лишь при условии высокой квалифицированности и образованности людей.

Человеческий капитал — это часть интеллектуального капитала, которая принадлежит не организации, а самим работникам. В условиях экономики, основанной на знаниях, человеческий капитал определяется навыками работников, их талантом и знаниями. Развитие общества, основанного на знаниях и устойчивой экономике, в значительной степени зависит от способности производить конкурентоспособные товары и услуги и распределять их на глобальном рынке. Глобальная экономическая деятельность быстро меняется и сильно влияет на конкурентные возможности развивающихся стран.

Устойчивое долгосрочное инновационное развитие, как всей экономики России, так и ее отдельных

высокотехнологических и наукоемких отраслей, в условиях появления цифровой экономики неразрывно связано с формированием, эффективным использованием и развитием человеческого потенциала. Формирование новых механизмов, вызванных влиянием глобализации, переход индустриальной экономики к постиндустриальной и ее адаптация к актуальным цифровым параметрам, а также реформы систем государственного управления в России приводят к появлению качественно новых явлений, требующих исследований как фундаментального, так и прикладного характера.

Значение цифровой экономики в глобальных преобразованиях, принципиально меняющих модели развития бизнеса, и ориентации на трансформацию современной экономики в цифровую уже оценены на самом высоком государственном уровне. Так, Правительство РФ утвердило Программу развития цифровой экономики, которая включает в себя существенные изменения в области законодательного регулирования использования цифровых технологических решений, совершенствование системы подготовки кадров в системе образования, создание специализированной высокотехнологичной инфраструктуры и повышение информационной безопасности, а также программу Национальной технологической инициативы¹.

Кроме того, важно отметить, что использование цифровых технологий позволит развивать телемедицину, онлайн-обучение, правоохранительную систему, концепции «умного дома» и интернет вещей (рис. 1).

Сегодня главным для государства является переход к инновационно ориентированной экономике, достичь которого можно лишь за счет эффективного использования потенциала собственного экономического и человеческого развития. Человеческий капитал выступает важным компонентом в структуре национального богатства и формируется из множества структурных элементов.

Прогрессивное мышление при реализации долгосрочных инновационных проектов играет особую роль в увеличении производственных сил и улучшении качества основного производственного ресурса. Оно является фундаментальной основой новой экономики. Так, в поисках нового равновесия в мировой экономике и технологиях, меняющих традиционные, зачастую устаревшие подходы, осо-

¹ Развитие цифровой экономики в России. Программа до 2035 года. URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/05/strategy.pdf>.

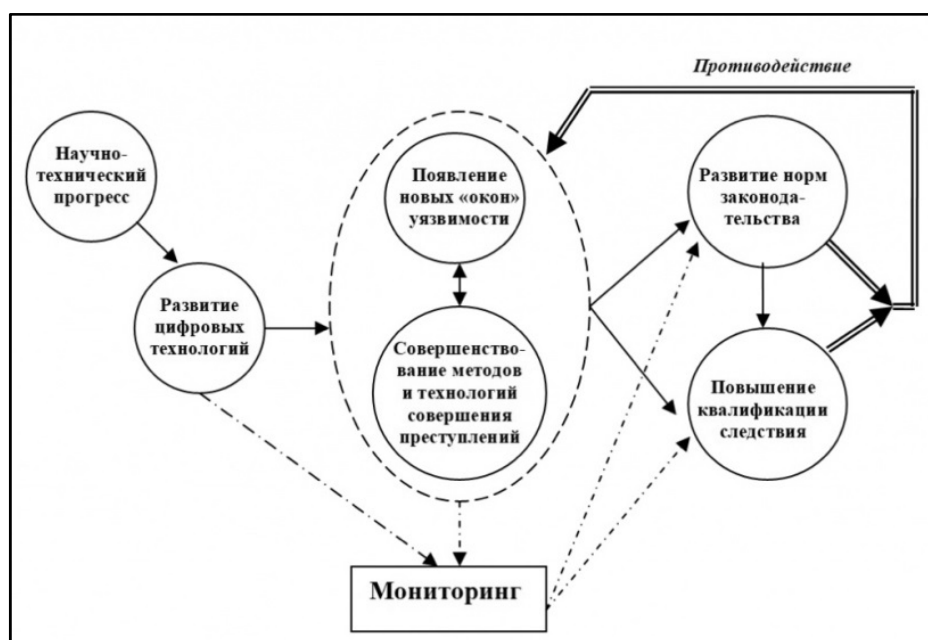

Рис. 1 / Fig. 1. Внедрение высокотехнологичных инструментов в правоохранительных органах / Implementation of high-tech tools in law enforcement entities

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

бое внимание уделяется человеческому капиталу как ключевому вектору развития.

Можно с уверенностью утверждать, что в отсутствии человеческого капитала развитие цифровой экономики невозможно. Если государство не обладает должным количеством высококвалифицированных IT-специалистов, то разные элементы и подсистемы цифровой экономики не смогут функционировать эффективно, во многом по причине того, что традиционных методов организации работы экономических механизмов и администрирования процессов на предприятиях высокотехнологичных и наукоемких отраслей уже недостаточно.

Некоторые направления работы, которые могут быть автоматизированы, вероятно, изменятся или исчезнут. Так, уже сегодня человеческий капитал заменяется искусственным интеллектом (ИИ), робототехникой, нанотехнологиями и различными социально-экономическими инструментами. Однако такие изменения работают в обе стороны: рабочих мест в областях инженерного дела, математики, вычислительных наук и архитектуры становится больше, а работники, успешно сочетающие математические и межличностные навыки в экономике будущего, основанной на знаниях, должны найти множество возможностей для личностного роста и достижения желаемых карьерных высот.

В свою очередь, те, кто занимается ручным трудом и канцелярской работой, скорее всего, будут

уволены, если им не удастся вооружиться навыками, необходимыми для карьерной адаптации к новым потребностям высокотехнологичных отраслей. Данные потенциальные сдвиги на мировом рынке труда свидетельствуют о том, что общество движется в сторону более умного, сложного и автоматизированного будущего.

Человеческий капитал останется ключевым информационным процессором. Люди выступают специалистами по устранению неисправностей, мониторингу оборудования и агентами, принимающими решения, требующие высоких когнитивных способностей для управления процессами, которые эволюционировали от простой (механизированной) — к сложной и многофакторной, когнитивной (компьютеризированной) или даже эмоциональной (с полу- или полной автоматизацией) системе.

Люди, обладающие талантом в области того, что касается бережливого управления, интернета вещей (IoT), облачных вычислений и анализа больших данных, являются ключевым ресурсом. С помощью них остальные сотрудники могут справиться с неопределенностью в производственной среде, используя гибкость, неявные знания, адаптивность и неограниченную вариабельность поведения своих коллег [1]. В целом сотрудники должны проявлять инициативу, чтобы участвовать в революционных экономических и технологических переменах, обучаться, постоянно улучшая всеобщую производительность и вооружаясь технологическими

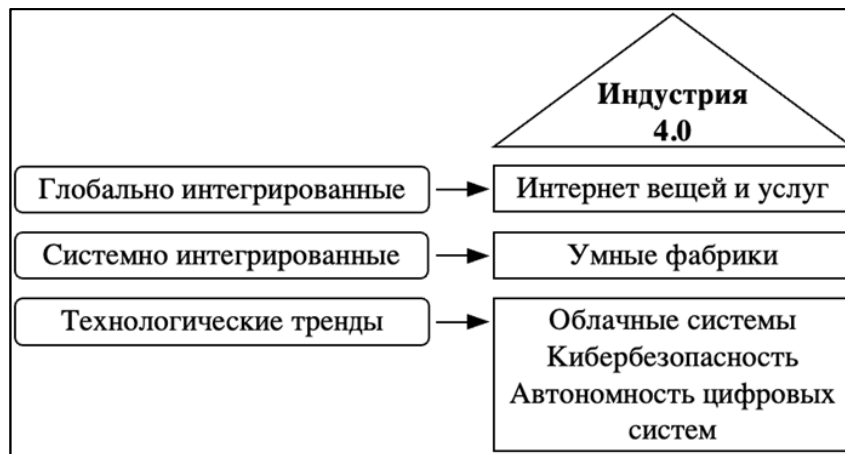

Рис. 2 / Fig 2. Компоненты Индустрии 4.0 / components of Industry 4.0

Источник / Source: составлено авторами по [4] / compiled by the authors based on [4].

знаниями — как в качественном, так и количественном отношении. Речь идет о том, что работники с конкретной профессиональной специализацией менее важны, чем те, кто обладает многоцелевыми навыками и способностью к адаптации.

В будущем необходимо перейти от традиционного образования к сложному набору методов повышения квалификации в целях эффективной работы с ключевыми технологиями и формирования цифровых компетенций для управления такими инструментами, как киберфизические системы (CPS), дополненная реальность (AR), взаимодействие человека и роботов (cobot). Это фундаментальная инфраструктура системы, которая управляет всеми уровнями производства, распределения, потребления, сбора и обработки больших данных [2].

Повышение квалификации позволит работникам справляться со всеми проблемами, барьерами и потребностями высокотехнологичных отраслей. Таким образом, человек сможет отказаться от работы на сборочных линиях и в серийном производстве, оставляя данные направления высокоточным и тонко настраиваемым машинам, производя тем самым постепенную реструктуризацию рабочей силы.

Для разрешения проблем с кризисом человеческого капитала причастные к этому стороны должны быть заинтересованы в переподготовке и повышении квалификации работников. В производственных компаниях так называемая Индустрия 4.0 оказывает существенное влияние на трудоустройство работников и требует от руководства корректировки производственной среды, что влечет за собой разрушительные изменения экономической, технологической и социальной систем. Ввиду того, что в ближайшие годы из-за

новых вызовов и формируемых ими невиданных возможностей ситуация с занятостью будет меняться, будущие работники должны обладать способностями к адаптации и росту не только горизонтальному, но и вертикальному.

Многочисленные изменения в структуре занятости и в требованиях к работникам по специальности начнутся с приходом нового поколения, родившегося в эпоху коммуникационных технологий, навыки которого связаны с цифровыми коммуникациями, технической грамотностью, способностью к обучению и креативному мышлению [3].

Уже сегодня весомая доля человеческого капитала заключена в рожденных в 1980–2000 гг. — людях, социализировавшихся в эпоху интернета, социальных сетей и смартфонов, которые отличаются от своих работодателей определенными ожиданиями, такими как сотрудничество в любое время и в любом месте, мгновенная обратная связь, открытая культура, а также принятие решений, основанных на сборе и анализе большого объема информации (рис. 2).

В свою очередь, успешная реализация программ инновационного развития экономики государства должна включать следующие мероприятия:

- организация и грамотная реализация дальнейшего наращивания необходимого профессионального потенциала;
- интенсификация работы со специализированными университетами;
- проведение обучения и сертификации специализированных бизнес-тренеров на основе работы ведущих университетов и исследовательских центров страны.

Таким образом, современные квалифицированные сотрудники должны эффективно ис-

пользовать цифровые инструменты. Это является условием создания интерактивной системы, позволяющей пользователям совершенствовать свои междисциплинарные навыки в конкретных высокотехнологичных рабочих процессах. Цифровые инструменты способствуют вовлечению человека в производственный процесс, сопровождаемый постоянным мониторингом

данных в режиме реального времени в рамках компьютерного интегрированного производства. Как известно, человек является наиболее гибким субъектом в производственной системе. В связи с этим существует необходимость постоянного повышения квалификации человеческого капитала в отношении инновационных и развивающихся технологических тенденций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бэг С. Изучение влияния «зеленого» человеческого капитала на внедрение обратной логистики и эффективность операций по восстановлению. URL: <https://doi.org/10.1108/IJM-07-2019-0349>
2. Уайсалл З., Оутрам М., Бриттен С. Новые задачи Индустрии 4.0 в области управления талантами. *Журнал развития менеджмента*. 2019;38(2):118–120.
3. Превенеерс Д. Или-Зудор Е. Интеллектуальная индустрия будущего: Опрос о новых тенденциях, исследовательских задачах и возможностях в Индустрии 4.0. *Интеллект окружения и интеллектуальная среда*. 2017;9(3):287–298.
4. Сезарино Л., Либони Л., Стефанелли Н. О. Погружение в узкие места развивающихся экономик: Индустрия 4.0 и последствия для циркулярной экономики. Великобритания. *Журнал Управленческое решение*. 2019;59(8):1841–1862.

REFERENCES

1. Bag S. Examining the effect of green human capital availability in the adoption of reverse logistics and remanufacturing operations performance. URL: <https://doi.org/10.1108/IJM-07-2019-0349>. (In Russ.).
2. Whysall Z., Owtram M., Brittain S. The new talent management challenges of Industry 4.0. *Zhurnal razvitiya menedzhmenta = Journal of Management Development*. 2019;38(2):118–129. (In Russ.).
3. Preuveneers D., Ilie-Zudor E. The intelligent industry of the future: A survey on emerging trends, research 78 challenges and opportunities in Industry 4.0. *Intellekt okruzheniya i intellektual'naya sreda = Journal of Ambient Intelligence and Smart Environments*. 2017;9(3):287–298. (In Russ.).
4. Cezarino L., Liboni L., Stefanelli N. Diving into emerging economies bottleneck: Industry 4.0 and implications for the circular economy. The United Kingdom. *Zhurnal Upravlencheskoye resheniye = Journal of Management Decision*. 2019;59(8):1841–1862. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юлия Михайловна Грузина — кандидат экономических наук, доцент Департамента менеджмента и инноваций, Финансовый университет, Москва, Россия
YMGruzina@fa.ru

Хвича Патаевич Харчилава — кандидат экономических наук, доцент Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет, Москва, Россия
HPHarchilava@fa

ABOUT THE AUTHORS

Yulia M. Gruzina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Management and Innovation, Financial University, Moscow, Russia
YMGruzina@fa.ru

Khvicha P. Kharchilava — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Corporate Finance and Corporate Governance, Financial University, Moscow, Russia
HPHarchilava@fa.ru

Статья поступила 10.09.2021; принята к публикации 10.10.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.09.2021; accepted for publication on 10.10.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-67-72
УДК 321.01(045)

Регулирование IT-сферы как политико-теоретическая и практическая проблема*

С.П. Митрахович

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-2252-6006>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос развития теоретических и практических представлений о значимости политического регулирования IT-сферы, а также государственного контроля над определенными компаниями, относящимися к информационной отрасли. И западный, и китайский опыт в вопросах регулирования IT-сферы парадоксальным образом оказываются сходны в попытках ограничить число игроков, занимающихся большими данными, организациями работы ключевых цифровых платформ и т.п. В России глобальный масштаб проблемы IT-олигархии, которую практически невозможно регулировать на уровне отдельно взятого национального государства, усиливается еще и традиционным подходом властей и оппозиции (включая интеллектуальную фронду различных идеологических оттенков) к оправданию своих действий и позиций ссылками на зарубежный опыт, что побуждает к его изучению.

Ключевые слова: IT; большие данные; олигархия; регулирование

Для цитирования: Митрахович С.П. Регулирование IT-сферы как политико-теоретическая и практическая проблема. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):67-72. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-67-72

ORIGINAL PAPER

Regulation of the IT Sphere as a Politico-Theoretical and Practical Problem**

S.P. Mitrakhovich

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-2252-6006>

ABSTRACT

The article discusses the development of theoretical and practical ideas about the significance of political regulation of the IT sphere, state control over certain campaigns related to the information industry. Both Western and Chinese experience in regulating the IT sphere is paradoxically similar in attempts to limit the number of players involved in big data, organizations of key digital platforms and the like. In Russia, the global scale of the problem of IT oligarchy also makes it necessary to study it. It is conditioned by almost impossible regulation at the level of a single national state alone. Besides, it is strengthened by the traditional approach of both the authorities and the opposition (including the intellectual front of various ideological connotations) to justify their actions and positions by referring to foreign experience.

Keywords: IT; big data; oligarchy; regulation

For citation: Mitrakhovich S.P. Regulation of the IT sphere as a politico-theoretical and practical problem. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):67-72. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-67-72

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету.

** The article was prepared based on the results of studies carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University.

Экономические процессы в сфере управления и организации хозяйственной деятельности развиваются в прямой взаимосвязи с процессами политическими, в фокусе которых (как принято считать в академической науке как минимум со времен известного теоретика Роберта Даля) [1] находится принятие стратегических решений, касающихся значительной части общества. Политика как сфера борьбы за принятие стратегических решений важна именно потому, что относительно экономической деятельности или ее отдельных сегментов могут сосуществовать очень различные точки зрения на происходящие и ожидаемые события. В каждой из хозяйственных сфер существуют разные взгляды на оптимальные стратегии развития, что обусловлено собственным видением образа будущего и различием в ценностных установках (субъективных оценках того, как именно — в лучшую или худшую сторону — будет изменена жизнь людей в рамках той или иной формы хозяйственного развития).

Элиминировать политическую составляющую в хозяйственном развитии можно разве что в условном трансгуманистическом будущем в сценарии исчезновения ценностных споров и конфликтов внутри человечества. Некоторые теоретики трансгуманизма предрекают наступление «морфологической свободы», когда индивид получает свободу не только поступать так, как хочется, но и быть абсолютно всем, кем хочется (с соответствующим снижением роли общественных ограничений и зависимости от общественных процессов). До этого же момента любая выработка стратегии для той ли иной отрасли (будь то нефтегаз, девелопмент или IT) будет нуждаться в политических (стратегических и ценностных) решениях. Пока же на горизонте не просматривается ситуация, при которой сугубо отраслевые эксперты могли бы решить вопросы вроде того, можно ли застраивать те или иные участки земли (ведь это влияет на общество в целом), разрабатывать месторождения в Арктике или легализовывать систему очень плотного контроля государства с помощью современных цифровых методов за любыми аспектами жизни граждан, включая личную жизнь.

Ответы на эти вопросы требуют именно политического решения, а если человек, являющийся отраслевым специалистом (строитель, нефтяник, компьютерный инженер и т.д.), займет государственную должность (президент, министр, депутат

и пр.), он станет политиком и будет продуцировать политические решения. При этом, несмотря на резко возросшую за период глобализации роль негосударственных акторов в принятии политически значимых решений даже на планетарном уровне (или во влиянии на принятие этих решений), все равно основное «регулирующее слово» остается за государствами.

Ключевой чертой олигархии в ее академическом понимании (в признанной традиции Ч.Р. Миллса, У. Домхоффа и др.) принято считать совмещение контроля над экономическими и политическими значимыми активами и позициями. Олигархические группы образуются при возможности установления прочных связей между владельцами и управленцами крупного бизнеса, с одной стороны, и политиками — с другой. Олигархия может пониматься и как очень тонкая социальная прослойка, как сообщество немногочисленных индивидов со своими клиентами и зависимыми группами интересов, формирующее специфические правила игры, минимизирующие конкуренцию.

На Западе формально ключевые IT-компании являются частными, их деятельность противопоставляется, например, технологическим компаниям из России и Китая, подконтрольным местным правительствам прямо, как «Ростех», или косвенно, как Huawei. Но эффект монополизации действительно сходен — хотя компании предоставляют свои коммерческие услуги, но их значимость столь велика, а количество альтернативных поставщиков столь мало (либо вообще отсутствует), что государство (в том числе на Западе) считает возможным даже официальным образом вмешиваться в дела бизнеса.

Поскольку соперничество между олигархическими кланами (включая государственную олигархию, когда влияние создается по восходящей линии не от денег к власти, а от власти к деньгам, что характерно для КНР, Турции, РФ) тоже существует, то эффект полной монополии не достигается — вместо нее вполне ожидаемо появляются олигополии. Последние используют свой потенциал для максимизации выгоды через практику, метко названную американским социологом Шошаной Зубофф «surveillance capitalism» (в русском академическом переводе — «капитализм слежки», «шпионящий капитализм», «надзорный капитализм» и т.д.). Через сбор больших данных о пользователях (от которого фактически невозможно уклониться) компании в сфере Big Data оказываются способны эксплуатировать, причем до недавнего времени

практически бесконтрольно, огромный объем не просто личных данных, а данных о реальном поведении людей во всех аспектах жизни. В терминологии McKinsey Big Data — это набор данных, чей размер превышает возможности использования программных инструментов традиционных баз данных для их сбора, хранения, управления и анализа. По сути, в таком подходе расширенное понятие «большие данные» означает и собственно данные, и технологии по их анализу, и правила регулирования этих технологий. Предупредить чрезмерное коммерческое использование собранных больших данных часто призваны специальные ограничительные режимы, вводимые государствами или группами государств, как в случае с европейским General Data Protection Regulation (GDPR или EU-GDPR, «Общий регламент защиты персональных данных» [2].

Цифровые технологии и технологии цифровой коммуникации оказались «зажаты» между глобализацией и национализмом в современном мире. Более того, еще с «нулевых» годов развилась дискуссия о возможном обращении глобализации вспять и возрождении национальных государств как ключевых игроков и на мировой арене, и в сфере регулирования национальных экономик национальными же правительствами. Подъем стран Юго-Восточной Азии в конце XX и начале XXI в. практически стал подъемом именно национальных, во многом даже националистических государств, хотя и умудрявшихся получать выгоды от либерализованных глобализацией потоков капиталов, людей и технологий. В социально-психологическом смысле торговля и взаимные инвестиции парадоксальным образом сочетались с ростом националистических настроений. Националистические настроения в странах Юго-Восточной Азии даже сравнивают с ситуацией в Европе перед Первой мировой войной. По мере роста скептических настроений в отношении глобализации на Западе (Brexit, голосования за Д. Трампа, за евроскептиков и пр.) политический и экономический национализм в некоторых регионах мира, в том числе в Азии, только укрепился.

Среди всех ресурсов большие данные и прочие аспекты цифровизации экономики больше других оказались «зажаты» между глобализацией и возрождающимся национализмом. Компьютерная техника и способы ее применения в хозяйственной деятельности и в социальной жизни являются западными изобретениями (причем в основном

именно англосаксонской части западного мира). Использование западных цифровых изобретений, технологий и конечных цифровых продуктов, с одной стороны, поспособствовало экономическому росту незападных стран, с другой стороны, сделало эти страны очень зависимыми от Запада в области контроля над модернизацией, развитием и перестройкой ключевых цифровых платформ.

Ярким примером зависимости незападных стран от Запада в IT-сфере может служить медийное давление и санкции. Западные (особенно, опять же, англосаксонские) газеты, журналы, телеканалы и интернет-издания, работающие в том числе на глобальную аудиторию, получают преференции за счет дублирования и продвижения своих изданий в социальных сетях, контролируемых все теми же ключевыми западными IT-компаниями вроде Facebook, Twitter, Google (Youtube) и пр. Возникает эффект синергии, который очень сложно преодолеть конкурентам: мейнстримные медиа (MSM) поддерживаются мейнстримными же социальными сетями, в то время как альтернативные медиа, например китайские или российские, «заглушаются», частота их представления аудитории в выборке поисковых систем снижается. О «теневом заглушении» (shadow silencing, shadow ban) активно говорили скептики в отношении западных цифровых платформ, испытывая его на себе.

Так, о подобной намеренной практике в отношении своих личных аккаунтов и медиа-структур, где они работали, заявляли известные российские журналисты Маргарита Симоньян (RT) и Владимир Соловьев (ВГТРК). В конце марта 2021 г. YouTube заблокировал канал RT Arabic под предлогом жалобы на нарушение авторских прав. При этом нет сомнений, что подобные или сходные предлоги легко могут быть использованы и далее. Серьезных механизмов давления на западные цифровые площадки, даже не имеющие зачастую офисов в той же России, просто нет (кроме разве что полной блокировки, которая является «палкой о двух концах»).

Не существует и арбитража в спорах страны и западных социальных сетей, способных использовать любые предлоги в любых интерпретациях для сдерживания политически нежелательного контента без прямых последствий для себя. Так, в мае 2020 г. алгоритмы Facebook реализовывали цензуру постов, содержавших репродукцию исторической картины водружения Знамени Победы над Рейхстагом. Ссылки на технические ошибки, допущенные сетью, выглядели крайне натянуты-

ми с учетом политического контекста момента: на Западе распространено крайне критическое отношение к российской практике использования памяти о победе в Великой Отечественной войне как механизма легитимации существующего политического режима и сталинского СССР.

Поэтому поверить в «случайную ошибку» Facebook именно в столь важный с идеологической точки зрения для РФ день очень сложно. По мнению некоторых специалистов по цифровым социальным сетям, история с «заглушением» Знамени Победы стала важным мотивом в попытках российских властей заставить западные платформы активнее сотрудничать с ними или готовиться к блокировке. Существует также информация о намеренной ставке Facebook на приоритетное принятие на работу по модерированию русскоязычного сегмента сети выходцев с Украины, что приводит и к конфликтам с российским идеологическим мейнстримом, и к частой блокировке украинских медийных фигур, оппозиционных «Майдану».

Не только перманентный сбор и анализ больших данных (необходимый для выстраивания работы алгоритмов большой социальной сети уровня Facebook, Twitter или Youtube), но и анализ отклонений от декларируемых честных правил игры ложится на плечи ограниченного числа все тех же западных игроков. Так, расследования относительно российских хакеров, якобы приведших к власти Д. Трампа в 2016 г., велись западными компаниями, не желавшими проводить альтернативную экспертизу. Было объявлено, что в 2016 г. группировка связываемых с российскими властями хакеров Cozy Bear совместно с другой группировкой, Fancy Bear, обошла цифровую защиту Национального комитета Демократической партии, похитив ее данные. В 2019 г. те же хакеры якобы взломали серверы посольства одного из членов Евросоюза в США. Данные анализа этого события представляла IT-компания ESET, занимающаяся в том числе антивирусами. При этом экспертиза с другой стороны (условно, Kaspersky) не была востребована. В 2019 г. в США запретили софт Kaspersky Lab.

При этом часть злоупотреблений сбором и использованием больших массивов персональных данных, изначально приписываемых тем же российским хакерам, в итоге вынужденно признавалась проблемой западных цифровых площадок. Речь идет о громком скандале с IT-компанией Cambridge Analytica, которая воспользовалась не-

доработками в системе безопасности Facebook и смогла получить личные данные около 50 млн пользователей без их согласия [3]. Агрегированный Cambridge Analytica массив данных дал возможность компании создавать для каждого пользователя (и одновременно избирателя) его уникальный портрет и с учетом индивидуальных особенностей этого портрета предлагать конкретному избирателю сверхтаргетированную рекламу. Например, если человек — сторонник «прогрессивистских» взглядов, именно ему будет показана реклама с высказываниями представителей левого крыла Демократической партии с фокусом внимания на повестке продвижения интересов меньшинств и т.д. Действия политических рекламщиков оценили как заказанное республиканцами манипулирование мнением граждан с помощью политической рекламы. Хотя на деле, если это манипулирование и происходило, то на фоне еще более очевидного искажения правил конкуренции за счет практики игры почти всех мейнстримных западных медиа «в одни ворота» — против Д. Трампа и в пользу Демократической партии.

Укрепление китайского суверенитета в сфере цифровых платформ оказалось возможным в силу масштаба экономики, населения и технологических возможностей Китая. При этом в рамках условной новой холодной войны (конфронтации США и Китая) часть китайского опыта по блокировке западных сервисов (Facebook, Twitter, Youtube) с их заменой на китайские аналоги (свои социальные сети, платежные системы вроде Baidu, WeChat и пр.) вызывает интерес в России.

Пекин уже неоднократно показывал, что готов при необходимости идти на эскалацию конфликта. Например, после отзыва британским медиа-регулятором Ofcom лицензии на вещание в Соединенном королевстве у китайского государственного телеканала China Global Television Network's (CGTN) Китай оперативно запретил вещание в КНР британского канала BBC World News. Фрагментация интернета и экономический национализм с частичным разворотом глобализации вспять в информационно-коммуникативном и цифровом аспекте явно будет набирать ход.

Актуальные тренды эволюции глобальной политики предполагают, что практика взаимных запретов цифровых и коммуникационно-цифровых сервисов, цифровых технологических платформ и IT-решений продолжится. Китайские магазины приложений для мобильной электроники и электронные маркетплейсы (магазины Huawei, Xiaomi,

Vivo, Tencent, Alibaba, JD.com и др.) одновременно заблокировали и удалили все упоминания знаменитого шведского магазина одежды H&M. Xiaomi и Huawei также удалили приложения Nike и Adidas, — это была месть за попытки данных брендов в угоду политической повестке западных правительств осуждать Китай за якобы нарушения прав человека в Сяньцзян-уйгурском автономном районе КНР и отказ покупать хлопковое сырье из этого региона. С точки зрения же глобальной перспективы китайские блокировки западных ресурсов уже чередуются с аналогичными блокировками Запада, а также санкциями вроде лишения Huawei доступа к сервисам Google для операционной системы Android. Huawei из-за американских санкций был еще и лишен возможности заказывать выпуск процессоров у тайваньской компании TSMC, находящейся под давлением властей США и использующей американские технологии при изготовлении своей продукции.

Не отдавая Западу контроль над коммуникациями и персональными данными своего огромного населения, китайское правительство решает не только задачу внешнеполитического характера, но и собственно реализует выбранную схему развития политического режима и общества в целом. Китайское видение гражданского общества похоже на специфическую интерпретацию западной L-парадигмы (когда гражданское общество не противопоставляется власти, поскольку предполагается, что граждане не будут и не хотят осуществлять никакие инициативы вне государства — и тем более против государственной власти). Китайский опыт контроля переписки, финансовых транзакций и физического перемещения людей, вероятно, является самым продвинутым в мире. На базе этого контроля реализуется знаменитый проект социального рейтинга граждан КНР и государственно-общественные инициативы, которые на Западе считают имитацией гражданского общества. Для режимов, считающихся недемократическими (для той же КНР), цифровые технологии, по сути, стали еще и способом соответствующей «вертикальной» организации социума.

В западном восприятии китайский (а заодно российский, турецкий и т.п.) опыт является образцом «цифрового авторитаризма», причем, опасного, склонного к экспансии. Например, по оценкам исследователей из Финского института международных отношений, Китай и Россия не только продвигаются по пути цифрового авторитаризма, но и сотрудничают друг с другом в этом

вопросе [4] — указывается на вероятную перспективу дальнейшей фрагментации международного цифрового сообщества, правда, упускается из виду факт влияния на эту фрагментацию предшествовавшей и отчасти продолжающейся западной цифровой экспансии. Экспансия же приводит к тому, что первичным мотиватором для действий политического режима хоть в РФ, хоть в КНР в отношении IT-бизнеса все же является очевидная «реактивная защитная реакция», направленная на самосохранение и недопущение инспирированного извне свержения власти. Таким образом, ограничительные меры в отношении медиапространства в интернете в последние годы оказались довольно масштабными [5, 6].

Россия на фоне экспансии всего лишь нескольких мощных игроков тоже идет по пути концентрации IT-бизнеса, причем в окологосударственных структурах [7]. Отдельное место занимают цифровые платформы для избирательных процессов [8]. Экспансия «Ростеха» и «Сбера», особенно учитывая попытки последнего получить контроль над «Яндексом», являются тому доказательством. Во многих аспектах российский кейс будет (ре)комбинацией западного и китайского опыта.

Практика последних лет показывает, что перед государством возникает триединая задача: необходимо сохранить автономию от внешнего влияния через соответствующую систему ограничений для нерезидентов, развить собственные альтернативные платформы и найти баланс между рыночной автономией этих платформ и государственным регулированием (а также оказанием госуслуг через эти же платформы). Границы между рыночной составляющей бизнеса в сфере Big Data и непосредственным вмешательством в эти рыночные процессы государства обещают быть весьма условными и подвижными, тем более что западный политический мейнстрим вроде Демпартии США намерен еще сильнее влиять на цифровые платформы, подавая другим пример. Не исключено, что в России окончательно сформируется феномен условной «государственной IT-олигархии» и корпоративистской модели развития на новом уровне, при которой бизнес-успех возможен только при его интеграции с государственными задачами и программами развития. Возможности же саморегулирования отрасли будут ограничены, поскольку в российских условиях в данном сценарии все равно создаются риски все того же укрепления IT-олигархии, но при первенстве зарубежных компаний, особенно американских.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/ REFERENCES

1. Dahl R. A. Decision-Making in a Democracy: The Supreme Court as a National Policy-Maker. *Journal of Public Law*. 1957;(6):279–295.
2. Соколова М. Первые успехи нового европейского общего регламента по защите персональных данных. *Современная Европа*. 2020;(2):56–66.
Sokolova M. The first successes of the new European general regulation on the protection of personal data. *Sovremennaya Yevropa = Modern Europe*. 2020;(2):56–66. (In Russ.).
3. Мухаметов Д. Р. Технологии big data в политических процессах: возможности и риски. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):143–149. DOI: 10.26794/2226–7867–2019–9–6–143–149
Mukhametov D. R. Big data technologies in political processes: opportunities and risks. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):143–149. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2019–9–6–143–149.
4. Sinkkonen E., Lassila J. Digital authoritarianism in China and Russia: Common goals and diverging standpoints in the era of great-power rivalry. URL: <https://www.fiaa.fi/en/publication/digital-authoritarianism-in-china-and-russia>.
5. Каминская Т. Л. Ответственность за медиаконтент и проблема цензурирования коммуникационного пространства России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):96–101. URL: <https://doi.org/10.26794/2226–7867–2021–11–2–96–101>.
Kaminskaya T. L. Responsibility for media content and the problem of censoring the communication space in Russia. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):96–101. URL: <https://doi.org/10.26794/2226–7867–2021–11–2–96–101>. (In Russ.).
6. Shcherbovich A. A. Comparative analysis of the legislation in sphere of Internet governance in Central and Eastern Europe. *Pravo*. 2019;(327):325–338. URL: <https://doi.org/10.19195/0524–4544.327.21>.
7. Ефферен Я. Ю., Россотто К. М., Хохолов Ю. Е. Цифровые платформы в России: конкуренция между национальными и зарубежными многосторонними платформами стимулирует экономический рост и инновации. *Информационное общество*. 2020;(1–2):16–34.
Eferen Ya. Yu., Rossotto K. M., Khokholov Yu. E. Digital platforms in Russia: competition between national and foreign multilateral platforms stimulates economic growth and innovation. *Informatsionnoye obshchestvo = Information society*. 2020;(1–2):16–34. (In Russ.).
8. Ерохина О. В. Электронное голосование в России: технологический и политический аспекты. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):55–61. URL: <https://doi.org/10.26794/2226–7867–2021–11–3–55–61>
Erokhina O. V. Electronic voting in Russia: technological and political aspects. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):55–61. URL: <https://doi.org/10.26794/2226–7867–2021–11–3–55–61>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Станислав Павлович Митрахович — старший преподаватель, старший научный сотрудник Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
smitrahovich@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Stanislav P. Mitrahovich — Senior Lecturer and Senior Researcher, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
smitrahovich@fa.ru

Статья поступила 21.09.2021; принята к публикации 20.10.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 21.09.2021; accepted for publication on 20.10.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-73-80
УДК 336.027(045)

Методологические подходы к исследованию финансово-экономической культуры*

А.В. Брыкин^а, Д.А. Кунижева^б, С.А. Большунова^с

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-0163-7770>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-4480-7231>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-9050-7280>

АННОТАЦИЯ

В статье даются определения экономической и финансовой культуры. На основе сравнительного анализа теорий зарубежных и российских ученых выделено три основных подхода к определению понятия «финансовая культура»: культурологический, поведенческий, футурологический. Авторы рассматривают финансовую культуру современной России как сложный и внутренне противоречивый комплекс традиций, морально-нравственных норм и правил хозяйственно-экономической деятельности в условиях почти не прекращающейся в течение последних двадцати лет социетальной трансформации. В определениях экономической и финансовой культуры авторами отмечены дискурсивные и практические элементы. Также выделены два основных компонента на основании определения изучаемых видов культур: разделяемые деятельности (shared cultural practices) и разделяемые значения (shared cultural interpretation). Обозначена задача исследований в области финансово-экономической культуры, которая состоит в анализе воздействия культурных практик и культурных феноменов на экономические процессы. В статье приведен пример исследования социальных практик, описаны качественные методы изучения финансово-экономической культуры, в том числе сценарный подход, обозначено место дискурс-анализа в исследовании финансово-экономической культуры.

Ключевые слова: финансово-экономическая культура; экономическая деятельность; финансовое сознание; институциональные матрицы; актантно-нарративный анализ; дискурс-анализ

Для цитирования: Брыкин А.В., Кунижева Д.А., Большунова С.А. Методологические подходы к исследованию финансово-экономической культуры. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):73-80. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-73-80

ORIGINAL PAPER

Methodological Approaches to the Study of Financial and Economic Culture*

A.V. Brykin^a, D.A. Kunizheva^b, S.A. Bolshunova^c

Financial University, Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0002-0163-7770>; ^b <https://orcid.org/0000-0002-4480-7231>;

^c <https://orcid.org/0000-0002-9050-7280>

ABSTRACT

The article provides definitions of economic and financial culture. Based on a comparative analysis of the theories of foreign and Russian scientists, we identified three main approaches to the definition of the concept of “financial culture” – cultural, behavioural, and futurological. The authors consider the financial culture of modern Russia as a complex and internally contradictory complex of traditions, moral and ethical norms and rules of economic and economic activity in conditions of societal transformation that has seldom stopped over the past twenty years. In the definitions of economic and financial culture, the authors noted discursive and practical elements. Also, two main components are identified based on the definition of the studied types of cultures: shared cultural practices and shared cultural interpretation. Further, we outlined the task of research in financial and economic culture, which consists of analysing

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета в 2021 г.

** The article was prepared based on the research results carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University in 2021.

the impact of cultural practices and cultural phenomena on economic processes. The article provides an example of the study of social practices, describes the qualitative methods of studying financial and economic culture, including the scenario approach, identifies the place of discourse analysis in the study of financial and economic culture.

Keywords: financial and economic culture; economic activity; financial consciousness; institutional matrices; actant-narrative analysis; discourse analysis

For citation: Brykin A.V., Kunizheva D.A., Bolshunov S.A. Methodological approaches to the study of financial and economic culture. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):73-80. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-73-80

Существуют две полярные точки зрения на связь между экономикой и культурой: «экономика-как-природа» и «экономика-как-культура» [1]. «Экономика-как-природа», по сути, отрицает взаимосвязь между двумя системами и берет за основу допущение об универсальности ценностей и поведенческих моделей в экономике. В этом случае концепты экономической и финансовой культуры становятся избыточными, а основной стратегией познания считается естественнонаучная парадигма, нацеленная на объяснение экономических процессов как результат исследований. Согласиться с подобным допущением означает признать экономику аполитичной, аисторичной и аморальной.

В парадигме «экономика-как-культура» экономика включена в культуру, является ее частью: «Экономика в том виде, в котором мы воспринимаем ее сегодня, является культурным феноменом, порождением нашей цивилизации» [2]. Именно культурный контекст задает цели и средства экономических решений и открывает пути для понимания разницы в траекториях экономического развития стран и сообществ. В этой парадигме экономика рассматривается как нормативная, а не объяснительная наука: она не только описывает мир, но и показывает, каким он должен быть. Вопрос нормы и оценки вводит в поле рассмотрения субъектность, субъективность, смыслы, идеи и ценности.

Противостояние двух описанных подходов выражается в войне homo oeconomicus (рационального субъекта) и экономики ценностей, где субъект наделен особыми ментальными содержаниями, сформированными культурой. Именно эти ментальные содержания определяют его поведение и экономические решения. Чешский экономист Т. Седлачек утверждает, что все концепции, которыми оперирует современная экономика, находят свои истоки в истории, философии, мифологии, этических и религиозных нормах, т.е. экономика глубоко исторична. В таком ракурсе выделяется особая область протоэкономики, или метаэконо-

мики, в которой анализу подвергаются важные элементы культуры, ценности, идеи, фундаментальные предположения. От них отталкиваются экономические акторы, часто не осознавая этого. Метаэкономика включает представления, которые воспринимаются ими как само собой разумеющиеся. По своему содержанию метаэкономика может быть понята как экономическая культура.

Авторы — адепты второй парадигмы — дают множество определений экономической и финансовой культуры. Под экономической культурой подразумевается совокупность элементов и феноменов культуры, экономического сознания (норм, ценностей, стереотипов), поведения, экономических институтов, обеспечивающих воспроизводство экономической жизни общества и влияющих на неформальные правила игры [3, 4]. Также экономическую культуру определяют как хозяйственный стиль общества, т.е. образцы экономического мышления, поведения и общения, укоренившиеся в определенной социальной группе. Последователи Ю. Хабермаса говорят об экономической культуре как дискурсивном и практическом понимании экономических процессов (как когнитивных, так и оценочных), которые предполагаются или обсуждаются в публичной сфере [5]. Экономическая культура участвует в формировании неформальных институтов — базовых элементов экономической системы. Таким образом, именно благодаря экономической культуре формируется предрасположенность общества к различным экономическим системам.

Теоретико-методологическую основу исследования финансовой культуры составляют социокультурный и структурно-функциональный подходы.

Применение социокультурного подхода к научному осмыслению предмета исследования позволяет подчеркнуть особенность финансовой культуры, определяющей взаимодействие индивида с социокультурным пространством.

Структурно-функциональный подход способствует представлению финансовой культуры населения как совокупности элементов, сочетание

которых предполагает наличие у субъекта особого качества, определяющего его образ жизни. С помощью структурно-функционального подхода возможно построение структуры связей между элементами финансовой культуры, а также рассмотрение строения и функционирования компонентов данного вида культуры с последующим построением ее модели.

Понятие «финансовая культура» также рассматривается авторами по-разному. На основе проведенного сравнительного анализа теорий зарубежных и российских ученых выделено три основных подхода к его определению [11]. Во-первых, культурологический. Финансовая культура понимается как совокупность культурных элементов на широком социокультурном фоне и с учетом локальной культурной ситуации. Во-вторых, поведенческий. Здесь финансовая культура определяется как система, моделирующая поведение индивида в финансовой среде в условиях социально-экономического развития отдельного общества. В-третьих, футурологический, когда финансовая культура — это среда, предопределяющая развитие частного социума и взаимодействие отдельных ее элементов. Финансовая культура также может быть рассмотрена как система, элементами которой являются финансовая грамотность (финансовые знания), опыт, финансовые навыки и финансовое сознание [7].

Некоторые эксперты сходятся во мнении, что в основе финансовой культуры лежат финансовые знания. Более того, сознательное поведение индивида порождается не только их наличием, но и использованием, что позволит принять осознанные и ответственные решения, снизить уровень будущих рисков и т.д. Таким образом, финансовая культура в основном влияет на финансовое поведение и практику.

По мнению Sh. Süge, финансовая культура включает в себя все, что помогает людям разобраться в финансовых вопросах и может создать комфорт [8]. Термин «финансовая культура» реже встречается в английских источниках, этот факт объясняется тем, что внимание в основном сфокусировано на «финансовой грамотности» [9].

Не менее содержательным определением является следующее: «финансовая культура — совокупность ценностей, верований, стандартов, разделяемых обществом, в осуществлении финансовых отношений и реализации финансового поведения. Одна из определяющих ролей отводится убеждениям и стереотипам» [10].

S. Tadesse и C. Kwok отмечают: несмотря на предположения, что глобализация унифицирует финансовые системы отдельных стран, на самом деле, только разные культуры приведут к многообразию финансовых систем. Согласно подходу исследователей каждая культура принимает на себя неопределенность будущего. Они полагают, что некоторые страны намерены «угнетать» будущее для того, чтобы свести к минимуму неопределенность. Для этого вводятся строгие правила и ограничения конкуренции. В таких странах страховки, включая страхование сбережений, имеют большой спрос, а в системе финансовых взаимоотношений предпочтение отдается коммерческим банкам [11].

N. Herger, R. Hodler и M. Lobsiger утверждают, что помимо издержек, развитие финансовой системы в первую очередь зависит от культуры. Что касается почти всех отдельных финансовых рынков, было доказано: их структура и работа во многом определяется культурой, влияющей на склонность банков к риску [12], внешнее финансирование корпоративного роста [13], спрос на страхование жизни [14], а также склонность к сбережению [15].

По мнению Т.А. Аймалетдинова, финансовая культура населения — это система ценностей и стимулов, устанавливающих сознание и поведение человека в финансовой среде [16].

Схожее определение дает А. Малолетнев: финансовая культура — не просто пользование, а умение пользоваться финансовыми услугами, предполагающее наличие вполне определенной цели приобретения и необходимых знаний о приобретаемой услуге [17].

По мнению А.И. Фатихова и Р.Т. Асибуллиной, понятие «финансовая культура» имеет более широкое содержание и представляет собой единство материального и духовного в обществе, находящемся на конкретном историческом этапе своего развития. Авторами разработано собственное определение финансовой культуры населения, которое включает совокупность традиций, норм и идей, выражающих уровень финансовой грамотности, навыки и поведение людей в области финансовых отношений, финансового планирования и распределения денежных средств при существующем уровне развития в обществе инфраструктуры рынка, финансовых институтов и различных ценностей финансовой сферы, имеющих материальное воплощение и созданных целенаправленным воздействием людей [18].

Частью финансовой культуры является финансовая наука, представляющая собой принципы, по

Рис. / Fig. Параметры финансово-экономической культуры / Financial and economic culture parameters

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

которым ведется финансовое хозяйство, добыча и расходование материальных средств государством. Совместно финансовая культура и финансовая наука выполняют следующие функции: аксиологическую (ценностную), эвристическую, воспитательную, гносеологическую. Область применения результатов — финансовая наука в целом и ее отдельные разделы. Направлениями, в которых проявляется взаимосвязь финансовой науки и финансовой культуры, являются: образование, информирование населения о защите прав потребителей финансовых услуг, подготовка граждан к жизни в старости [19].

Наряду с выделенными определениями необходимо рассмотреть феномен финансовой культуры в современной России — сложный и внутренне противоречивый комплекс традиций, морально-нравственных норм и правил хозяйственно-экономической деятельности в условиях почти не прекращающейся в течение последних двадцати лет социетальной трансформации. В историческом ракурсе Россия — это традиционная аграрная страна, с элементами индустриальной модернизации, современное состояние которой характеризуется интенсивным стремлением к научно-технической, социально-экономической и политической модернизации, развитию рыночных отношений и экономическому росту, т.е. проблема финансовой культуры как части хозяйственной культуры в России тесно связана с проблемой модернизации российского социума, а стало быть, преодоления многих традиционных элементов [20].

Итак, в обоих определениях можно заметить дискурсивные и практические элементы. К дискурсивным относятся феномены культуры, выкристаллизовавшиеся в индивидуальном или общественном сознании: знания и стиль мышления, нормы, ценности, стереотипы. К практическим элементам относятся те, которые реализуются в рамках финансово-экономической деятельности, т.е. финансово-экономические практики разных социальных групп [5]. В частности, это решения агентов в области аллокации ресурсов и активов (времени, дохода, богатства); решения, которые охватывают степень честности, предпочитаемую агентами в отношениях с контрагентами (степень оппортунизма); решения, связанные со степенью расчетливости реализуемых вариантов выбора (степень рациональности решений): подсчет издержек и выгод, полагание на привычки, эмоции. Выделенные элементы могут быть использованы как параметры изучения финансово-экономической культуры.

Итак, различные определения экономической и финансовой культуры содержат в себе два основных компонента: разделяемые деятельности (shared cultural practices) и разделяемые значения (shared cultural interpretation) [21]. В результате анализа тематической литературы были выделены параметры каждого из компонентов (см. рисунок).

Таким образом, финансово-экономическая культура — это совокупность разделяемых деятельностей и разделяемых значений в области эко-

номики и финансов, свойственная определенной социальной группе. Финансово-экономическая культура формирует предрасположенность к различным экономическим системам и отражается в устройстве социальных институтов.

Из рисунка видно, что разделяемые культурные значения не ограничиваются ценностями, поэтому сведение культурных различий к ценностям является редуцированием феномена культуры. Подобное мы видим во «Всемирном обзоре ценностей» Р. Инглхарта, оценке положения общества по пяти шкалам Г. Хофстеде, в исследовании «Культура имеет значение» Института им. Флетчера Университета Тафтс и др. [22–24]. Данные работы представляют собой подход ценностной операционализации культуры, однако подобная редукция едва ли может быть признана обоснованной [25].

Во избежание культурного детерминизма и редукции культуры к ее ценностному измерению предлагается понимать культуру как массовую деятельность или поток практик. Это, однако, не подразумевает сведения культуры к практикам, поскольку деятельность невозможна без субъекта, а субъект постоянно строит модели мира, анализируя внешнюю и внутреннюю информацию и принимая решения. Задача исследований в области финансово-экономической культуры состоит в анализе воздействия культурных практик и культурных феноменов на экономические процессы.

Чтобы отделить культурные практики от других видов практик, вводится понятие «культурные универсалии». Это различные типы действий, так или иначе присутствующие во всех сообществах и обеспечивающие адаптацию к меняющейся среде. Иными словами, это негенетически предопределенные типы поведения, практики, бытующие в сообществе. К культурным практикам относятся массовые практики какого-либо сообщества, например наемных работников, госслужащих, предпринимателей, региональных и федеральных политиков и т.д. Нетрудно заметить, что подобный подход дает возможность исследовать не только национальные культуры, но и культуры сообществ, в частности профессиональных, поскольку очевидно, что экономические практики российских предпринимателей и госслужащих будут отличаться.

Наиболее масштабным примером исследования социальных практик служит проект GLOBE (Global Leadership and Organizational Behavior Effectiveness),

проводимый в 160 странах¹. В данном проекте измерения проводятся по 8 параметрам: 1) UNC — избегание неопределенности; 2) POW — дистанция власти; 3) COLL I и COLL II — коллективизм; 4) GEN — гендерный эгалитаризм; 5) ASS — напористость; 6) FUT — ориентация на будущее; 7) ACH — «достижительность», ориентация на работу; 8) HUM — гуманистическая ориентация. Однако данный проект вновь фиксируется на количественном измерении культуры.

Поскольку количественный анализ в данный момент пользуется большей популярностью у исследователей, но зачастую приводит их к понижению экономики в естественно-научном ключе («экономика-как-природа») или культурному детерминизму и ценностному редуционизму, представляется важным подробнее остановиться на качественных методах анализа, более соответствующих представлениям об экономике как нормативной науке.

К качественным методам изучения финансово-экономической культуры можно отнести сценарный подход. В его рамках предлагается рассматривать различные экономические культуры, свойственные современному миру, как множество экономических нарративов [26]. Признавая вслед за Ф. Лиотаром смерть метанарративов, в частности метанарратива капитализма, можно говорить о множественности нарративов, из которых субъекты выбирают, к чему приобщиться. Для изучения экономических нарративов применяется актантно-нарратологический анализ по А. Греймасу. Он применял актантный анализ для формализации финансовой идеологии и выделения мифологических моделей предпринимателей, т.е., по сути, для выделения разделяемых значений, которые организуют деятельность индивида. Интервью или самоотчеты экономических акторов позволяют исследователю выделить мифологизированные и идеологически обоснованные поступки и на их основании построить финансовые мифологизированные модели, которые открывают доступ к тому, как человек интерпретирует собственное «рациональное» поведение. На этой основе могут быть построены модели экономического поведения и локальных мифологических идеологий, заданных локальными культурами. Актантно-нарративный анализ позволяет выделить нарративы, лежащие в основе как глобальных, так и локальных трендов. Более того, появляется возможность для структу-

¹ URL: <https://globeproject.com/>.

рирования неявной, темпоральной реальности: системы ожиданий, рефлексий и саморефлексий участников рынка. Нестабильность, волатильность представляются как идеологемы и принимаются за рынокообразующие факторы. Математические модели, созданные в рамках научного дискурса, и графики изменения доходностей могут быть переинтерпретированы как предпочтения, мыслимые в нарративной, сценарной форме. Экономические нарративы включают специфические персонажи (финансовые институты, экономические и политические фигуры) и специфические события (факторы ценообразования, риски, природные катаклизмы и др.).

Еще один способ исследования разделенных значений и разделенных практик — дискурс-анализ, который позволяет, изучая академические и публицистические тексты, выявлять само собой разумеющиеся представления субъектов экономической деятельности и экономические практики, составляющие дискурсы.

Третий перспективный подход изучения финансово-экономической культуры — неоинституциональный [27]. Институты понимаются как реально действующие в обществе правила, определяющие характер социальных взаимодействий. Благодаря данному подходу можно исследовать их не только как сугубо рациональные, но и ценностные структуры, которые включают нормы, традиции, стереотипы мышления. Для этого вводится понятие институциональной матрицы — устойчивой, исторически сложившейся системы базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование общественных сфер: экономической, политической, идеологической. В формальных институтах в значительной мере отражено содержание субъективных норм, поэтому их изучение

открывает доступ к экономической культуре. Инновационная активность и предпринимательство связаны с политическими институтами, уровнем экономической свободы, коррупцией, качеством формальных и неформальных институтов и социальным капиталом [25].

В общем виде программа исследований в области экономической культуры должна включать несколько измерений процесса смыслообразования: экономические практики, знания и дискурс, а также рассматривать эмпирические области, в которых происходит осмысление экономических проблем [5]. Исследование в данной области подразумевает поиск ответов на ряд вопросов: как экономические знания создаются и распространяются? какие профессиональные и политические процессы и практики составляют доминирующие представления об экономической деятельности в публичном дискурсе? как эти доминирующие представления влияют на моральные требования, предъявляемые в публичных дебатах? как поворотные моменты в истории, ключевые события и новые голоса, звучащие в публичных дискуссиях, изменяют экономическую культуру?

Экономическая культура претендует на место центрального феномена в экономической социологии. Исследование роли смыслов, идей и норм, а также концептуализация экономической культуры как деятельности (совокупности культурных экономических практик) являются перспективными направлениями ее изучения. Помимо тщательного анализа символов, дискурсивных категорий и нормативных практик, очевидных в публичных дискуссиях и дебатах, интерес для ученых представляют также сетевые отношения, институциональные истории и перформативные процессы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Погребняк А.А., Расков Д.Е. Экономика как культура: возвращение к «спору о методах» культуры. Альманах Центра исследований экономической культуры. СПб.: Изд-во института Гайдара; 2013.
Pogrebnyak A. A., Raskov D. E. Economy as culture: a return to the “method dispute” of culture. Almanac of the Center for the Study of Economic Culture. St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing House; 2013. (In Russ.).
2. Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит. М.: Ад Маргинем Пресс; 2016. 544 с.
Sedlacek T. Economy of good and evil. Searching for the meaning of economics from Gilgamesh to Wall Street. Moscow: Ad Marginem Press; 2016. 544 p. (In Russ.).
3. Штомпель О.М., ред. Человек и общество: Культурология. Словарь-справочник. Ростов-на-Дону: Феникс; 1996.
Stempel O. M., ed. Man and Society: Culturology. Reference dictionary. Rostov-on-Don: Phoenix; 1996. (In Russ.).
4. Розмаинский И.В. Экономическая культура как фактор и барьер экономического роста. *Журнал институциональных исследований*. 2012;4;(4):22–32.

- Rozmainskiy I.V. Economic culture as a factor and barrier to economic growth. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy = Journal of Institutional Research*. 2012;4;(4):22–32. (In Russ.).
5. Bandelj N., Spillman L., Wherry F. Economic Culture in the Public Sphere: Introduction. *European Journal of Sociology*. 2015;(56):1–10.
 6. Моисеева Д.В. Финансовая грамотность населения российского региона: экономико-социологический анализ. Дисс... кандидата социологических наук: 22.00.03. Волгоград; 2017.
Moiseeva D.V. Financial literacy of the population of the Russian region: economic and sociological analysis. The dissertation ... candidate of sociological sciences: 22.00.03. Volgograd; 2017. (In Russ.).
 7. Béres D., Huzdik K. A pénzügyi kultúra megjelenése makrogazdasági szinten. URL: https://www.penzugyiszemle.hu/documents/322-336-beres-huzdikpdf_20170827102913_20.pdf
 8. Süge Cs. A pénzügyi kultúra mérhetősége. In: Tompáné Dr. Daubner Katalin & Dr. Miklós György (szerk.) Tudomány napi előadás. Tudományos mozaik 7. Második kötet. Kalocsa, Tomori Pál Főiskola; 2010). p. 1–11.
 9. Atkinson A., Messy F.A. Measuring Financial Literacy: Results of the OECD. International Network on Financial Education (INFE) Pilot Study. OECD Working Papers on Finance, Insurance and Private Pensions. Paris; 2012.
 10. Csorba L. The Determining Factors of Financial Culture, Financial Literacy and Financial Behavior. *Public Finance Quarterly*. 2020;(1):67–83.
 11. Tadesse S., Kwok C. National culture and financial systems. URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/palgrave.jibs.8400188>.
 12. Ashraf B.N., Zheng C., Arshad S. Effects of national culture on bank risk-taking behaviour. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2016.01.015>.
 13. Boubakri N., Saffar W. Culture and externally financed firm growth. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2016.04.003>.
 14. Chui A., Kwok C. National culture and life insurance consumption. URL: <https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8400316>.
 15. Kessler D., Perelman S., Pestieau P. Savings Behavior in 17 OECD Countries. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.1993.tb00436.x>.
 16. Аймалетдинов Т.А. Роль муниципальной информационной среды в формировании финансовой культуры населения. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1217593630.pdf.
Aimaletdinov T.A. The role of the municipal information environment in the formation of the financial culture of the population. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1217593630.pdf (In Russ.).
 17. Малолетнев А.Л. Слово о «культуре». URL: <https://raex-a.ru/editions/article124>
Maloletnev A.L. A word about “culture”. URL: <https://raex-a.ru/editions/article124>. (In Russ.).
 18. Фатихов А.И., Насибуллин Р.Т. Проблемы формирования финансовой культуры населения России сквозь призму социологических исследований. URL: <https://pnu.edu.ru/media/vestnik/articles/416.pdf>
Fatikhov A.I., Nasibullin R.T. The problems of the formation of the financial culture of the population of Russia through the prism of sociological research. URL: <https://pnu.edu.ru/media/vestnik/articles/416.pdf> (In Russ.).
 19. Екимова К.В., Галазова С.С., Мануйленко В.В. Основные направления взаимосвязи финансовой науки и финансовой культуры. *Вестник университета*. 2019;(12):167–172.
Ekimova K.V., Galazova S.S., Manuilenko V.V. The main directions of the relationship between financial science and financial culture. *Vestnik universiteta = University Bulletin*. 2019; (12):167–172. (In Russ.).
 20. Zubov A., Strada V. Россия на рубеже веков: 1991. М.: РОССПЭН; 2011.
Zubov A., Strada V. Russia at the turn of the century: 1991. Moscow: ROSSPEN; 2011. (In Russ.).
 21. Тамбовцев В.Л. Фактор культуры в экономике. Материалы IV Международной научной конференции «Институциональная трансформация экономики: Российский вектор новой индустриализации». М.: МГУ им. Ломоносова; 2015.
Tambovtsev V.L. The factor of culture in the economy. Materials of the IV International Scientific Conference “Institutional Transformation of the Economy: Russian Vector of New Industrialization”. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2015. (In Russ.).
 22. Hofstede G. Hofstede cultural dimensions. *Journal of Cross-cultural psychology*. 1984;15(4):417–433.
 23. Inglehart R. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American sociological review*. 2000;65(1):19–51.

24. Кадочников Д.В., Одинг Н.Ю., Савулькин Л.И. Культура, институты и экономическое поведение в России. Альманах Центра исследований экономической культуры. СПб.: Изд-во института Гайдара; 2013.
Kadochnikov D.V., Oding N. Yu., Savulkin L.I. Culture, institutions and economic behaviour in Russia. Almanac of the Center for the Study of Economic Culture. St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing House; 2013. (In Russ.).
25. Тамбовцев В.Л. Инновации и культура: важность методологии анализа. *Вопросы экономики*. 2018;(9):70–94.
Tambovtsev V.L. Innovation and culture: the importance of analytical methodology. *Voprosy ekonomiki = Economic issues*. 2018;(9):70–94. (In Russ.).
26. Тарабанов А.Э. Глобальный капитализм: актантно-нарративный анализ идеологии. Альманах Центра исследований экономической культуры. СПб.: Изд-во института Гайдара; 2014.
Tarabanov A.E. Global capitalism: actant-narrative analysis of ideology. Almanac of the Center for the Study of Economic Culture. St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing House; 2014. (In Russ.).
27. Воденко К.В. Историческая память и экономическая культура: специфика взаимосвязи и взаимовлияния. Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса. 2020. URL: <https://www.ssa-rss.ru/files/File/Conference/VSK-VI/Sbornik/VodenkoKV-2.pdf>
Vodenko K.V. Historical memory and economic culture: specificity of interconnection and mutual influence. Sociology and Society: Traditions and Innovations in the Social Development of Regions: Collection of Reports of the VI All-Russian Sociological Congress. 2020. URL: <https://www.ssa-rss.ru/files/File/Conference/VSK-VI/Sbornik/VodenkoKV-2.pdf> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Арсений Валерьевич Брыкин — доктор экономических наук, профессор Департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия
brka@mail.ru

Диана Анзоровна Кунижева — аспирантка второго года обучения Департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия
DAKunizheva@fa.ru

София Андреевна Большунова — младший научный сотрудник Международного центра социальной экспертизы и развития, Финансовый университет, Москва, Россия
ASBolshunova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Arseny V. Brykin — Doctor of Economics, Professor, Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia
brka@mail.ru

Diana A. Kunizheva — 2nd-year postgraduate student, Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia
DAKunizheva@fa.ru

Sofia A. Bolshunova — Junior Research Fellow, International Center for Social Expertise and Development, Financial University, Moscow, Russia
ASBolshunova@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

А.В. Брыкин — разработка общей концепции, общее руководство исследованием.

Д.А. Кунижева — теоретико-методологическое обоснование исследования.

С.А. Большунова — теоретико-методологическое обоснование исследования.

Authors' declared contribution:

Brykin A. V. — development of a general concept, general research management.

Kunizheva D. A. — theoretical and methodological substantiation of the study.

Bolshunova S. A. — theoretical and methodological substantiation of the study.

Статья поступила 20.10.2021; принята к публикации 10.11.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.10.2021; accepted for publication on 10.11.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-81-85
УДК 165.0(045)

Ноосферный образ человека: реальность и перспективы

В.А. Иванова

Финансовый университет, Алтайский филиал, Барнаул, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-7314-6807>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы и перспективы ноосферного и коэволюционного понимания проблемы человека в научной картине мира. Данная трансформация анализируется в логике смены исторических общенаучных картин мира. Автор указывает, что заметный диссонанс между теоретическим пониманием сущности человека в современном обществе и реальным существованием человека-потребителя является препятствием формирования информационного общества. Отмечается, что расхождение в понимании сущности и существования человека является очередным витком развития философской проблемы человека. Герменевтически преодолеть данное расхождение возможно посредством категорий концепции русского космизма и современной коэволюционной парадигмы в научной картине мира. Развитие человеческого капитала и подготовка кадров реиндустриализации будут способствовать формированию в России новой экономики и устойчивому развитию государства.

Ключевые слова: научная картина мира; человек; личность; информационное общество; семиотика; русский космизм; коэволюция; парадигма

Для цитирования: Иванова В.А. Ноосферный образ человека: реальность и перспективы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):81-85. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-81-85

ORIGINAL PAPER

Noospheric Image of Man: Reality and Perspectives

V.A. Ivanova

Financial University, Altai branch, Barnaul, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7314-6807>

ABSTRACT

The article examines the problems and prospects of the noospheric and co-evolutionary understanding of the problem of Man in the scientific picture of the world. This transformation the author analysed in the logic of changing historical general scientific images of the world. The author points out that a noticeable dissonance between the theoretical understanding of the essence of man in modern society and the actual existence of a human consumer is an obstacle to the formation of an information society. The author noted that the discrepancy in understanding the essence and existence of man is the next round in developing the philosophical problem of man. It is possible to hermeneutically overcome this discrepancy employing the categories of the concept of Russian cosmism and the modern co-evolutionary paradigm in the scientific picture of the world. The development of human capital and personnel training for reindustrialisation will contribute to the formation of a new economy in Russia and the state's sustainable development.

Keywords: scientific picture of the world; human; personality; Information society; semiotics; Russian cosmism; coevolution; paradigm

For citation: Ivanova V.A. Noospheric image of man: Reality and perspectives. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):81-85. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-81-85

В современной реальности заметно разнятся представления о сущности человека как «венце творения» и приоритетах его действительного существования. Сущность человека сегодня принято объяснять в категориях, которые весьма близки к тому, что Цицерон когда-то назвал «humanitas», а существование — в понятиях потребительского отношения к миру и, следовательно, к самому себе. С одной стороны, категории современной научной картины мира: «ноосфера», «глобальный эволюционизм», «системная организация мира», «коэволюция», активные дискуссии вокруг «третьей волны» Тоффлера [1], казалось бы, демонстрируют сверхразумное отношение человека к миру и не имеют ни смысла, ни значения без самого понятия «человек». С другой стороны, реальное существование человека подразумевает потребительство. Что вносит серьезный диссонанс в современное научное знание.

Для проведения исследования будем исходить из того, что системообразующими элементами генезиса научной картины мира мы считаем социально-экономические условия рассматриваемого периода, наличное знание о мире, представление о человеке, его месте и роли в этом образе мира, т.е. значимость человека в определенной картине мира. Поэтому для нас основой прагматически эффективно-анализа языка науки в генезисе научной картины мира выступают мировоззренческие универсалии.

Так как человек представляет собой интегральное выражение всех форм движения материи и является определяющей «точкой пересечения» объективной и субъективной реальности, объектом и субъектом познания одновременно, то исследование представлений о нем позволяет анализировать специфику прагматического аспекта языка научных картин мира, выражаемого в категориях, определяющих философский образ человека в конкретный исторический период.

Исходя из теснейшей взаимосвязи языка науки с ментальными и ценностными ориентациями субъектов дискурса и придерживаясь традиции исследований языка, заложенных школой Витгенштейна [2], мы считаем, что в периоды научных революций противоречия между устоявшимся социально-философским образом человека в определенной научной

картине мира и научными данными о мире и человеке ярко выражены в языке науки [3].

В частности, язык преднаучной картины мира античности преимущественно характеризуется как язык наблюдения и описания. Между тем, это уже не язык мифов, хотя многие традиции иносказания ему еще присущи. Особенно хорошо это позволяет заметить анализ смысла и значений метафор, участвующих в описании образа человека. Малый Диакосм — человек — представлен «мыслящей пылинкой», способной к созерцательной активности, но не имеющей права изменять мир. Интенциональность сознания субъекта формирующегося научного познания определена его интересами к особенностям собственного мышления. Поэтому логика языка науки (преднауки) античности демонстрирует развивающееся абстрактно-понятийное, дедуктивно организованное мышление.

Особенности прагматики языка науки в механистической картине мира в физикалистских тенденциях проявляются в образе человека как природного организма, подчиненного «механической» цепи причин и следствий. Это, с одной стороны, отвечало требованиям новой эпохи к историческому типу личности. Человек предстал как первооткрыватель и создатель. Язык эксперимента позволил открыть многие области знания как специфические. Человек в этой картине мира как субъект научного познания постепенно стал менять логику мышления, больше надеясь на строгий рационализм, аналитику и естественные науки. Не случайно именно в этот период Лейбницем в явном виде была поставлена проблема единого языка науки.

Образ человека современной научной картины мира во многом складывался как наследие социоцентристских концепций от Фурье и Канта до Маркса, окончательно оформившись в концепт «человек — это очеловеченная природа, или природа, ставшая человеком» в начале XX в. Подобные представления разрешили проблему человека, ставшую одной из ключевых в механистической картине мира. На языке физики исследование сущности и существования человека оказалось безрезультатным, — так значимость человека была редуцирована к понятию элемента огромного природного механизма. Язык социоцентризма XX в. выполнил роль метаязыка по отношению

к языку механистической картины мира, что и способствовало формированию современных представлений о человеке.

В результате научно-технического прогресса человечество сделало огромный рывок вперед в овладении тайнами природы и их практического использования: теория относительности, квантовая механика, ядерная физика, химия полимеров, кибернетика, информатика, молекулярная биология, генная инженерия, — все эти научные отрасли и дисциплины определяют «лицо» современной науки. Наиболее значительные успехи в них достигнуты в последние десятилетия. Важно, что не только фундаментальная теоретическая наука, но и государство сегодня настроено развивать данные области знания, и мы наблюдаем множество государственных решений по поддержке естественных и технических наук.

Вместе с тем, все более актуальным становится проблема человеческих ресурсов и самого человека как личности не только и даже не столько в науке, сколько в реалиях общества, устремленного к информационным идеалам устройства жизни. Многие ценности техногенной цивилизации, существующей, как известно, на протяжении почти четырех веков, сегодня подвергаются сомнению и переосмысляются. Наша эпоха приблизилась к той точке разветвления путей эволюции, за которой следует ее переход в новое качественное состояние. От выбора направления зависит дальнейшее существование всего человечества. Новый тип цивилизации информационного общества формируется в труднейших социально-экономических мировых условиях. Эти процессы сопряжены с кризисом всех без исключения основных общественных сфер, что свидетельствует о значимости человека в происходящих функциональных планетарных изменениях. Кстати, именно поэтому глобальные проблемы современности обострили интерес науки к человеку и интерес человека к самому себе как непреходящей ценности. Огромное развитие получили научные дисциплины, относящиеся к его исследованию. Не случайно в современных трендах прикладных гуманитарных наук представления о взаимозависимости между духовными, психическими и физиологическими состояниями человека стали основой не только медицинской, педагогической, психологической, но и всей социальной практики.

На наш взгляд, несмотря на отдаленность современного мира от Нового времени, образ человека в представлениях современного общества почти повторяет тот, о котором было сказано в категориях механистической картины мира. Это образ человека-потребителя, человека-машины. Разница в том, что сущность человека в XXI в. поднята в представлениях людей до высот управления Вселенной. Козволюционные идеалы в научном и прикладном знании развиваются уже почти два века, а практика демонстрирует, что существование человека еще не достигло уровня жизнедеятельности людей в сферах социального бытия, соответствующего таким идеалам. Необходимо новое преодоление назревшего противоречия между идеалом сущности и действительным существованием человека. Этот вывод доказывает, что вполне возможно грядущее изменение ценностей в представлениях общества XXI в., что в будущем неизбежно изменит аксиологическое качество языка научной картины мира, а значит, будет меняться значение научно-философского и общеметодологического исследования проблемы человеческих ресурсов и самого человека.

Образ человека современной научной картины мира во многом складывался как наследие социоцентристских концепций от Фурье и Канта до Маркса, окончательно оформившись в концепт «человек – это очеловеченная природа, или природа, ставшая человеком» в начале XX в.

Язык современной науки демонстрирует актуальность поиска новых перспектив развития. В современных научных и практических дискурсах часто подчеркивается потеря человеком смысло-жизненных ориентиров [4]. Парадигмы развития современного научного знания — квантовый релятивизм, нестационарная Вселенная, принципы глобального эволюционизма, междисциплинарный синтез

знаний — когда-то послужили началом создания новой системы научных представлений о мире, человеке и обществе. Они отражены в тенденциях развития понятийного аппарата современных частных научных теорий и заметны практически во всех сферах деятельности человечества. То есть на современном этапе развития научного знания устанавливается общая связность дифференцированного в XX столетии языка науки и перестраивается общая структура научного знания. Думается, что следующим этапом будет выявление согласованности различных подсистем этой структуры. Попробуем более глубоко раскрыть эту мысль в категориях рациональности языка науки.

Язык науки в классической рациональности, идущей от механистической картины мира, представляет собой интерпретированную формальную систему. Символы строятся в соответствии с алгоритмическими правилами, обеспечивая непротиворечивое, более точное и компактное отображение свойств и отношений исследуемой предметной области. Сам процесс развития научной картины мира непосредственно связан с изменением языковых средств выражения, развитием специфического понятийного аппарата научной теории, с новой интерпретацией знаний, постулированных на прежнем языке. Различают эмпирический, теоретический, экспериментальный языки, язык наблюдения и описания. В современной науке упрочилась тенденция перехода от использования языка наблюдений и описаний к языку эксперимента. Например, язык современной физики состоит из терминов, обозначающих явления и свойства, существование которых выявлено в ходе экспериментов. Согласимся с мыслью, актуальность которой переоценить невозможно: «В философии и методологии науки обращалось особое внимание на логическое упорядочивание и сжатое описание фактов. Вместе с тем очевидно, что реализация языковой функции упорядочивания и логической концентрации, сжатого описания фактического материала ведет к значительной трансформации в смысловом семантическом континууме, к определенному пересмотру самого события или цепочки событий. Это, в свою очередь, высвечивает новое содержание, первоначально погруженное в “море” фактов» [5].

По существу, речь идет о том, что все функции метода формализации: упорядочивания, систематизации, экономной и концентрированной записи полученной информации, ее однозначного толкования, — являются основой процесса экспликации невидимой, скрытой информации на уровне содержания понятий.

Поиск места и роли человека в мироздании, анализ человеческого взаимодействия с другими самоорганизующимися системами придают научной картине мира гуманистический смысл. Вместе с тем даже современные интегрированные знания все еще недостаточны для понимания сущности человека в условиях коэволюционных трансформаций мировоззрения современного общества [6]. Интересно, что даже внутри естествознания все отчетливее признается идея соединения когнитивных и ценностных параметров науки. В контексте указанных тенденций современной научной картины мира образ человека формируется посредством ноосферных категорий антропного принципа и коэволюции. Человек предстает как существо, способное творить миры материальные, социальные, духовные. То есть с ростом значения асерторического и процедурного аспектов языка науки изменяются смыслы и значения его других аспектов: модельного, эвристического и, что особенно важно для настоящего исследования, — аксиологического.

Среди фундаментальных структурных составляющих оснований науки любой эпохи обратим внимание на три: идеалы и нормы познания, научную картину мира и философские основания. Изменение научной картины мира обусловлено наличием в ней не только фундаментальных, обобщенных знаний, но и разного рода представлений о мире и человеке (идей, предположений, гипотез, концепций). Логико-семиотические особенности эволюции научной картины мира в истории человечества достаточно ясно раскрываются посредством исследования языка науки конкретного исторического периода существования картины мира. А прагматические особенности языка «науки переднего края» демонстрируют процессы формирования таких лексико-гносеологических единиц, как образ, метафора и концепт, часть которых в конкретное историческое время преобразуется научным дискурсом в строгие понятия и категории,

тем самым расширяя поле смыслов и значений действующего языка науки.

В рамках настоящего исследования стало очевидно, что это есть новый виток развития

представлений о человеке в современном научном знании, перспектива которого видится

в ноосферном подходе к исследованию проблемы человека в традициях русского космизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»; 2009. 800 с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования. Пер. с нем. М.: Гнозис; 1994. 612 с.
3. Обрезков А.А. Языковые картины мира: взгляд изнутри. *Ноосферные исследования*. 2015;1–2(9–10):119–128.
4. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. Пер. с англ. М.: Мысль; 2018. 348 с.
5. Лешкевич Т.Г. Философия науки: Традиции и новации. М.: Издательство ПРИОР; 2001. С. 294.
6. Старостин А.М. Русский космизм в контексте современной философской деятельности. *Век глобализации*. 2016;1–2(17–18):114–125.

REFERENCES

1. Toffler A. Third wave. M.: ООО «Firma «Izdatel'stvo AST»; 2009. 800 p. (In Russ.).
2. Vitgenstein L. Philosophical research. Moscow: Gnozis; 1994. 612 p. (In Russ.).
3. Obrezkov A. A. Language pictures of the world: a look from the inside. *Noosfernyye issledovaniya = Noosphere studies*. 2015;1–2(9–10):119–128. (In Russ.).
4. Inglehar Ronald. Cultural Evolution. How people's motivations are changing and how this is changing the world. Moscow: Mysl'; 2018. 348 p. (In Russ.).
5. Leshkevich T. G. Philosophy of Science: Tradition and Innovation. Moscow: Izdatel'stvo PRIOR; 2001. 294 p. (In Russ.).
6. Starostin A. M. Russian cosmism in the context of modern philosophical activity. *Vek globalizatsii = Age of globalization*. 2016;1–2(17–18):114–125. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валерия Айбасовна Иванова — доктор философских наук, доцент; профессор кафедры «Общегуманитарные науки и межкультурные коммуникации», Финансовый университет, Алтайский филиал, Барнаул, Россия
vaivanova@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Valeria A. Ivanova — Doctor of Philosophy, Associate Professor; Department of General Humanities and Intercultural Communication, Financial University, Altai Branch, Barnaul, Russia
vaivanova@fa.ru

Статья поступила 25.09.2021; принята к публикации 15.10.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.09.2021; accepted for publication on 15.10.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-86-93
УДК 316.77(045)

Таргетирование в онлайн-сетевом брендинге российских университетов: масштабы влияния на общественное сознание*

Е.В. Бродовская^а, А.Ю. Домбровская^б, В.А. Лукушин^с

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0001-5549-8107>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-2015-2349>;

^с <https://orcid.org/0000-0001-6185-303X>

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты социально-медийного исследования эффективности таргетирования в деятельности российских вузов в процессе развития онлайн-бренда. На первом этапе исследования проведен анализ содержательных характеристик (контекст, тематика, направленность, технологии воздействия) материалов социальных медиацифровых представительств ведущих российских университетов в формате когнитивного картирования. На втором осуществлено аккумулирование социально-медийных потоков, формирующих онлайн-бренд вузов посредством автоматизированного инструментария. В результате анализа метрик цифровых сервисов выявлен охват пользовательской аудитории университетов, социально-демографические характеристики ее представителей, специфика резонанса в отношении вузовского онлайн-контента. Сопоставление структурных и поведенческих параметров пользовательской аудитории университетов в социальных медиа позволило определить эффективность ведущих вузов России в работе по таргетированию целевых групп в социально-медийной среде.

Ключевые слова: таргетирование; бренд университета; онлайн-сетевой имидж; социально-медийное присутствие вуза; интеллектуальный поиск цифровых маркеров; социально-медийный анализ; когнитивное картирование

Для цитирования: Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Лукушин В.А. Таргетирование в онлайн-сетевом брендинге российских университетов: масштабы влияния на общественное сознание. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):86-93. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-86-93

ORIGINAL PAPER

Targeting Online Network Branding of Russian Universities: Scope of Influence on Public Consciousness**

E.V. Brodovskaya^a, A. Yu. Dombrovskaya^b, V.A. Lukushin^c

Financial University, Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0001-5549-8107>; ^b <https://orcid.org/0000-0002-2015-2349>;

^c <https://orcid.org/0000-0001-6185-303X>

ABSTRACT

The article presents the results of a media study of the effectiveness of targeting Russian universities' activities in developing an online brand. The empirical analysis we carried out in two stages. At the first stage, we analysed content characteristics (context, topic, focus, impact technologies) of information media – digital representatives of Russian universities in the format of cognitive mapping. At the second stage, we accumulated social and media streams, which form the online brand of universities of the automated tool. As a result of the analysis of the metrics of digital services, we revealed the coverage of the user audience of universities, the socio-demographic characteristics of its representatives, the specificity of the resonance concerning university online

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the research results carried out at the expense of budgetary funds to the Financial University for the state task.

content. Comparison of the structural and behavioural parameters of the user audience of universities in social media determines the effectiveness of the leading Russian groups in targeting target groups in the social media environment.

Keywords: targeting; university brand; online network image; social media presence of the university; intelligent search for digital markers; social media analysis; cognitive mapping

For citation: Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Lukushin V.A. Targeting online network branding of Russian universities: Scope of influence on public consciousness. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):86-93. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-86-93

ВВЕДЕНИЕ

Цифровой менеджмент, нацеленный на управление информационными потоками в интернет-пространстве, становится одним из ключевых направлений укрепления корпоративной культуры и продвижения бренда современного вуза. В условиях роста национальной интернет-аудитории, увеличения средних показателей ежедневного пребывания в социальных медиа, более интенсивного применения дистанционных форм обучения (особенно в ситуации пандемии) вузы стремятся совершенствовать подходы и технологии взаимодействия с таргетными группами. Отсюда стремление диверсифицировать представительство в различных сегментах блогостинга, поиск новых форматов взаимодействия с целевой аудиторией, перенос ряда традиционных активностей в цифровую среду. При этом важно отметить, что обозначенные процессы идут крайне неравномерно и с разной степенью результативности. Неравномерность выражается в явной диспропорции представленности вузов в социальных медиа, тогда как результативность связана с созданием, управлением, поддержанием целостности, интегрированности, адресности информационного потока в социальных медиа. У тех вузов, которые смогли сформировать социально-медийные потоки с качественными характеристиками, растет масштаб целевой аудитории, что в конечном итоге влияет на ключевые параметры их жизнедеятельности. У наиболее успешных вузов наметился постепенный переход к микросегментированию целевых аудиторий, открывающий новую страницу в развитии отечественного цифрового менеджмента в сфере образования.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Анализ зарубежной научной литературы по заявленной теме свидетельствует о том, что в ней доминируют исследования, сосредоточенные главным образом на факторах брендинга университетов. К примеру, П. Фороди [1], С. Панда [2], С. Шехзади [3], И. Ифак [4], П. Султан [5], К. Полиорат [6] и др.

среди факторов, воздействующих на онлайн-бренд высшего учебного заведения, называют репутацию университета, отношение администрации к данным об удовлетворенности студентов качеством образования, профессионализм кризис-менеджмента вуза во время пандемии, качество управления онлайн-контентом, уровень технической базы функционирования онлайн-ресурсов университетов.

Отдельную группу зарубежных работ составляют исследования лидеров мнения — агентов онлайн-сетевого маркетинга организаций, в том числе университетов (Р. Дамиан [7], Э. Панг [8], К. Фреберг [9]). Российские исследователи бренда вуза анализируют представленность, упоминаемость вузов в традиционных и новых медиа (О.Е. Косарева [10], П.Г. Петруша [11], Д.А. Шевченко [12]), а также влияние цифровизации на профессиональные компетенции студентов [13].

Особого внимания заслуживают работы исследовательского коллектива Финансового университета при Правительстве РФ. В работах представлены результаты оценки процесса цифровизации отечественных университетов [14] и комплексного анализа цифровых сред ведущих вузов [15].

В российском сегменте маркетинговых исследований в образовательной сфере интенсивно развивается такое направление, как рейтингование социально-медийной активности университетов. Ограниченность этих проектов выражается в односторонности критериев оценки онлайн-брендинга. К примеру, одни рейтинги строятся только на основе показателя уровня пользовательского резонанса в отношении университетского онлайн-контента¹, другие — только на базе изучения материалов, публикуемых в социальных медиа университетами².

Очевидно, что существует явный дефицит научных исследований, направленных на комплексное

¹ «Как много лайков»: рейтинг активности российских вузов в соцсетях 2020. URL: <https://na.ria.ru/20190212/1550697165.html>.

² Ведущие вузы России в социальных медиа. 2020. URL: <https://ppt-online.org/399719>.

изучение содержательных, структурных и интеракционных характеристик целевой аудитории российских университетов. Фактически нет исследований по сегментированию цифровой таргетной аудитории. Процесс идентификации целевой аудитории в социальных медиа и разделение ее представителей на группы с общими социальными характеристиками, ее социальная профилизация остаются за пределами аналитической деятельности университетов и исследователей онлайн-бренда вузов.

Исходя из этого, основной исследовательский вопрос состоит в следующем: какова эффективность социально-медийного таргетирования в деятельности ведущих российских университетов?

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход Predictor Mining, предполагающий поиск и создание базы маркеров цифровой активности, последующую автоматизированную обработку и интеллектуальный анализ полученных массивов данных [16].

Методика исследования включает в себя когнитивное картирование и киберметрический анализ с использованием современных сервисов обработки данных. Выборка составила шесть ведущих отечественных университетов, отличающихся схожими профилями научно-образовательной деятельности и показателями в международных рейтингах: Финансовый университет при Правительстве РФ, НИУ ВШЭ, РАНХиГС при Президенте РФ, РУДН, РЭУ им. Г.В. Плеханова, МГИМО. Когнитивное картирование материалов университетских социальных медиа (120 онлайн-групп, 1200 документов, глубина анализа — период с 01.09.2020 по 31.08.2021 г., обработка базы данных в SPSS Statistics 26.0 с применением осевого, кросс-табуляционного и корреляционного видов анализа) позволило сравнить контекстуальные характеристики социально-медийного контента университетов — исследовательских кейсов. Автоматизированный мониторинг социальных сетей с использованием сервиса аналитики цифровых аккаунтов «LiveDune» (объем выгрузки 200 университетских аккаунтов в крупнейших социальных медиа, глубина — период с 01.03.2021 по 01.09.2021 г.) обеспечил получение эмпирических данных о структурных характеристиках онлайн-бренда университетов: социально-демографические параметры аудитории, вовлеченной в университетские потоки, масштаб и динамику публикационной

активности, уровень пользовательского резонанса в отношении вузовского онлайн-контента.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Реализованное на первом этапе прикладного исследования когнитивное картирование контента, размещаемого в цифровых аккаунтах университетов, позволило определить содержательные характеристики материалов по следующим показателям:

- степень формализованности контента;
- тематическое наполнение;
- направленность по отношению к целевым группам;
- степень персонифицированности;
- технологии брендинга контента.

По результатам картирования выявлен ряд закономерностей, отражающих преобладающие стратегии в цифровом менеджменте университетов (табл. 1). В основном вузы нацелены на взаимодействие с внутренней аудиторией: группой студентов (Финуниверситет, РАНХиГС, РЭУ, РУДН) и научно-преподавательским составом (МГИМО). При этом достигается баланс между материалами, направленными студентами и сотрудниками. Только один из исследуемых университетов агрегирует в собственных аккаунтах значительную долю контента, направленного абитуриентам и их родителям (НИУ ВШЭ). В период приемной кампании (май-август) наблюдается некоторое увеличение доли материалов для абитуриентов в цифровых аккаунтах всех университетов, но в совокупном объеме контента она остается низкой (не более 20%). Ни один из вузов не взаимодействует активно с внешними акторами (СМИ, блогерами, лидерами мнений, экспертным сообществом и др.) посредством собственных цифровых представительств. Данный факт обуславливает низкую тематическую дифференциацию контента.

Большинство вузов работают в привычном формате информирования, предлагая целевой аудитории новостные материалы, анонсы и пресс-релизы университетских событий (чаще всего, дублируемые с официального сайта). Зафиксирована устойчивая корреляция между доминирующей тематикой контента и другими показателями. Значительная часть размещаемых в аккаунтах публикаций деперсонифицирована (не связана с конкретными акторами), формализована (написана в деловом стиле). В ходе картирования практически не замечено использование новых форматов представления контента и мультимедийных возможностей, предоставляемых современными цифровыми плат-

Таблица 1 / Table 1

Характеристики социально-медийного контента университетов / Characteristics of social media content of universities

Вуз	Преобладающая тематика контента	Преобладающая целевая группа
Финансовый университет	Процесс обучения, проблемы студентов и преподавателей	Студенты
НИУ ВШЭ	Развлекательный контент	Абитуриенты, студенты
РАНХиГС	Процесс обучения, проблемы студентов и преподавателей	Студенты
РЭУ	Процесс обучения, проблемы студентов и преподавателей	Студенты
МГИМО	Научно-исследовательская деятельность	Научно-педагогические работники, сотрудники
РУДН	Процесс обучения, проблемы студентов и преподавателей	Студенты

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

формами («Instagram», «Telegram», «TikTok» и др.). Исключением является ряд аккаунтов НИУ ВШЭ, администрируемых самими студентами. Игнорирование основных правил управления социально-медийными потоками и дисфункциональность университетских аккаунтов заметно сужает круг возможностей масштабирования аудитории и выстраивания системы эффективной коммуникации с каждой из целевых групп.

Определение используемых университетами технологий брендинга фирменного контента подтверждает выдвинутые предположения (рис. 1). Обмен актуальной информацией производится примерно в половине всех размещаемых материалов. В то же время данная технология брендинга является наиболее низкоэффективной в современном сетевом пространстве. Особое внимание стоит обратить на использование ценностной технологии, связанной с попыткой брендинга контента через формулирование и ассоциацию аудитории с общими ценностями. НИУ ВШЭ и Финансовый университет показывают успешные попытки организации контента посредством данной технологии.

Ключевая проблема состоит в том, что ряд технологий (вовлечение аудитории в символическую активность, ассоциация с авторитетными персонами) могут демонстрировать высокую эффективность и вызывать широкий пользовательский резонанс только при условии удачной «упаковки» контента. Как уже было сказано, обеспечение разнообразия тематик и форматов для отечественных университетов весьма затруднительно.

Для соотношения данных о содержательных характеристиках контента с особенностями его восприятия целевыми аудиториями применяется автоматизированный киберметрический анализ. Социально-демографические характеристики пользователей, вовлеченных в активность университетских сообществ, показывают сильную связь с направленностью контента на определенные сегменты аудитории. В цифровых аккаунтах университетов, ориентированных на студенческую аудиторию, доминирует широкая возрастная группа 16–35 лет (диапазон 48–56%), распределенная равномерно среди всех популярных аккаунтов. В то же время аудитория цифровых сообществ университетов демонстрирует гендерный баланс. Таким образом, можно соотнести характеристики доминирующих аудиторий и размещаемого контента.

Для этого предлагается оценить характер реакций вовлеченных пользователей. Данные по всем цифровым аккаунтам включили следующие реакции: лайки, комментарии, репосты в расчете на 1 публикацию (табл. 2). Общим показателем вовлеченности участников сообществ можно считать ER (*engagement rate*), включающий весь объем пользовательских реакций с учетом числа подписчиков каждого аккаунта и количества просмотров каждой конкретной публикации. На основе полученных данных университеты были ранжированы по общему уровню вовлеченности (в порядке уменьшения показателей).

Результаты позволяют разделить исследуемые университеты на три группы, исходя из эффек-

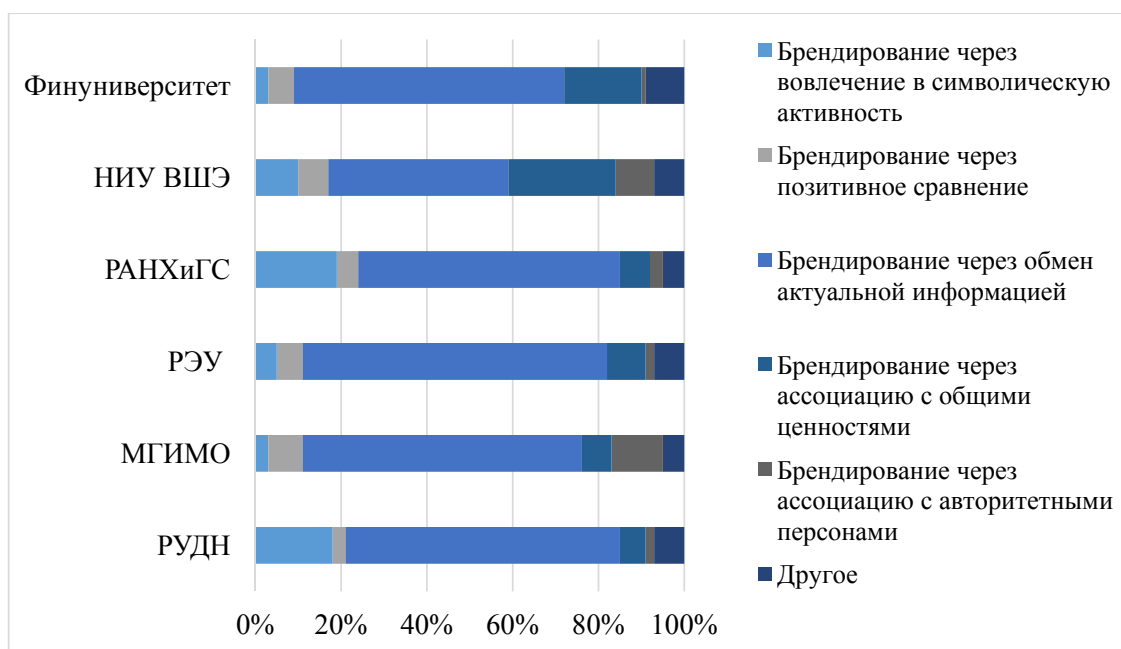

Рис. 1 / Fig. 1. Распределение социально-медийного контента по используемым технологиям брендинга, % / Distribution of social media content by branding technologies used, %

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

тивности восприятия цифрового контента. Для вузов *первой* группы характерны равномерные показатели всех пользовательских реакций. Это свидетельствует о высокой вовлеченности аудиторий в активность сообществ, а также способности аккаунтов поддерживать постоянный интерес аудитории к публикуемому контенту. Вузам *второй* группы свойственна некоторая неравномерность в пользовательских реакциях. В данном случае возможны следующие сценарии: 1) отдельные виды контента, встречающиеся реже остальных, привлекают аудиторию значительно сильнее (меньше лайков, больше репостов и комментариев); 2) для наращивания количественных показателей и стимулирования пользовательской активности используются технологии искусственной «накрутки» (резкое увеличение одного из показателей, несоответствие показателей охвата аудитории и просмотров публикаций). Можно предположить о существовании *третьей* группы университетов, чьи сообщества характеризуются полным отсутствием интереса пользователей к контенту, низкими показателями пользовательской активности. Стоит сказать, что среди исследуемых вузов нет представителей данной группы. Отметим также, что результаты сравнения университетов можно считать достоверными, так как для каждого из них выбрано равное количество релевантных и активных цифровых сообществ, средний охват аудитории которых отличается не более чем на 15%.

Сопоставление результатов картирования и ранжирования университетов, исходя из уровня пользовательских реакций, подтверждает тот факт, что наибольший интерес среди аудитории современных университетов вызывает неформальный и персонализированный контент на разнообразные темы. При этом наиболее успешной является стратегия адресации контента разным представителям аудитории, исходя из их возраста, профессионального статуса, принадлежности к университету или иных характеристик, значимых для восприятия контента. Фактически часть вузов может в ближайшее время перейти к микротаргетированию — технологии сегментирования цифровой аудитории, прямой коммуникации и формирования оригинального контента для каждого сегмента. Данный тезис подтверждается динамикой изменения охвата аудитории крупнейших университетских цифровых сообществ. Вузы, демонстрирующие успешные практики таргетирования в социальных медиа (НИУ ВШЭ) или приближенные к этому (Финуниверситет, РАНХиГС) демонстрируют наиболее высокие темпы прироста аудитории — от 5 до 7% с начала 2021 г. (рис. 2).

Выводы

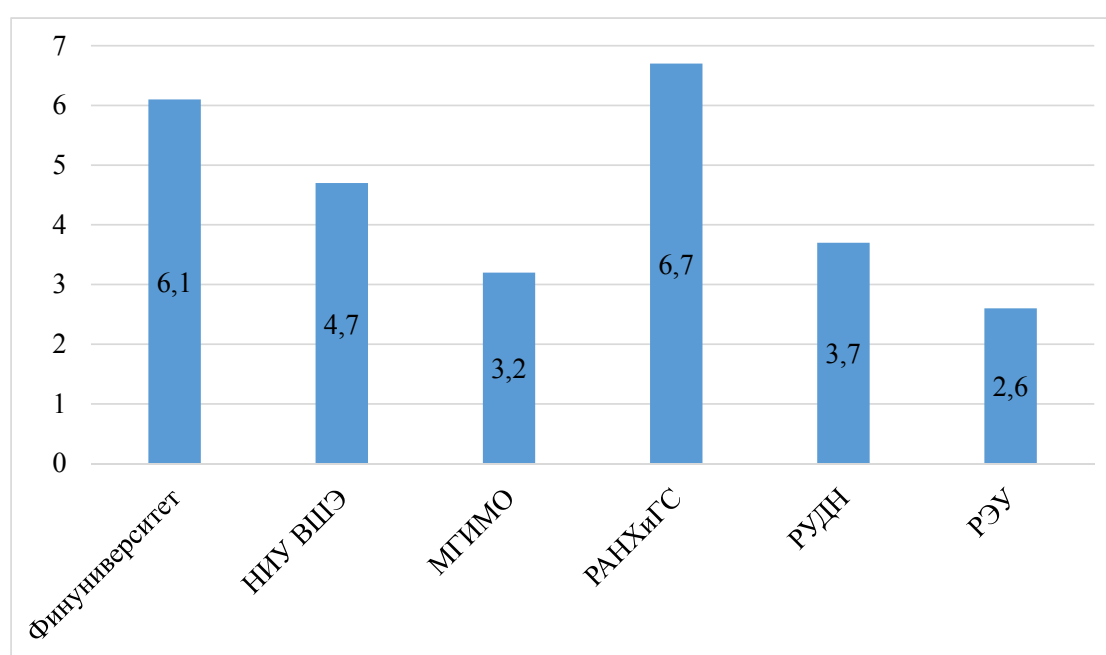
По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, социально-медийное сопровождение деятельности отечественных университетов отличается низкой функциональностью, несмотря на достаточно высокие

Таблица 2 / Table 2

**Усредненные индикаторы пользовательских реакций в аккаунтах университетов /
Average indicators of user reactions in university accounts**

Вуз	Лайки	Репосты	Комментарии	Вовлеченность (ранг)
Финуниверситет	63	32	12	2
НИУ ВШЭ	79	36	29	1
РАНХиГС	28	21	11	3
РЭУ	39	16	4	4
МГИМО	27	14	3	6
РУДН	47	18	3	5

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

**Рис. 2 / Fig. 2. Изменение охвата аудитории университетов в социальных медиа с начала 2021 г., % /
Changes in social media coverage of university audiences since early 2021, %**

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

показатели присутствия на различных цифровых площадках, а взаимодействие вузов с внутренними аудиториями довольно ограниченное. Во-вторых, контент большинства университетов отличается слабым тематическим разнообразием и посвящен, в большей степени, внутриуниверситетской научно-образовательной повестке. В-третьих, наблюдается тенденция к диверсификации тем, форматов и технологий брендинга контента среди некоторых университетов, что повышает уровень пользовательского интереса к контенту вузов. В ходе исследования выделены три типа управления цифровыми сообществами университетов, исходя из ключевых показателей пользовательской активно-

сти, связанные с выявленными характеристиками публикаций. В-четвертых, позитивные эффекты таргетирования связаны с присутствием неформальных тематических материалов, адресованных разным сегментам аудитории, с учетом их предпочтений и особенностей потребления контента. Перспективным направлением исследования является анализ структурных характеристик отобранных университетских сообществ посредством методики социального графа для определения внутригрупповых связей и лидеров мнений. Кроме того, возможно углубление анализа доминирующего контента в контексте особенностей его восприятия различными сегментами пользователей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Foroudi P., Yu Q., Gupta S., Foroudi M. Enhancing university brand image and reputation through customer value co-creation behaviour. *Technological Forecasting and Social Change*. 2019;(138):218–227.
2. Panda S., Pandey S., Bennett A., Tian X. University brand image as competitive advantage: a two-country study. *International Journal of Educational Management*. 2019;33(2):234–251.
3. Shehzadi S., Nisar Q., Hussain M., Basheer M., Hameed W., Chaudhry N. The role of digital learning toward students' satisfaction and university brand image at educational institutes of Pakistan: a post-effect of COVID-19. *Asian Education and Development Studies*. 2021;10(2):276–294.
4. Effah E.A. The Effect of Brand Image on University Preference. *The IUP Journal of Brand Management*. 2020;17(4):41–63.
5. Sultan P., Wong H. How service quality affects university brand performance, university brand image and behavioural intention: the mediating effects of satisfaction and trust and moderating roles of gender and study mode. *Journal of Brand Management*. 2019;(26):332–347.
6. Polyorat K., Preechapanyakul W. University branding: the impact of University personality on University distinctiveness and University identification. *Journal of Critical Reviews*. 2020;7(5):703–709.
7. Damian R., Calvin J. Understanding Digital Marketing: Marketing Strategies for Engaging the Digital Generation. London: Kogan Page; 2012. 304 p.
8. Pang A., Yingzhi Tan E., Song-Qi Lim R., Yue-Ming Kwan T., Bhardwaj Lakhanpal P. Building effective relations with social media influencers in Singapore. *Media Asia*. 2016;43(1):56–68.
9. Freberg K., Graham K., McGaughey K. Who are the social media influencers? A study of public perceptions of personality. *Public Relations Review*. 2011;(37):90–92.
10. Косарева О.Е. Использование социальных медиа как источника информации для анализа имиджа вуза. *Вестник ОрелГИЭТ*. 2013;3(25):69–74.
Kosareva O.E. Using social media as a source of information to analyse the image of the university. *Vestnik OrelGIET = Bulletin OrelGIET*. 2013;3(25):69–74. (In Russ.).
11. Петруша П.Г. Оценка известности брендов российских университетов на международном рынке образования с использованием метрик социальных сетей. *Политический маркетинг*. 2018;6(256):3–11.
Petrusha P.G. Assessment of the brand awareness of Russian universities in the international education market using social media metrics. *Politicheskij marketing = Political Marketing*. 2018;6(256):3–11. (In Russ.).
12. Шевченко Д.А., Локтюшина Ю.В. Эффективность веб-сайтов высших учебных заведений. Методика оценки конкурентоспособности сайта вуза в интернете. М.: ННОУ «МИПК»; 2014. 141 с.
Shevchenko D.A., Loktyushina Yu.V. The effectiveness of higher education websites. Methodology for assessing the competitiveness of a university website on the Internet. Moscow: MIPK; 2014. 141 p. (In Russ.).
13. Евгеньева Т.В., Усманова З.Р. Особенности влияния цифровых коммуникаций на профессиональную культуру и адаптацию студентов социально-политических специальностей. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2018;8(6):12–18.
Evgenieva T.V., Usmanova Z.R. Features of the influence of digital communications on professional culture and adaptation of students of socio-political specialities. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2018;8(6):12–18. (In Russ.).
14. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А. Критерии для рейтингования уровня и качества цифровизации процесса образования в вузах РФ. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2020;25(2):268–283.
Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu., Pyрма R.V., Azarov A.A. Criteria for rating the level and quality of digitalisation of the education process in Russian universities. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorija. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya = Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relationships*. 2020;25(2):268–283. (In Russ.).
15. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Петрова Т.Э., Пырма Р.В., Азаров А.А. Цифровая среда ведущих университетов мира и РФ: результаты сравнительного анализа данных сайтов. *Высшее образование в России*. 2019;28(12):9–22.
Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu., Petrova T.E., Pyрма R.V., Azarov A.A. The digital environment of the leading universities in the world and the Russian Federation: the results of a comparative analysis of these sites. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher education in Russia*. 2019;28(12):9–22. (In Russ.).

16. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н., Синяков А.В. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017;(5):79–141.

Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D. N., Sinyakov A. V. Development of methodology and techniques for intelligent search for digital markers of political processes in social media. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny = Monitoring Public Opinion: Economic and Social Change*. 2017;(5):79–141. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Викторовна Бродовская — доктор политических наук, профессор Департамента политологии, директор Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия
brodovskaya@inbox.ru

Анна Юрьевна Домбровская — доктор социологических наук, профессор Департамента политологии, главный научный сотрудник Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия
an-doc@yandex.ru

Владимир Андреевич Лукушин — лаборант-исследователь Центра политических исследований, студент 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
lukushin@aol.com

ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Brodovskaya — Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Sciences, Director of the Centre for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia
brodovskaya@inbox.ru

Anna Yu. Dombrovskaya — Doctor of Sociology, Professor, Department of Political Sciences, Chief Researcher at the Centre for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia
an-doc@yandex.ru

Vladimir A. Lukushin — Research Assistant, Centre for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia
lukushin@aol.com

Заявленный вклад авторов:

Е.В. Бродовская — общее руководство исследованием, формулирование проблемного поля исследования, редактирование текста.

А.Ю. Домбровская — формулирование теоретико-методологической основы, проведение обзора исследований по проблеме.

В.А. Лукушин — сбор данных: реализация когнитивного картирования и киберметрического анализа, работа над результатами и выводами.

Authors' declared contribution:

E. V. Brodovskaya — general research management, formulation of the problem field of research, text editing.

A. Yu. Dombrovskaya — formulating a theoretical and methodological basis, reviewing research on the problem.

V. A. Lukushin — data collection: implementation of cognitive mapping and cybermetric analysis, work on the results and conclusions.

Статья поступила 10.10.2021; принята к публикации 05.11.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.10.2021; accepted for publication on 05.11.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-94-99
УДК 32(045)

Влияние пандемии коронавируса на возобновление конфликта в Нагорном Карабахе

Д. Хаше^а, М. Абдоллахи^б

^а Тегеранский университет, Тегеран, Иран

^б Университет Алламеха Табатабаи, Тегеран, Иран

АННОТАЦИЯ

Пандемия COVID-19 затронула все сферы человеческой жизни на трех уровнях: национальном, региональном и международном. Конфликт в Нагорном Карабахе, который, как ожидалось, во время пандемии коронавируса будет менее напряженным, чем в предыдущие годы, напротив, стал еще острее. Он вступает в новую фазу с продолжительной войной и наибольшим количеством жертв. В данной статье предпринята попытка дать ответ на вопрос: какую роль пандемия коронавируса сыграла в инициировании и усилении недавнего конфликта в Карабахском регионе? Авторы предполагают, что пандемия коронавируса в качестве катализатора оказала значительное влияние на эскалацию нагорно-карабахского конфликта, который привел к самым высоким человеческим жертвам за последние три десятилетия.

Ключевые слова: Армения; Азербайджан; Нагорный Карабах; вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе; вторая карабахская война; пандемия COVID-19

Для цитирования: Хаше Д., Абдоллахи М. Влияние пандемии коронавируса на возобновление конфликта в Нагорном Карабахе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):94-99. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-94-99

ORIGINAL PAPER

The Impact of the Coronavirus Pandemic on the Resumption of the Conflict in Nagorno-Karabakh

J. Khashe^a, M. Abdollahi^b

^a University of Tehran, Tehran, Iran

^b Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran

ABSTRACT

The Covid-19 virus pandemic has affected all areas of human life in the past year at three levels: national, regional, and international. The frozen Nagorno-Karabakh conflict was expected to be less intense during the corona pandemic than in previous years. On the contrary, during the coronavirus pandemic, it went through its most stressful period. Moreover, it has entered a new phase in its history with the most casualties and the longest war. In this regard, this article seeks to answer the following question in a descriptive-explanatory manner: "What role has the coronavirus pandemic played in initiating and intensifying the recent conflict in the Karabakh region?". Therefore, to answer the article's central question, the authors presented the hypothesis in this way. Although important national and regional factors contributed to the escalation of these tensions, the coronavirus pandemic as a catalyst had a significant impact on the escalation of the Nagorno-Karabakh conflict, which had the highest human cost in the last three decades.

Keywords: Armenia; Azerbaijan; Nagorno-Karabakh; armed conflict in Nagorno-Karabakh; the second Karabakh war; pandemic COVID-19

For citation: Khashe J., Abdollahi M. The impact of the coronavirus pandemic on the resumption of the conflict in Nagorno-Karabakh. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):94-99. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-94-99

INTRODUCTION

The South Caucasus region has geopolitical, geostrategic, and geocultural importance for various regional and trans-regional actors. Geopolitically, the balance of power traditionally created between the Russian-Armenian blocs, on the one hand, and the United States-Turkey-Azerbaijan-Georgia bloc, on the other, is changing. New actors such as Israel, India and Pakistan have now been added to the blocs. Iran has taken an active approach, and Baku is prone to Moscow. Strategically, the South Caucasus serves as a corridor for regional oil and gas pipelines to European and world markets. In terms of geoculture, the Caucasus is affected by fabricated cultural conflicts (Armenian-Azeri, Islamic-Christian) that create contradictory political contexts. As a result, many international actors (Russia, Iran, Israel, Turkey, and the West — the United States, France, and the European Union) are interested in managing the Nagorno-Karabakh conflict. Thus, different approaches have complicated and intensified tensions in the Nagorno-Karabakh conflict over the past year.

In addition to the above factors, a phenomenon such as a coronavirus, which created significant restrictions on communication between countries, strengthened the view of countries inward and intensified nationalism. Under these circumstances, what is expected to happen in international relations is the increase of nationalist tendencies in countries to preserve national interests. And, of course, the negative security, political and economic consequences of such a trend in international relations can be expected [1].

As a result of this situation, the possibility of instrumental abuse of this crisis by regional and trans-regional actors, and consequently, the possibility of intensifying regional conflicts, increased significantly. The coronavirus pandemic also restricted individual freedoms and international supervision within the South Caucasus [1].

In this situation, the second Karabakh war started on an immense scale. When the Nagorno-Karabakh conflict restarted on 27 September 2020, the world was distracted by the widespread COVID-19 epidemic. All countries were confused to some extent about how to control the disease. In this status, the Republic of Azerbaijan paralyzed the Armenian Defense Forces with drone strikes and artillery attacks on civilian areas in the Nagorno-Karabakh region. In response, Armenian forces fired rockets at civilian areas in the Republic of Azerbaijan.

This war was the most significant conflict between the two countries in the history of the Nagorno-Karabakh conflict [2]. The severity of the clashes through all the lines, the duration of the fighting for about six weeks, and the number of weapons used all made this war an utterly different conflict in the history of the Nagorno-Karabakh conflict despite the spread of a coronavirus. This widespread war continued as all three sides of the conflict were fighting against the coronavirus, making it very difficult for its inhabitants in the conflict zones.

THEORETICAL FRAMEWORK

The coronavirus outbreak has shown us that, as neorealist insists, governments remain the most important actors in the international system, as governments are at the forefront of policy-making and decision-making to deal with such a crisis due to their abundant resources and high mobilizing power.

Realists believe that the world will see the revival and return of the nation-state and the strengthening of its power because realists have long been critical of liberal globalization, arguing that interdependence cannot change the anarchic nature of the international system and politics. The United States or the European Union was a sign of a return to nationalism and mercantilism, and the corona crisis will reinforce this trend [3].

Based on survival and self-reliance motifs, the coronavirus is in the scope of environmental security as an existential threat to human life. Its political implications can be examined in the context of the performance of governments. In different societies, individuals want governments to intervene in the threat of coronavirus, and it is expected that governments will respond to its biological threats [3].

While emphasizing the lack of central authority, neorealism places the level of analysis on the international system and believes that the structure of the international system determines the type and rules of the game. Accordingly, the foreign policy of all governments is influenced by systemic factors and, like billiard balls, follow the same laws of geometry and political physics. From the point of view of neorealism, the possibility of cooperation in the anarchic international system is minimal. Although governments may benefit economically from collaboration and convergence, economic gains are overshadowed by political interests. Governments are always concerned about how the benefits of cooperation are distributed, and they are frightened that others will benefit more from the cooperation.

Thus, although the absolute gain of cooperation may be high, what matters to them is the relative gain. If to their detriment, it will prevent cooperation or its continuation. So this is anarchy that limits the amount of cooperation and its scopes.

From the neorealist point of view, the state is the most important threatening and the most important being treated. Thus, stability in the system and international security are possible when global hegemony can control the erring and rebellious parts or blocs. The reason for the necessity of such a factor is that governments are inherently seeking competition and expansionism. These imperialist interests threaten the preservation of the status quo. Another condition for the existence and activity of a powerful and hegemonic government is that under the protection of such stability, international organizations and institutions have the opportunity to be born and developed [4].

There is an approximate consensus that the corona outbreak will bring changes in the international power structure, which we may be beginning to understand and imagine. Mr Richard Hass said the crisis was likely to worsen current US-China relations and weaken European integration. On the positive side, the strengthening of global public health management will be observed. But on the whole, the crisis rooted in globalization will weaken the global desire to deal with it rather than strengthen it [5].

Another threat to global security by this virus is the conflict-affected areas, which unfortunately are primarily located in the Middle East, including Syria, Afghanistan, Yemen and the South Caucasus. Concerns about this situation arise because these countries are waging a “two-sided war” against the virus and the groups involved.

Thus, given the crucial propositions of Neorealism, including strengthening the role of governments in managing the corona crisis, the attention of all governments to national and internal goals and security, the decline of international cooperation and supervision due to the corona pandemic, Neorealism has the conceptual potential to provide a reliable analysis to assess the resumption of the Nagorno-Karabakh conflict. As a result of strengthening the role of governments and the attention of governments to internal issues and national interests, and given the weakening of international supervision, Turkey and the Republic of Azerbaijan were encouraged to start a large-scale conflict in Karabakh. In the same framework and focusing

only on its own interests, Russia cooperated at a superficial level with Armenia. It paved the way for the advancement of the Republic of Azerbaijan.

A BRIEF HISTORY OF THE NAGORNO-KARABAKH CONFLICT

The Nagorno-Karabakh crisis, like many border crises that have long overshadowed regional developments, is a legacy of the imperialist and interventionist policies of the world's small and big powers. Today's divisions in the South Caucasus are the result of Russian-Ottoman rivalry in World War I. These rivalries and the advance of the Ottoman forces in the South Caucasus created the basis for a series of subsequent border disputes in the Caucasus, including the Nagorno-Karabakh conflict [6]. Thus, historically, the origin of the debate in Karabakh dates back to the colonial rivalries between the Russian and Ottoman empires. The recent year's dispute started in 1988 over the Karabakh autonomous region concerns the territorial integrity of the Republic of Azerbaijan and the right of self-determination of the Armenians to choose between Armenia and Azerbaijan. The autonomous Republic of Karabakh declared its independence in 1991. However, it was not recognized by the international community, even Armenia itself. The first Karabakh war lasted from February 1988 to March 1994 in the Karabakh region. Finally, on 24 March 1994, the two sides signed a ceasefire agreement in Bishkek. The agreement lasted in a way that there was neither war nor peace until April 2016. In April 2016, a four-day war broke out between the two sides, in which some small areas were taken out of Armenian control, but the ceasefire was maintained with Russian mediation. Although limited clashes continued on the borders, there were no widespread ceasefire violations. In September 2020, despite the widespread coronavirus pandemic, the 1994-ceasefire agreement was widely violated, and the forces of the Republic of Azerbaijan advanced along the entire border. The main front was the advance of the forces of the Republic of Azerbaijan from the south of the Karabakh region and near the borders of Iran. Three rounds of face-to-face and cyber mediation by Russia and other actors, including the United States, failed during the conflict. After about six weeks of conflict in the most extreme state and the fall of Shushi, and the arrival of the forces of the Republic of Azerbaijan to 5 km from Stepanakert (Khankendi), on 10 November 2020, a new cyber-ceasefire agreement was made between the leaders of Azerbaijan and Armenia by Russia's mediation, and it has lasted so far.

THE SECOND KARABAKH WAR

While the Covid-19 pandemic is currently engaging in world politics, the conflict in Karabakh ended on 10 November after a six-week conflict between Armenia and Azerbaijan with a Russian-mediated peace agreement. During this period, a Russian-mediated ceasefire was declared three separate times on October 10, 18 and 26, but it has been the shortest ceasefire since 1994. After the escalation of the conflict on 27 September, Armenia and Azerbaijan attacked each other's positions, and violence was intensified, resulting in the displacement of tens of thousands of people, the destruction of thousands of buildings and being killed off hundreds of people, including soldiers on both sides. The second Karabakh war was much different from previous wars. During this period, the clashes were more intense than before, and its human cost was the highest in the last three decades. Armenia and Azerbaijan have repeatedly condemned each other for violating the agreement, targeting civilians and bombing residential areas with missiles, and violating a humanitarian ceasefire.

CORONA OUTBREAK IN KARABAKH REGION

Before the war, the self-proclaimed Karabakh Republic managed to control the virus with border controls and strict quarantines. At the same time, the number of corona patients increased in Armenia. In July, health officials opened a new laboratory to test Stepanakert (Khankendi) samples instead of sending them to Armenia.

But as the war broke out, preventive measures such as controlling and quarantining patients with corona were ceased where there were overcrowds in the basements, making the virus spread much easier. Most of the medical capacity was allocated to those injured or wounded at war, and most of the health protocols to deal with coronavirus were abandoned in case of emergency. Border control and crossings were halted, and as a result, two months after the outbreak of the war, coronavirus cases were increased eightfold. Due to the overcrowding in hospitals resulting from the war, many doctors and nurses had to continue working in the hospital and provide services to the wounded despite being infected by coronavirus [7].

The first case of Covid-19 was registered in Armenia in early March 2020, and on 16 March, the country declared a state of emergency. Over the next few months, the number of people with corona disease was increased significantly. But by the end

of the summer, Armenia was able to shift the corona infection curve from ascending to flat. Although the number of cases had risen somewhat due to the opening of schools, the number of new cases reached 328 daily on 26 September, and the country had begun to overcome the global threat. Unfortunately, this success was short-lived, as another epidemic wave started with the Nagorno-Karabakh conflict (<https://ourworldindata.org/coronavirus-data-explorer>).

DIPLOMATIC EFFORTS TO RESOLVE THE CONFLICT DURING CORONA PANDEMIC

During the Covid-19 pandemic, the joint leaders of the OSCE Minsk Group (Organization for Security and Co-operation in Europe) held separate virtual meetings with the foreign ministers of the Republic of Azerbaijan and Armenia. But they could not prevent the escalation of the conflict. The last detailed meeting between the officials of Armenia and Azerbaijan took place on 29 January 2020. The meeting was held between the foreign ministers of Armenia and Azerbaijan within the framework of the Minsk Group along with Igor Popov from Russia, Stephen Visconti from France, Andrew Schoffer from the United States, and Andrzej Kasprzyk as the representative of the Organization for Security and Cooperation in Europe and more than 10 hours of confidential talks took place in two days (www.aa.com.tr). In these meetings, parts discussed the condition for accelerating the negotiations and achieving concrete results in the process of resolving the Nagorno-Karabakh conflict.

On 23 October 2020, during the second Karabakh War, the foreign ministers of Armenia and Azerbaijan met separately in Washington with the US Secretary of State, Mike Pompeo. But this meeting did not affect stopping the war. During the second Karabakh War, the unprecedented three Russian-mediated ceasefire agreements failed, while the two sides accused each other of carrying out intense attacks and violating the agreement [8].

CORONAVIRUS PANDEMIC AND NAGORNO-KARABAKH CONFLICT

The corona pandemic has had four unprecedented consequences in the politics of the Nagorno-Karabakh conflict in the past year:

- 1 – Changing the nature of international diplomacy
- 2 – Weakening the role of civil society

3 – Changing the approach of regional power actors

4 – Cyber Warfare

CHANGING THE NATURE OF INTERNATIONAL DIPLOMACY

The global corona pandemic has changed the nature of international diplomacy. Travel restrictions have made it impossible not only international travel but also “face-to-face” diplomacy, which plays a vital role in reducing tensions. The epidemic stopped traditional “personal” diplomacy and suspended international law [2]. However, cyber diplomacy is underway with its relative achievements, including the 10 November ceasefire agreement in Karabakh to establish a credible format in which effective and confidential negotiations can occur.

WEAKENING THE ROLE OF CIVIL SOCIETY

An essential criterion of diplomacy is the establishment of genuine “people-to-people” dialogue and civil society relations in creating peace, which the limitations of the corona pandemic severely prevented from such diplomacy in the Nagorno-Karabakh region. In recent years, through the initiative of the European Union, European Partnership for the Peaceful Settlement of the Conflict over Nagorno-Karabakh to reduce ethnic hatred and pave the way for peace in the Nagorno-Karabakh conflict, various meetings were held between journalists, civil society activists, students, and even ordinary people of Azerbaijan and Armenia (www.ngo-monitor.org/). These meetings were very useful in changing the attitudes of the two countries towards each other, reducing ethnic hatred, and creating a platform for more effective political dialogue (www.c-r.org/our-work-in-action/supporting-creative-thinking-across-armenian-azerbaijani-divide). The Karabakh Contact Group, headquartered in the United Kingdom, was a non-governmental organization that was active in the field and had made extensive efforts before the corona pandemic. But with the corona outbreak, all of these programs were suspended.

CHANGING THE APPROACH OF REGIONAL POWER ACTORS

Suspension of international diplomacy changes the network of regional power actors. Armenia and Azerbaijan are rethinking national security priorities and investing in the latest military technologies [2]. They have been investing in

various weapons for more than a decade; they are increasing the number of new weapons, drones and missiles. While the Republic of Azerbaijan has established a “strategic partnership” with Israel and is developing relations with Pakistan, we are witnessing the formation of the triangle of Turkey, the Republic of Azerbaijan and Pakistan in the South Caucasus. In March 2020, Armenia purchased radar systems worth 40 million dollars from India

CYBER WARFARE

Unprecedented inhuman activities have become commonplace during the corona pandemic, which highlights cyber warfare. International reports show that both sides are using high-tech warfare, including artillery, tanks, drones and fighter jets, against residential areas. During the epidemic, a small-scale local conflict has become a much larger-scale cyber warfare that undoubtedly includes more civilian reasons. Cyber-warfare is overcoming cyber-diplomacy, which has brought all sides to a dead end at the national, regional, and international levels.

CONCLUSION

The corona-virus pandemic has affected all aspects of social, economic and political life worldwide in the past year. The South Caucasus region has not been an exception. The Nagorno-Karabakh conflict was not expected to escalate as in previous years. However, we observed the most intense battle in the history of the Nagorno-Karabakh conflict, where they used various weapons in terms of volume, technology and intensity of the fire. In terms of concepts taken from Neorealism, coronavirus brought about significant changes in the international arena and, consequently, in the region, which directly impacted the Nagorno-Karabakh conflict. Corona has established four important consequences, including changing the nature of international diplomacy, weakening the role of civil society, changing the approach of regional power actors and cyber warfare in Nagorno-Karabakh conflict through restricting direct communication between countries, strengthening nationalist tendencies, highlighting the role of governments in the international system, strengthening the survival-oriented view and self-reliance among governments, limiting cooperation in the anarchic international system and reducing international supervision.

REFERENCES

1. Abdolvahab F. The Consequences of the Corona Crisis in International Relations. URL: <http://iict.ac.ir/1399/08/cronabeinolmelal>
2. Gol A. The Conflict in Nagorno-Karabakh and the Impact of COVID-19 on International Diplomacy. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/lseih/2020/11/11/the-conflict-in-nagorno-karabakh-and-the-impact-of-covid-19-on-international-diplomacy/>
3. Torabi M. Explaining the security threat of Covid-19 from the perspective of neorealism, Iranian diplomacy. URL: <http://irdiplomacy.ir/fa/news/1993847/>
4. Nasri G. Method of Cognition in the School of Neorealism. *Quarterly Journal of Strategic Studies*. 2007;(2).
5. Fukuyama F. The Pandemic and Political Order. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-06-09/pandemic-and-political-order>
6. Bayat K. Iran and the Nagorno-Karabakh conflict, Shargh newspaper. 19 October, 2020.
7. Chick K. In Nagorno-Karabakh, people grapple with war's aftermath and COVID-19. URL: <https://www.nationalgeographic.com/history/article/nagorno-karabakh-people-grapple-war-aftermath-covid>
8. Tidey A. COVID-19 has 'weakened' the case for the EU, say Germans, French and Italians. URL: <https://www.euronews.com/2020/05/26/covid-19-has-weakened-the-case-for-the-eu-say-germans-french-and-italians>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Джафар Хаше — директор Фонда кавказских исследований, аспирант по регионоведению, Тегеранский университет, Тегеран, Иран
jkhashe@ut.ac.ir

Муса Абдоллахи — член научного совета университета Алламеха Табатабаи, Тегеран, Иран
mabdollahi@atu.ac.ir

ABOUT THE AUTHORS

Jaafar Khashe — Director of the Caucasus Studies Foundation, PhD student in Regional Studies, University of Tehran, Tehran, Iran
jkhashe@ut.ac.ir

Mousa Abdollahi — Member of the Scientific Council at the Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran
mabdollahi@atu.ac.ir

Статья поступила 12.10.2021; принята к публикации 30.10.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.10.2021; accepted for publication on 30.10.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-100-105
УДК 336.774(045)

Хищническое кредитование в России: данные опроса

Н.Д. Фролова

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-3696-2688>

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется проблема распространения практик хищнического потребительского кредитования в российских коммерческих банках. Актуальность данной темы обуславливается крайне негативными последствиями: увеличением социального неравенства и социальной напряженности, замедлением роста национальной экономики и др. В статье приведены результаты опроса, подтверждающие широкое распространение приемов недобросовестного кредитования в практике коммерческих банков. Автор выдвигает гипотезу о том, что к основным причинам распространения хищнического кредитования относится повсеместное использование системы мотивации банковского персонала, ориентированное на выполнение плана продаж отдельных банковских продуктов, и жесткое управление, что характерно для российского менеджмента. В статье предложены рекомендации по противодействию распространению практик хищнического кредитования. Она может быть полезна для исследователей, интересующихся проблематикой банковского кредитования, банковских сотрудников, служащих ЦБ и других надзорных органов.

Ключевые слова: хищническое кредитование; недобросовестные продажи; риск недобросовестного поведения; мисселинг; потребительское кредитование; результаты опроса

Для цитирования: Фролова Н.Д. Хищническое кредитование в России: данные опроса. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):100-105. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-100-105

ORIGINAL PAPER

Predatory Lending in Russia: Survey Data

N.D. Frolova

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3696-2688>

ABSTRACT

In this paper, the author explores the problem of the expansion of predatory consumer lending practices in Russian commercial banks. The relevance of the problem of predatory lending is due to the highly negative consequences of its spread, which include an increase in social inequality, excessive growth of the debt burden of the population, the slowdown of national economic growth, the growth of social tensions. The article presents the results of a survey confirming the widespread practices of unscrupulous lending in the practice of commercial banks. The author hypothesizes that the main reasons for the spread of predatory lending include the widespread use of bank staff motivation systems, focused on the fulfilment of the sales plan for individual bank products, and the rigid management characteristic of Russian management. The article offers recommendations for counteracting the spread of predatory lending practices. The article may be helpful for researchers interested in the problems of bank lending, bank employees, employees of the Central Bank and other supervisory bodies.

Keywords: predatory lending; unfair sales; risk of dishonest behaviour; misselling; consumer lending; survey results

For citation: Frolova N.D. Predatory lending in Russia: Survey data. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):100-105. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-100-105

ВВЕДЕНИЕ

В экономической литературе не существует единого подхода к определению хищнического кредитования (далее — ХК). Под хищническим кредитованием понимаются «метод кредитования, способствующий чрезмерному обременению заемщиков, ведущему к утрате имеющихся у заемщика накоплений и других активов» [1] и потребительские кредиты, соответствующие хотя бы одной из следующих характеристик: агрессивный маркетинг, пренебрежительное отношение к оценке платежеспособности заемщика, высокие процентные ставки, расходы, не приносящие пользы заемщику, штрафы за досрочное погашение или некорректный учет рисков [2]. Суть ХК в том, что кредитор, преследуя цель максимизации прибыли, навязывает заемщику заведомо невыгодные условия. К признакам ХК также относятся затруднительная для понимания заемщиком подача информации, навязывание дополнительных продуктов, втягивание в «долговую яму». Доказать тот факт, что банк склонен к ХК, проблематично, однако распространенность хищнических практик уже вызывает обеспокоенность надзорных органов [3]. Сейчас ХК редко является сверхдорогим, если оценивать кредит по процентной ставке или полной стоимости, но с учетом навязанных услуг расходы заемщика существенно возрастают, что ведет к чрезмерному обременению. При чрезмерной долговой нагрузке покупательская способность населения падает, происходит сокращение потребительского спроса, увеличивается неравенство доходов, что негативно сказывается на экономическом росте [4], сокращает возможности населения по инвестированию в человеческий капитал [5].

Как отмечалось на страницах данного журнала, потребительское кредитование в условиях недостаточной осведомленности заемщиков (а это один из признаков ХК) «ведет к возникновению социальных рисков неисполнения долговых обязательств, снижению уровня жизни, несоблюдению принципа равенства возможностей граждан» [6]. Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц относит ХК к одному из механизмов «получения богатства путем эксплуатации» [7], усугубляющему социальное неравенство за счет перераспределения доходов в пользу наиболее богатых и малочисленных слоев населения.

С целью оценки распространенности практик ХК в России в сети Интернет в период с 23 августа по 12 сентября 2021 г. был проведен социологический опрос: «К вопросу о недобросовестном кредитовании в российских банках».

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА

В опросе участвовал 131 чел. Наибольшая часть опрошенных, 94 чел. (71,8%), имели опыт использования кредитных продуктов коммерческих банков. Результаты опроса свидетельствуют, что наиболее популярен среди потребителей кредитных услуг Сбербанк России, на втором месте — Тинькофф Банк, на третьем — ВТБ и Альфа Банк (рис. 1).

Современные исследователи отмечают, что в российских коммерческих банках распространена практика навязывания страховых услуг при оформлении кредитных продуктов [8, 9], что подтверждается результатами проведенного опроса. Среди респондентов, пользовавшихся кредитами, 44% отметили, что для них оформление страховки было обязательно, из них 76% сообщили об отсутствии права выбора страховой компании, 23% респондентов, имеющих опыт кредитования, указали, что страхование не было обязательным, однако банковские сотрудники настаивали на его оформлении (рис. 2). Отметим, что 76% респондентов не считают для себя полезным оформление страхования при получении кредита.

Наиболее сложно выявить такие признаки ХК, как искажение информации или предоставление неполных сведений о кредитном продукте. Большинство (60%) респондентов высоко оценивают качество консультаций, но 30% отметили, что объяснения сотрудника были сложными и запутанными, 7% указали на неполноту полученной информации и 3% подчеркнули, что информация о кредитном продукте была искажена (рис. 3).

Банки активно используют техники перекрестных продаж, — предполагается, что с их помощью подбираются услуги, отвечающие интересам клиентов. На практике же сотрудники, обслуживающие клиентов (front-office), имеют установленные планы продаж банковских продуктов, от выполнения которых зависит их доход, и предлагают те продукты, которые необходимо продвигать для выполнения плана. Для оценки механизма перекрестных продаж в анкете был предусмотрен ряд вопросов. 67% респондентов указали, что им предлагали дополнительный банковский продукт, из них 35% согласились на его оформление; 64% согласившихся не считают дополнительную услугу полезной и отметили, что в связи с ее оформлением понесли дополнительные расходы. Наиболее часто в качестве дополнительного продукта предлагают кредитные карты. Характерный признак ХК — предоставление кредита несоразмерного платежеспособности заемщика. Респонденты оценили работу банков по учету долговой нагрузки следующим образом:

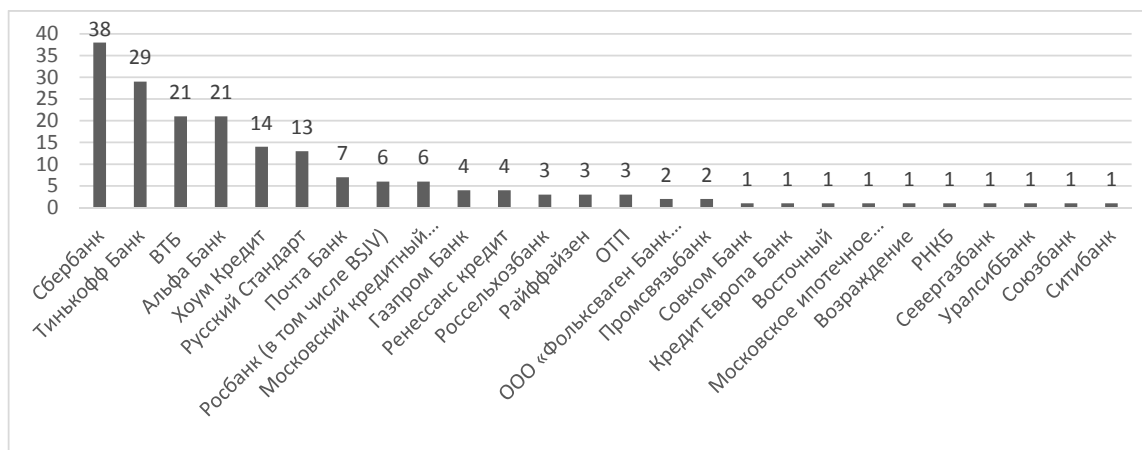

Рис. 1 / Fig. 1. **Банки, кредитными продуктами которых пользовались респонденты (количество человек) / Banks whose credit products were used by respondents (number of people)**

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание: респонденты могли отметить несколько банков и указать банк, не предложенный в списке ответов / Note: respondents could have checked several banks and indicated a bank not suggested in the answer list.

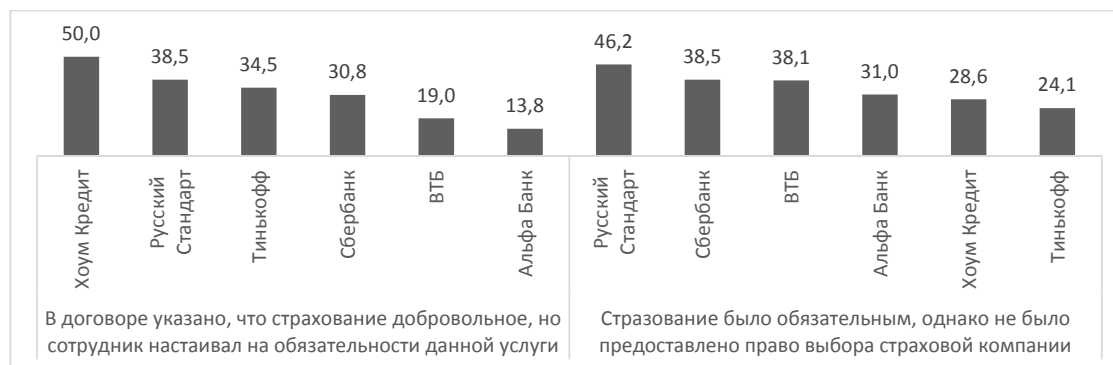

Рис. 2 / Fig. 2. **Доля респондентов, пользовавшихся кредитными продуктами коммерческих банков, которые отметили случаи некорректной продажи страховых услуг при оформлении кредита, в разбивке по банкам, % / The share of respondents who used credit products of commercial banks and noted cases of incorrect sale of insurance services when applying for a loan, broken down by banks, %**

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Примечание: здесь и далее на диаграммах представлены только те банки, услугами которых воспользовалось более 10 респондентов / Note: From now on, the diagrams show only those banks whose services were used by more than ten respondents.

1) 60% выбрали ответ: «Банк всегда взвешенно оценивает мою платежеспособность, платежи по кредитам никогда не были для меня чрезмерно обременительными»;

2) 27% отметили, что банк склонен переоценивать их платежеспособность, предоставляя кредит, платежи по которому существенно сокращают их возможности и возможности семьи заемщика;

3) 13% сообщили, что банк уделяет недостаточно внимания платежеспособности, предоставляя кредитные продукты, выплаты по которым ложатся на семейный бюджет чрезмерным бременем, что снижает уровень жизни.

Безусловно, оценка респондентов субъективна. Тем не менее гипотеза о том, что банки

склонны вовлекать заемщиков в чрезмерные заимствования, подтверждается широким распространением практики предложения кредитных средств сверх лимита, запрошенного заемщиком: 48% респондентов отмечали, что банк при оформлении кредита предлагал увеличить его размер.

Широкое распространение различных приемов, характерных для ХК, сформировало негативный образ российских коммерческих банков, что подтверждается следующими мнениями респондентов:

1) только 9% считают, что российские банки придерживаются политики ответственного кредитования;

Рис. 3 / Fig. 3. Доля респондентов, пользовавшихся кредитными продуктами коммерческих банков, которые отметили случаи некорректной консультации при оформлении кредита, в разбивке по банкам, % / The share of respondents who used credit products of commercial banks and noted cases of incorrect consultation when applying for a loan, broken down by bank, %

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

2) 34% отмечают, что российские банки выстраивают бизнес, не ориентируясь на интерес клиентов, но и не ущемляя его;

3) 56% считают, что российские банки стремятся к максимальному увеличению прибыли за счет эксплуатации своих клиентов.

Существенное снижение лояльности россиян к коммерческим банкам отмечено во всероссийском исследовании аналитического центра НАФИ*.

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

При интерпретации полученных результатов в условиях небольшого объема исследовательской выборки и возможных из-за этого погрешностях следует соблюдать осторожность, тем не менее, полученные результаты позволяют предположить, что проблема ХК российскими коммерческими банками является весьма острой.

Традиционно считается, что в основе ХК лежит проблема асимметрии информации [10, 11]: заемщик не располагает сведениями, необходимыми для объективной оценки соответствия риска по своему кредиту его стоимости; заемщик может не знать о добровольном характере навязываемых ему

услуг и т.д. Решению данной проблемы будет способствовать повышение финансовой грамотности населения, но, как отмечается в исследовании [12], существует также другая проблема, затрудняющая полноценное информационное взаимодействие между клиентами банка и его сотрудниками — низкий уровень квалификации банковских сотрудников, что в сочетании с давлением со стороны руководства, направленным на выполнение плановых показателей продаж, существенно усугубляет проблему ХК.

Важно понимать, что в основе проблемы «агрессивных банковских продаж», навязывания банковских продуктов лежит молчаливое согласие или даже одобрение и поощрение такой модели со стороны банковского руководства, устанавливающего планы продаж. Чтобы решить данную проблему, необходимо действовать «сверху», регулируя кредитную политику коммерческих банков. Некоторые шаги в данном направлении уже предпринимаются Банком России (например, введение показателя долговой нагрузки, развитие поведенческого надзора), однако этих мер явно недостаточно.

Инструментом, с помощью которого принципы ХК насаждаются рядовым банковским сотрудникам, является система мотивации, привязанная к показателям продаж [13, 14], и приверженность менеджмента к жесткому авторитарному стилю управления, порождающему страх перед начальством

* NPS-2020. Лояльность пользователей розничных банковских услуг. Результаты всероссийского исследования. URL: <https://nafi.ru/projects/finansy/nps-2020-loyalnost-klientov-rozничnykh-bankovskikh-uslug/>.

[15], что согласуется с результатами отечественных и зарубежных исследований [9, 13, 14]. Доля дохода, зависящая от выполнения плана продаж, может составлять до 70% совокупного ежемесячного дохода сотрудника front-office, ее утрата ставит сотрудника в финансово уязвимое положение, что неизбежно порождает риск недобросовестного поведения, который является значительным источником системного риска при широком распространении в отрасли [16]. Важную роль в управлении риском недобросовестного поведения играют механизмы корпоративного управления (далее — КУ).

Характерный для развитых стран стейкхолдерский подход в КУ, направленный на учет интересов не только акционеров, но и всех заинтересованных сторон, должен препятствовать продвижению

практики ненадлежащего поведения. К сожалению, в России слишком мало предпосылок для развития стейкхолдерской модели: она достаточно слабая [15]. Часто системы КУ в российских компаниях, и в банках в том числе, носят имитационный характер. Между тем, именно совет директоров, как элемент системы КУ, имеющий в своем составе комитеты по аудиту и по кадрам и вознаграждением, мог бы быть тем контролирующим звеном, препятствующим распространению практик ХК, однако для этого необходимо в первую очередь признание наличия данной проблемы.

ХК представляет собой опасное явление, игнорирование которого может привести к совершенно непредвиденным событиям, способным существенно замедлить развитие нашей страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Crossney K. B. Who's at-risk? A case study of the demographic and socioeconomic characteristics of census tracts experiencing predatory and abusive mortgage lending in Philadelphia. *Geoforum*. 2017;(81):129–143. URL: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2017.02.013>.
2. Hill R. P., Kozup J. C. Consumer Experiences with Predatory Lending Practices. *Journal of consumer affairs*. 2007;41(1):29–46. DOI: 10.1111/j.1745–6606.2006.00067.x
3. Зубков И. Маркелов Р. Сокращение строптивых. URL: <https://rg.ru/2021/02/18/elvira-nabiullina-poobeshchala-pokonchit-s-hishchnicheskimi-shemami-bankov.html>
4. Berisha E., Meszaros J. Household debt, expected economic conditions, and income inequality. *International Journal of Finance & Economics*. 2018;(23):283–295. URL: <https://doi.org/10.1002/ijfe.1616>
5. Ниворожкина Л. И. Воздействие потребительского кредитования на условия формирования человеческого капитала у детей из малообеспеченных семей. *Учет и статистика*. 2015;1(37):88–94.
6. Разов П. В., Штепа С. Е. Социальные риски потребительского кредитования студенческой молодежи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(4):106–110. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-106-110>
7. Стиглиц Дж. Люди, власть и прибыль: Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. М.: Альпина Паблишер; 2020. 430 с.
8. Ларионова Н. П. От мисселинга к экосистемам в банковской среде? *Агропродовольственная политика России*. 2021;(1–2):21–25.
9. Свиридов О. Ю., Некрасова И. В. Мисселинг как основная форма недобросовестных продаж финансовых продуктов в России: причины и способы противодействия. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2018;(4):134–138. DOI: 10.22394/2079–1690–2018–1–4–134–138.
10. Renuart E. An overview of the predatory mortgage lending process. *Housing Policy Debate*. 2004;15(3):467–502. DOI: 10.1080/10511482.2004.9521511
11. Bond P., Musto D. K., Yilmaz B. Predatory mortgage lending. *Journal of Financial Economics*. 2009;94(3):412–427. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jfineco.2008.09.011>
12. Аликперова Н. В. Формирование финансово грамотного поведения населения: риски и условия безопасности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):86–91. DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–3–86–91
13. Brannan M. Power, Corruption and Lies: Mis-selling and the Production of Culture in Financial Services. *Human Relations*. 2017;(70):641–667. DOI: 10.1177/0018726716673441/
14. Laaser K. “Customers were not objects to suck blood from”: Social relations in UK retail banks under changing performance management systems. *Industrial Relations Journal*. 2019;50(5–6):532–547. DOI: 10.1111/irj.12267
15. Беликов И. В. Совет директоров компании: новый подход. М.: Де’Либри; 2019. 506 с.
16. Skinner C. P. Misconduct Risk. *Fordham Law Review*. 2016;84(4):1559–1610.

REFERENCES

1. Crossney K.B. Who's at-risk? A case study of the demographic and socioeconomic characteristics of census tracts experiencing predatory and abusive mortgage lending in Philadelphia. *Geoforum*. 2017;81:129–143. URL: <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2017.02.013>.
2. Hill R. P., Kozup J. C. Consumer Experiences with Predatory Lending Practices. *Journal of consumer affairs*. 2007;41(1):29–46. DOI: 10.1111/J.1745–6606.2006.00067.X
3. Zubkov I. Markelov R. Reducing the Stroopers. *Rossiiskaya Gazeta = Russian Newspaper*. 2021;36(8387). URL: <https://rg.ru/2021/02/18/elvira-nabiullina-poobeshchala-pokonchit-s-hishchnicheskimi-shemami-bankov.html> (cited 2021 Sep 29). (In Russ.).
4. Berisha E., Meszaros J. Household debt, expected economic conditions, and income inequality. *International Journal of Finance & Economics*. 2018;23:283–295. URL: <https://doi.org/10.1002/ijfe.1616>
5. Nivorozhkina L.I. Impact of consumer lending on conditions of forming human capital assets in disadvantaged children. *Uchet i statistika = Accounting and Statistics*. 2015;1(37):88–94. (In Russ.).
6. Razov P.V., Shtepa S.E. Social Risks of Consumer Credit Students. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(4):106–110. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.26794/2226–7867–2019–9–4–106–110>
7. Stiglitz J. *People, Power and Profit: Progressive Capitalism in the Age of Mass Discontent*. Moscow: Alpina Publisher; 2020. 430 p. (In Russ.).
8. Larionova N.P. From misselling to ecosystems in the banking environment? *Agroprodovol'stvennaya politika Rossii = Agro-food policy in Russia*. 2021;1–2:21–25 (In Russ.).
9. Sviridov O. Yu. Nekrasova I.V. Misseling as the primary form of unfair sales of financial products in Russia: reasons and ways of counteraction. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal management. Scholar notes*. 2018;4:134–138. (In Russ.). DOI: 10.22394/2079–1690–2018–1–4–134–138.
10. Renuart E. An overview of the predatory mortgage lending process. *Housing Policy Debate*. 2004;15(3):467–502. DOI: 10.1080/10511482.2004.9521511
11. Bond P., Musto D.K., Yilmaz B. Predatory mortgage lending. *Journal of Financial Economics*. 2009;94(3):412–427. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jfineco.2008.09.011>
12. Alikperova N.V. Formation of Financially Competent Behaviour of the Population: Risks and security Conditions. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):86–91. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.26794/2226–7867–2020–10–3–86–91> DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–3–86–91
13. Brannan M. Power, Corruption and Lies: Misselling and the Production of Culture in Financial Services. *Human Relations*. 2017;70:641–667. DOI: 10.1177/0018726716673441
14. Laaser K. 'Customers were not objects to suck blood from': Social relations in the U.K. retail banks under changing performance management systems. *Industrial Relations Journal*. 2019;50(5–6):532–547. DOI: 10.1111/irj.12267
15. Belikov I.V. *Company Board of Directors: a new approach*. Moscow: De'Libri; 2019. 506 p. (In Russ.).
16. Skinner C.P. Misconduct Risk. *Fordham Law Review*. 2016;84(4):1559–1610.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Надежда Дмитриевна Фролова — научный сотрудник Института экономики Российской академии наук, Москва, Россия
nrasskazikhina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda D. Frolova — Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (IE RAS), Moscow, Russia
rasskazikhina@yandex.ru

Статья поступила 15.10.2021; принята к публикации 05.11.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.10.2021; accepted for publication on 05.11.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-106-112
УДК 061.213(045)

Научно-исследовательская кооперация молодежных российских и зарубежных организаций: механизмы стимулирования и перспективы развития

Л. В. Приходько^а, А. В. Середина^б

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-4548-1421>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-4486-6634>

АННОТАЦИЯ

Вопросы развития научно-исследовательского потенциала и активного вовлечения молодежи в научно-исследовательскую работу включены в приоритетные задачи развития многих стран, как на государственном, так и институциональном уровне. В настоящем исследовании рассмотрены вопросы формирования научно-исследовательской организации молодежи, проанализированы инструменты стимулирования молодых кадров к ведению исследовательской работы. Глобальный контекст развития современного общества определяет необходимость рассмотрения вопросов международной исследовательской интеграции. В настоящем исследовании описаны практики успешной организации такого взаимодействия, которые могут быть использованы образовательными учреждениями для развития исследовательского потенциала своих выпускников и повышения их конкурентоспособности на глобальном рынке труда.

Ключевые слова: научно-исследовательская кооперация; молодежные научные организации; международные исследовательские проекты; проектно-ориентированное обучение; образовательный стартап

Для цитирования: Приходько Л.В., Середина А.В. Научно-исследовательская кооперация молодежных российских и зарубежных организаций: механизмы стимулирования и перспективы развития. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):106-112. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-106-112

ORIGINAL PAPER

Research Cooperation of Youth Russian and International Organizations: Incentive Mechanisms and Development Prospects

L. V. Prikhodko^а, A. V. Sereda^б

Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-4548-1421>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-4486-6634>

ABSTRACT

The development of research potential and the active involvement of young people in research work are included in the priority development tasks of many countries, both at the state and institutional levels. In this paper, the authors examine the formation of a research organisation of youth, analyses the tools to stimulate young personnel to conduct research. The global context of the development of modern society determines the need to consider issues of international research integration. This paper describes the practices of successful organisation of such interaction, which educational institutions can use to develop the research potential of their graduates and increase their competitiveness in the global labour market.

Keywords: research cooperation; youth scientific organisations; international research projects; project-oriented learning; educational startup

For citation: Prikhodko L.V., Sereda A.V. Research cooperation of youth Russian and international organizations: Incentive mechanisms and development prospects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):106-112. (In Rus.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-106-112

ВВЕДЕНИЕ

Современную научно-исследовательскую деятельность сложно представить при отсутствии кооперационного компонента: ученые все чаще прибегают к совместной работе над общей проблематикой. Согласно исследованию британского издательства Taylor & Francis Group 74% опрошенных редакторов научных изданий отметили, что авторами статей в сфере их профессиональной деятельности, как правило, выступают двое и более исследователей¹. Многие государства за последние 15 лет заметно увеличили долю расходов национального бюджета на НИОКР. Так, согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), среднее значение этого показателя среди ее членов выросло с 2,1 до 2,5% от ВВП². Данные обстоятельства, помимо прочих, свидетельствуют об исключительной важности развития международного сотрудничества в сфере науки и необходимости активного вовлечения в него российских исследователей, однако именно сложности с глобальной интеграцией³ (наряду со старением кадров) [1] выступают одним из наиболее проблемных аспектов, стоящих перед отечественной наукой. В этой связи особую актуальность приобретает поддержка научно-исследовательской кооперации молодежных российских и зарубежных организаций, наиболее перспективными из которых в этом плане являются интегрированные молодежные научные организации (МНО). Данные организации функционируют в структуре иной (как правило, образовательной или научной) организации, осуществляя деятельность на основе ее локальных нормативных актов (например, научные студенческие общества), и обладают необходимыми организационными, человеческими и финансовыми ресурсами для полноценного включения в международное научное сообщество.

¹ Co-authorship in the Humanities and Social Sciences — A global view. URL: <https://authorservices.taylorandfrancis.com/wp-content/uploads/2017/09/Coauthorship-white-paper.pdf>.

² OECD Science, Technology and Innovation Scoreboard]. URL: <https://www.oecd.org/sti/scoreboard.htm>.

³ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

ЗАДАЧИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведенное исследование было нацелено на изучение лучших практик организации научно-исследовательской кооперации молодежи, создания МНО и формирования механизма стимулирования молодежи к совместной исследовательской работе.

Важнейшим условием эффективности международного сотрудничества МНО является разработка действенного механизма стимулирования участия молодежи в научной работе, который должен учитывать реальные факторы мотивации к рассматриваемой деятельности. Согласно социологическим исследованиям роль материальной составляющей при принятии решения о выборе в пользу карьеры ученого далеко не первична, — напротив, молодые граждане высоко оценивают возможность изучать то, что им действительно интересно, приносить общественную пользу, а также творческий характер научной работы [2]. Следует отметить, что в настоящем исследовании респондентам не предоставлялась возможность выбора ответа, означающего желание работать с зарубежными коллегами — вместо этого был представлен вариант «перспективы поработать за рубежом», который не является синонимичным, поскольку может подразумевать как самостоятельный, так и коллективный характер такой работы. В данном контексте задача институциональных структур (головных организаций, а не непосредственно МНО) заключается в создании благоприятных условий для проведения научных исследований, в том числе, путем сочетания материальных и нематериальных способов стимулирования активности своих обучающихся и научно-педагогических работников. Кроме того, приоритет интереса молодых ученых к исследованию как таковому представляется важным в процессе кооперации с зарубежными коллегами, поскольку он способствует успешному разрешению рассмотренной ранее группы исследовательских задач.

В то же время необходимо отметить, что система мотивации не должна основываться на позитивном обязывании молодых ученых к совершению каких-либо действий, подтверждающих факт осуществления ими научных исследований. Как правило, данная система распространяется на работников вузов, в трудовые договоры которых нередко включаются требования по подаче заявок на грантовые

конкурсы или обязательному опубликованию результатов собственных изысканий в научных изданиях (в том числе, входящих в международные библиографические базы Scopus и Web of Science)⁴. Выполнение данных предписаний зачастую носит формальный характер и не удовлетворяет критериям качества научного исследования, что в конечном итоге может приводить к утрате интереса к научной деятельности. Не представляется эффективной и система компенсации расходов на подготовку к публикации статьи в ведущих научных журналах *postfactum*⁵, поскольку она не учитывает средний уровень дохода молодых ученых. Напротив, более справедливой представляется система конкурсного отбора наиболее значимых и качественных научных работ для опубликования в авторитетных научных изданиях: данный подход предполагает предварительную выплату целевого микрогранта исследователю или исследовательскому коллективу для покрытия связанных с этой процедурой расходов.

Кроме того, система стимулирования участия молодежи в научной работе должна охватывать все уровни подготовки обучающихся и избегать чрезмерного уклона в пользу молодых ученых, уже получивших не только высшее образование, но и зачастую имеющих ученую степень. Многочисленные зарубежные публикации последних лет подчеркивают важность поддержки научной работы студентов бакалавриата, чье участие в исследовании зачастую ограничивается поиском и систематизацией первичных данных⁶. Данный опыт нередко приводит к возникновению у студентов состояния фрустрации, вызванной монотонным характером работы и отсутствием возможности проявить творческие качества [3], поэтому задачей МНО и первичной организации является разработка иных форм вовлечения студентов в научную работу с учетом особенностей современного поколения обучающихся [4]. В этой связи следует обратить внимание на существующие модели международной кооперации

МНО, которые, по мнению авторов, могут быть охарактеризованы как лучшие практики⁷.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПОВ PBL

Одной из лучших практик исследовательской кооперации молодежных объединений, получивших широкое распространение в настоящее время, являются инициативы, построенные по принципам проектно-ориентированного обучения (*project based learning* — PBL).

Важным трендом развития высшего образования на протяжении последних лет является разработка образовательных траекторий, формирующих наравне с профессиональными знаниями и умениями так называемые *мягкие навыки*, среди которых, в том числе, навыки решения проблем, командной работы и аналитического мышления — важные компетенции для совместной исследовательской работы молодых специалистов. Современные научно-исследовательские университеты основное внимание фокусируют именно на развитии исследовательских компетенций, однако традиционная модель обучения, в которой обучающиеся выступают реципиентами знания и информации, не позволяет в необходимой мере их развивать [5]. *Проектно-ориентированное обучение (PBL)* — педагогический метод, который позволяет вовлечь обучающихся в учебный процесс за счет выполнения ими реально значимого проекта или исследования. Методика PBL основана на 6 основных признаках:

- нацеленность на решение актуального вопроса;
- нацеленность на результат;
- участие в образовательной деятельности;
- сотрудничество между участниками процесса;
- использование методик управленческого скаффолдинга — метода, позволяющего обучающимся достичь целей, которые находятся за пределами их индивидуальных возможностей;

⁴ Меры по стимулированию активности молодых ученых. URL: <http://www.econ.spbu.ru/ru/news-events/news/merypo-stimulirovaniyu-aktivnosti-molodyh-uchenyh>.

⁵ Программа поддержки научной публикационной активности обучающихся и сотрудников МФТИ на 2021 г. URL: <https://mipt.ru/science/5top100/staff/publications/renumeration.php>.

⁶ Characteristics of Excellence in Undergraduate Research by Council on Undergraduate Research. URL: https://www.cur.org/assets/1/23/COEUR_final.pdf.

⁷ Под лучшей практикой предлагается понимать метод или методику, продемонстрировавшие устойчивое достижение высоких результатов, превосходящих результаты альтернативных практик, и тем самым получивших признание в качестве высокоэффективных и рекомендованных для изучения и применения.

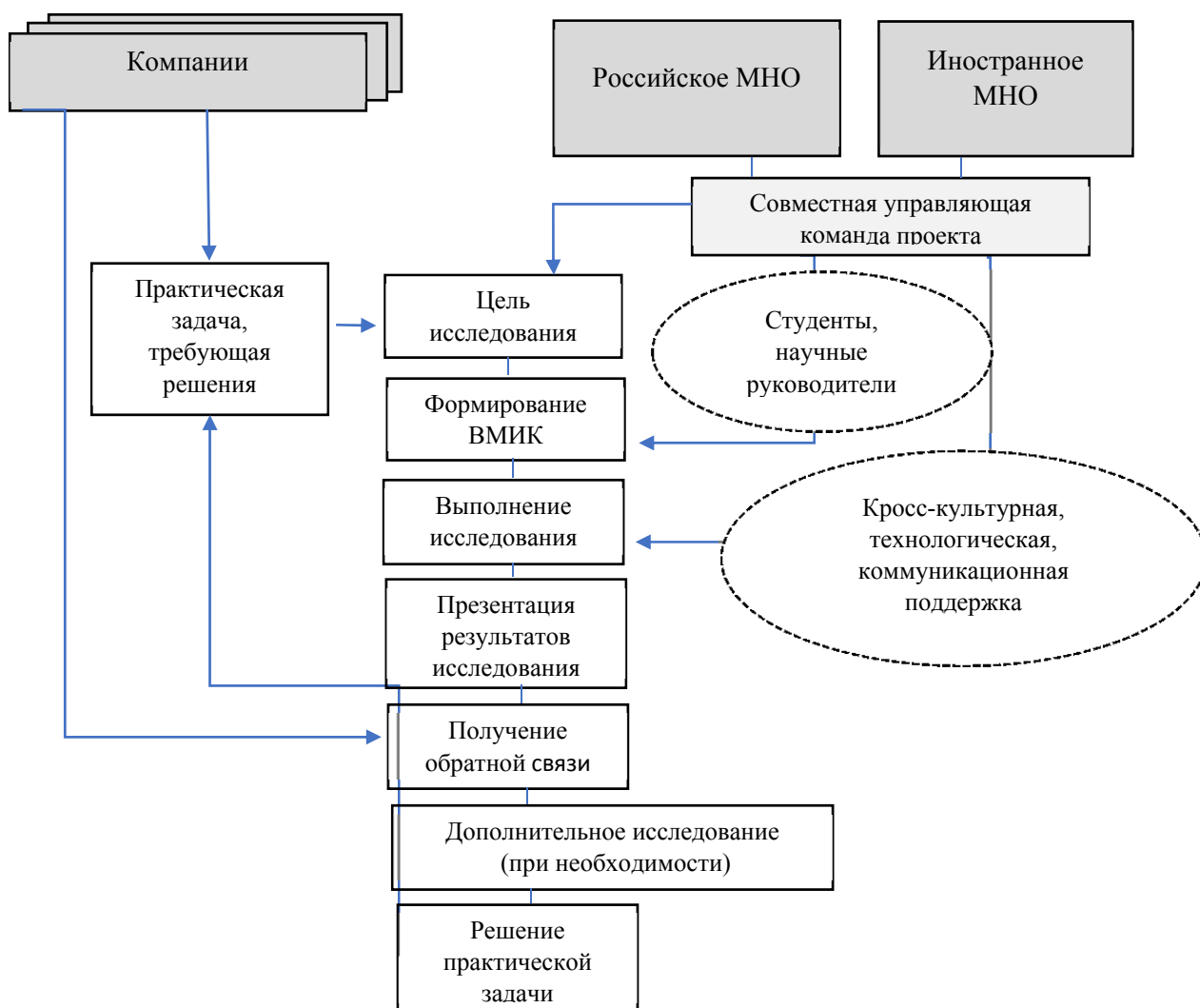

Рис. / Fig. Схема организации совместного PBL-проекта между российской и иностранной МНО / Scheme of organising a joint PBL project between a Russian and a foreign MNO

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

- создание конкретных исследовательских результатов.

Среди всех характеристик PBL наиболее значимой является создание решений конкретных аутентичных проблем (задач), что отличает эту методику от, например, проблемно-ориентированного обучения. Этот подход требует от участников нахождения решения конкретной проблемы в процессе поиска, интеграции информации и создания нового знания при поддержке и наставничестве опытных специалистов. Анализ различных PBL-кейсов показывает, что применение данного метода наиболее целесообразно в случае горизонтальной модели научно-исследовательского сотрудничества. Российско-американский проект совместных научных исследований студентов

(далее – Проект), реализуемый Финансовым университетом при Правительстве РФ (далее – Финуниверситет) и Вустерским политехническим институтом США (далее – WPI) демонстрирует успешное и устойчивое применение принципов PBL в разрезе исследовательской кооперации молодежных коллективов.

Основной целью Проекта является стимулирование исследовательской деятельности молодежи за счет организации кооперации американских и российских студентов, совместно работающих над решением по актуальным в мировой экономике вопросам на основе синергетического эффекта объединения экспертизы технологического профиля WPI и финансово-экономической экспертизы Финуниверситета. За более чем 8 лет своей

реализации Проект привлек более 160 исследователей из России и США для решения 24 актуальных задач конкретных бизнес-кейсов. Бизнес-кейсы в рамках Проекта были представлены компаниями на основе конкретных, актуальных задач, требующих решения. За время реализации Проекта были исследованы и решены задачи таких компаний, как Mail.ru Group, сеть отелей Radisson, Благотворительный фонд «Долголетие», консалтинговая компания Deloitte и другие.

На рисунке представлена схема организации совместного PBL-проекта WPI и Финуниверситета.

Важные особенности Проекта:

- он нацелен на развитие исследовательской активности молодежи, в качестве исследователей выступают студенты WPI и Финуниверситета;
- реализуется Временным международным исследовательским коллективом (ВМИК), сформированным из молодых исследователей и научных руководителей от американской и российской сторон;
- представляет собой горизонтальное исследовательское сотрудничество, объединяющее технологическую экспертизу WPI и финансово-экономическую экспертизу Финуниверситета;
- принципы проектного обучения на реальных бизнес-кейсах компаний значительно повышают исследовательскую мотивацию студентов;
- создание совместной управляющей команды проекта позволяет обеспечить коммуникационную поддержку его реализации, а также обеспечивает необходимую для успешной международной кооперации кросс-культурную адаптацию и согласованную институциональную поддержку.

ПРОЕКТ «ЛАБОРАТОРИЯ СОЗДАНИЯ СТАРТАПОВ»

Особое значение при подготовке будущих профессионалов в области экономики, финансов, менеджмента и юриспруденции имеет развитие у студентов предпринимательских навыков и умения применять полученные теоретические знания на практике путем разработки собственных бизнес-проектов. Во многом именно поэтому в абсолютном большинстве российских вузов финансово-экономического

профиля уже более 10 лет существуют собственные бизнес-инкубаторы и акселераторы. Кроме того, в условиях перехода к цифровой экономике 40 ведущих вузов России получили право заменить традиционную форму проведения государственной итоговой аттестации (далее — ГИА) в виде подготовки и защиты выпускной квалификационной работы разработкой собственного стартапа⁸. Впервые данное предложение было озвучено в 2017 г. на заседании президиума Совета при Президенте России по модернизации экономики и инновационному развитию [6], а в 2019 г. оно нашло свое отражение в Паспорте федерального проекта «Кадры для цифровой экономики»⁹. Данное нововведение представляет собой весьма перспективную форму взаимодействия МНО с зарубежными студенческими объединениями, также активно вовлеченными в работу по разработке и запуску стартапов¹⁰. Кроме того, в марте 2021 г. было озвучено решение Министерства науки и высшего образования о создании на условиях предоставления государственной поддержки стартап-студий в 35 российских вузах, что будет способствовать формированию эффективно функционирующей системы трансфера технологий¹¹.

В этой связи следует отметить, что еще в 2018 г. Финансовым университетом совместно с Туринским университетом (Италия) был запущен проект «Лаборатория создания стартапов», в котором принимают участие обучающиеся по программам бакалавриата и магистратуры обеих сторон. Проект представляет собой проходящий в два этапа конкурс: на первой стадии осуществляется отбор наиболее интересных и перспективных бизнес-идей на вузовском

⁸ «40 российских вузов будут принимать дипломные работы в виде стартапов». URL: <https://rg.ru/2020/06/29/40-rossijskih-vuzov-budut-prinimat-diplomnye-raboty-v-vide-startapov.html>.

⁹ Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328933.

¹⁰ OECD/European Union. Supporting Entrepreneurship and Innovation in Higher Education in Austria. URL: https://heinnovate.eu/sites/default/files/oecd_ec_supporting_entrepreneurship_and_innovation_in_higher_education_in_austria.pdf.

¹¹ Центры трансфера технологий начнут создавать в России с 2021 года. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10994503>.

уровне, после чего авторы лучших проектов получают право представить их в финальной части конкурса. Реализация проекта предполагает организацию программ краткосрочной академической мобильности для ее участников: студенты — победители первого этапа — получают возможность посетить вуз-партнер и лично познакомиться со своими коллегами и соперниками по соревнованию. В финале конкурса, прошедшем в 2019 г. в г. Турине, студенты не только публично защитили свои проекты, но и приняли участие в дополнительной деловой программе, организованной в форме посещений предприятий реального сектора экономики и совместного бизнес-акселератора Туринского университета и Туринского политехнического университета¹². Реализация подобного проекта не только предоставляет студентам уникальную возможность прямой коммуникации со своими итальянскими коллегами, но и качественно расширяет масштаб предлагаемых идей, выводя их за рамки отдельных государств. Кроме того, данная инициатива развивает языковые компетенции обучающихся, поскольку и формальная подготовка проекта, и неформальное общение между студентами осуществляется на английском языке. Значимость проекта подчеркивается и его партнерами: ведущей деловой газетой Италии «La Stampa»¹³ и крупнейшим российским разработчиком кейс-чемпионатов Changellenge. Несмотря на вынужденную паузу в реализации проекта в прошлом году, ввиду вызванных пандемией ограничений, проведение конкурса продолжилось в 2021 г. с использованием дистанционных технологий¹⁴. В условиях участия Финансового универси-

тета в эксперименте по включению защиты стартапа в программу ГИА, деятельность в реализации «Лаборатории создания стартапов» фактически предоставит студентам площадку для предварительной защиты своей идеи, в чем также проявляется положительный эффект от данной инициативы. Кроме того, аналогичные конкурсы предполагается реализовывать вместе с другими вузами-партнерами, но главная роль в их организации неизменно отводится Научному студенческому обществу как одному из двух (наряду с Советом молодых ученых) ведущих МНО вуза.

Выводы

Важнейшим условием эффективности международного сотрудничества МНО является разработка действенного многофакторного механизма стимулирования участия молодежи в научной работе, основанного на сочетании материальных и нематериальных способов стимулирования активности обучающихся и научно-педагогических работников. Задача образовательных и научных организаций в данном контексте — обеспечить вовлечение в исследовательскую деятельность студентов, создав необходимые условия для раскрытия их творческого потенциала и поддержания интереса к научной работе.

В качестве лучших практик в области международного сотрудничества МНО следует выделить реализацию исследовательских проектов на основе принципов проектно-ориентированного обучения и разработку собственных бизнес-проектов (стартапов). Будучи нацеленными на решение конкретных социально значимых задач, данные формы исследовательского сотрудничества обеспечивают устойчивую связь полученных студентами теоретических знаний с развитием у них практических умений и навыков (в том числе, так называемых *soft skills* — «мягких навыков»), необходимых для успешного старта профессиональной карьеры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Караваева Е. В., Исследователь XXI века: формирование компетенций в системе высшего образования. Коллективная монография. М.: Издательство «Геоинфо»; 2018. 240 с.
2. Долженко Р. А., Карпилянский В. А., Хади Р. А., Диденко А. С. Мотивация молодых ученых к научно-исследовательской деятельности в российских региональных вузах. *Образование и наука*. 2019;21(9):122–153.

3. Kilb A., Herzig K. Increasing the Efficiency of Data Collection with a Research Participation Night. *Teaching of Psychology*. 2015;43(1):53–58.
4. Эскиндаров М. А., ред. Трансформация образовательного процесса в условиях смены поколений. Монография. М.: Проспект; 2021. 496 с.
5. Krajcik J. S., Shin N. The Cambridge handbook of the learning sciences. Cambridge University Press; 2014.
6. Штыхно Д. А., Искандарян Р. А. Студенческие стартапы как инструмент развития предпринимательских навыков. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2019;9(2А):252–262.

REFERENCES

1. Karavaeva E. V., ed. Researcher of the XXI century: the formation of competencies in the higher education system. Collective monograph. Moscow: Publishing house Geoinfo; 2018. 240 p. (In Russ.).
2. Dolzhenko R. A., Karpilyanskiy V. A., Khadi R. A., Didenko A. S. Motivation of young scientists for research activities in Russian regional universities. *Obrazovaniye i nauka = Education and Science*. 2019;21(9):122–153. (In Russ.).
3. Kilb A., Herzig K. Increasing the Efficiency of Data Collection with a Research Participation Night. *The teaching of Psychology*. 2015;43(1):53–58.
4. Eskindarov M. A., ed. Transformation of the educational process in the conditions of generational change. Monograph. Moscow: Prospect; 2021. 496 p. (In Russ.).
5. Krajcik J. S., Shin N. The Cambridge handbook of the learning sciences. Cambridge University Press; 2014.
6. Shtykhno D. A., Iskandaryan R. A. Student startups as a tool for developing entrepreneurial skills. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economy: yesterday, today, tomorrow*. 2019;9(2А):252–262. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лилия Васильевна Приходько — кандидат технических наук, доцент, доцент Департамента менеджмента и инноваций, Финансовый университет, Москва, Россия
lvprikhodko@fa.ru

Алексей Валерьевич Середа — преподаватель Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет, Москва, Россия
alvsereda@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Lilia V. Prikhodko — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Department of Management and Innovation, Financial University, Moscow, Russia
lvprikhodko@fa.ru

Alexey V. Sereda — Lecturer, Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University, Moscow, Russia
alvsereda@fa.ru

Статья поступила 15.10.2021; принята к публикации 05.11.2021

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.10.2021; accepted for publication on 05.11.2021

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-113-117
УДК 378(045)

Объективные факторы конфликтогенности в сфере высшего образования*

Д. Ю. Кушнир^а, М. Н. Свинцова^б

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-5334-8823>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-9402-0816>

АННОТАЦИЯ

Сегодня высшая школа представляет собой уникальный вид организации, имеющий горизонтальные и вертикальные связи в департаментах, на кафедрах и факультетах, так как линии принятия решений, подотчетности и полномочий пересекаются и зачастую противоречат друг другу. Актуальность статьи обусловлена возрастанием конфликтогенности в сфере высшего образования. Многие конфликты в высших учебных заведениях обострились из-за того, что предшествующие им причины не были должным образом проанализированы и устранены, а конфликтующие стороны не исследовали возможности коммуникации. Без альтернативных методов конфликтные ситуации могут способствовать созданию среды, обладающей крайней степенью напряженности. Статья предназначена для работников системы образования, руководителей образовательных организаций, преподавателей, исследователей.

Ключевые слова: образовательная среда; конфликтогенность; высшая школа; субъект образовательной среды; факторы конфликтогенности

Для цитирования: Кушнир Д. Ю., Свинцова М. Н. Объективные факторы конфликтогенности в сфере высшего образования. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):113-117. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-113-117

ORIGINAL PAPER

Objective Factors of Conflict Emergence in the Higher Education*

D. Yu. Kushnir^a, M. N. Svintsova^b

Financial University, Moscow, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0002-5334-8823>; ^b <https://orcid.org/0000-0002-9402-0816>

ABSTRACT

The contemporary university is a unique type of organisation with horizontal and vertical ties in departments and faculties, where decision-making, accountability, and authority overlap and often contradict each other. The relevance of the article is due to the increasing conflict potential in the field of higher education. Many conflicts in higher education institutions have been exacerbated because their previous causes were not adequately analysed and eliminated, and the conflicting parties did not explore the possibilities of communication. Without alternative methods, conflict situations can create a highly hostile environment. The article is intended for employees of the education system, heads of educational organisations, teachers, researchers.

Keywords: educational environment; conflict potential; higher school; the subject of academic environment; factors of conflict emergence

For citation: Kushnir D. Yu., Svintsova M. N. Objective factors of conflict emergence in the higher education. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):113-117. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-113-117

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета в 2021 г.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Financial University in 2021.

Конфликты в образовательной среде становятся все более многочисленными, разнообразными и сложными. Сообщество высшей школы сталкивается с огромным количеством конфликтных ситуаций, которые без альтернативных подходов могут способствовать созданию среды, обладающей крайней степенью напряженности. Исследования показывают, что многочисленные споры по поводу реорганизации университетов, эффективности работы профессорско-преподавательского состава, грантов и научно-исследовательских работ, внедрения информационно-коммуникационных технологий могут способствовать возникновению конфликтных ситуаций.

Под конфликтогенностью исследователь Н. И. Монастырская понимает «социальное явление, систему объективных обстоятельств и субъективных образов, которые формируют напряженность как результат социального взаимодействия больших социальных групп, включающих свою систему отношений и групповые интересы» [1]. Н. М. Мухаметова, Р. А. Циринг, С. А. Репин рассматривают конфликтогенность как «совокупность факторов педагогического процесса и социального взаимодействия, способствующих возникновению конфликтов» [2].

Уровень конфликтогенности зависит от «факторов среды» (объективных факторов), факторов обстоятельств и субъективных факторов (под ними подразумеваются участники образовательной среды высшей школы, ведущие активную деятельность внутри образовательного процесса) [3]. Такое разделение носит условный характер, так как все факторы влияют друг на друга и непрерывно взаимодействуют, однако оно необходимо для более детального и системного изучения уровня напряженности в образовательной среде.

В данной статье исследуются «факторы среды», а также факторы обстоятельств, которые приводят к конфликту в высшей школе. Получив возможность лучше понимать источники конфликта в конкретном контексте, руководители университетов могут целенаправленно использовать ресурсы и разрабатывать пути разрешения сложных ситуаций.

Последовательность формирования конфликта через проявление факторов можно представить следующим образом. Изначально возникает объективная причина конфликта,

которая приводит к нарушению психологического равновесия у конфликтующих сторон. Участники не могут реализовать свои интересы, в связи с чем у них включаются защитные механизмы, появляются личные причины для участия в конфликте. После этого происходит конфликтное взаимодействие сторон.

Конфликтогенность — состояние образовательной среды, определяющееся совокупностью напряженностей, которые в определенных условиях могут привести к конфликту между субъектами. Основным критерием в данном случае будет уровень активности и напряженности, значения факторов как объективных, так и субъективных. Аналитики высказывают предположения как о положительных, так и об отрицательных последствиях таких конфликтов.

А. А. Морозов в своей статье называет семь положительных эффектов от возникновения конфликтов. Во-первых, напряженность между людьми способствует лучшей адаптации и интегрированию. Во-вторых, благодаря конфликтам снимается внутреннее напряжение, рабочая среда становится более сбалансированной. В-третьих, конфликты отражают изменение расстановки сил в организации. В-четвертых, конфликт позволяет узнать о скрытых возражениях, недовольстве и ошибках. В-пятых, в ходе конфликта может возникнуть решение, которое иначе не возникло бы. В-шестых, конфликты служат стимулом организационных процессов. В-седьмых, преодолевая конфликты, группа становится более эффективной [4].

Таким образом, конфликт в высшей школе может иметь положительный эффект, помогая определять проблемы, решать их, повышать сплоченность, устанавливать союзы с другими субъектами и поддерживать их внимание к интересам друг друга. Существует необходимость время от времени стимулировать напряженность, чтобы вносить инновации и улучшения в организацию процессов или общество в целом.

Однако превышение уровня напряженности может привести к дестабилизации работы системы, образовательной среды высшей школы, а действие субъектов воспринимается как вмешательство в достижение целей другой стороны взаимодействия.

Н. М. Мухаметова, Р. А. Циринг и С. А. Репин выделяют следующие объективные факторы,

которые могут оказывать влияние на уровень конфликтности в высшей школе: организационно-управленческие факторы, демографические факторы, высокий уровень напряженности и монотонность педагогической деятельности, содержательное и методическое несовершенство учебно-воспитательного процесса, экономическая и социально-политическая обстановка в стране и регионе [2].

Конфликту между субъектами могут способствовать организационно-управленческие факторы, связанные с неудовлетворенностью стилем руководства, проблемами в структуре высшей школы, недостаточно явным разграничением сфер управления, которое приводит к двойному подчинению преподавателей, перекладыванию на них «чужих» обязанностей и пр. Кроме того, к конфликту между субъектами могут привести фаворитизм, игнорирование мнения преподавательского коллектива при принятии важных решений, относящихся к образовательному процессу и научной деятельности в университете.

Демографические факторы также относят к объективным факторам конфликтности, которые могут спровоцировать возрастные, статусные и гендерные противоречия участников образовательного процесса. Гендерные особенности нередко становятся причиной возникновения конфликтов. Пол, семейное положение и родительство тесно связаны с адаптивными стилями разрешения конфликтов. И.В. Грошев в своей работе «Индивидуально-личностные и гендерные особенности стилевых паттернов поведения в межличностном конфликтном взаимодействии» говорит о том, что мужчины в условиях повышения уровня напряженности выбирают доминирование, поиск «виновного», агрессивное подавление слабого, пристрастное отношение к «своим» и «чужим» как основной стиль поведения. Женщины предпочитают «стиль компромисса», подчинение наиболее «сильному» и «уход» от конфликта. Закономерности отношений между этими двумя группами проявляются в форме аутгрупповой дискриминации и ингруппового фаворитизма. Гендерные установки, имеющие характер предубеждений и провоцирующие повышение уровня напряженности, представлены во всех сферах социальных отношений (семья, образование, профессиональная деятельность) [5].

Если говорить о возрастных и статусных факторах, то существует два типа: звание, степень, возраст или стаж работы. Уровень напряженности может зависеть от среднего возраста коллектива: вероятность возникновения конфликта в департаментах, на кафедрах с большим количеством преподавателей старшего возраста гораздо меньше. Это связано с тем, что преподаватели имеют схожий опыт и длительные рабочие отношения. Что касается неоднородности распределения трудового стажа, то сильное разделение профессорско-преподавательского состава по выслуге лет с большой вероятностью послужит причиной повышения уровня конфликтности. Кроме того, конфликты могут возникать по причине бюджета, финансирования и воспринимаемого неравенства между возрастными группами [5, 6].

Конфликт в высшей школе может иметь положительный эффект, помогая определять проблемы, решать их, повышать сплоченность, устанавливать союзы с другими субъектами и поддерживать их внимание к интересам друг друга.

Монотонность работы преподавателей высшей школы и высокий уровень напряженности выделяют в качестве еще одного объективного фактора конфликтности в высшей школе, который порождает профессиональную деформацию и приводит к разрушению целостности личности, ухудшает продуктивность педагогической деятельности, влияет на адаптационные возможности [7].

Содержательное и методическое несовершенство учебно-воспитательного процесса является еще одной причиной повышения уровня конфликтности. Такое несовершенство заключается в отсутствии преемственности в содержании и организации ключевых элементов образовательного процесса, несоблюдении единых требований к обучающимся, необдуманном внедрении инноваций. Также стоит отметить, что появление большого количества

преподавателей-практиков, которые ощущают трудности во время проведения лекционных и семинарских занятий в связи с отсутствием специального педагогического образования, может повлиять на возникновение напряженности в образовательной среде. Неравномерное распределение нагрузки, несоблюдение педагогических требований в ходе составления учебного расписания, отсутствие у родителей понимания сложностей учебно-воспитательного процесса — все это может послужить причиной роста количества конфликтных ситуаций в высшей школе.

Системные изменения в российском обществе также оказывают сильное влияние на уровень конфликтности. Произошедшая смена идеологий, стандартов и стилей жизни, культурных норм и ценностей связана с социально-политическими и экономическими трансформациями и может привести к обострению способов взаимодействия субъектов конфликта.

Стремление к автономии или суверенитету, смене государственной системы, борьбу за доступ к природным ресурсам и территориям можно выделить в качестве политических причин повышения уровня конфликтности. Ведь это подразумевает изменение идеологических, религиозных, социально-экономических и правовых ориентиров общества.

В качестве экономических факторов выделяют: отсутствие достаточного количества ресурсов, неудовлетворенность заработной платой, ограниченное количество рабочих мест (для преподавателей высшей школы, выпускников высших учебных заведений), плохие условия труда, проблемы с информационным обеспечением и др. Нехватка или отсутствие

ресурсов, их несправедливое распределение рассматриваются как факторы, влияющие на возникновение конкуренции среди преподавателей и между преподавателями и администрацией и, как следствие, увеличение уровня конфликтности в высшей школе.

Уровень конфликтности в образовательной среде может повышаться в связи с переходом многих высших учебных заведений на смешанную систему образования. Недостаточное владение цифровыми технологиями, их неэффективное внедрение в образовательный процесс, разный уровень информированности субъектов образовательной среды, усугубление отчужденности разных групп — все это повышает уровень конфликтности и ухудшает показатели коммуникации.

В ближайшем будущем высшая школа будет нуждаться в первую очередь в информационно-коммуникационном развитии. Кроме того, важно понять, каким образом происходит повышение уровня конфликтности из-за воздействия информационных коммуникационных технологий на информационную безопасность и проведение государственной политики в области управления коммуникациями.

В заключение стоит отметить, что в образовательной среде высшей школы было разработано множество способов разрешения конфликтов. Учитывая объективные факторы конфликтности, выявленные в настоящей статье, необходимо пересмотреть типы поддержки, которые предлагаются и реализуются, чтобы определить, какие из них могут быть наиболее подходящими для более эффективного решения разных видов конфликтов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Монастырская Н. И. Концепт «конфликтность»: определение дефиниций. *Science Time*. 2014;(11):234–238.
2. Мухаметова Н. М., Циринг Р. А., Репин С. А. Исследование конфликтных факторов образовательной среды при подготовке выпускников вуза с ограниченными возможностями здоровья. *Современные проблемы науки и образования*. 2015;(2–2):885.
3. Курочкина И. А. Педагогическая конфликтология. Екатеринбург: РГППУ; 2013.
4. Морозов А. А. Организационные и производственные конфликты в исследованиях социальных конфликтов. М.: Академия; 2002. 336 с.
5. Грошев И. В. Индивидуально-личностные и гендерные особенности стилевых паттернов поведения в межличностном конфликтном взаимодействии. Социальный мир человека. Вып. 4. Материалы IV Всероссийской конференции с международным участием «Человек и мир: психология конфликта и риска инноваций», Ижевск, 28–30 июня 2012 г.

6. Ожигова Л.Н. Исследование гендерных установок в ситуации конфликта. URL: https://bookap.info/genpsy/avtorov_gendernaya_psihologiya_2009/gl18.shtm
7. Клингель С., Маффи М. Системы управления конфликтами в высшем образовании: взгляд на посредничество в государственных университетах. *Журнал разрешения споров*. 2011;66(3):12–17.

REFERENCES

1. Monastyrskaya N. I. The concept of “conflict potential”: definition of definitions. *Science Time*. 2014;11:234–238. (In Russ.).
2. Mukhametova N. M., Tsiring R. A., Repin S. A. Study of conflict-generating factors of the educational environment in preparing university graduates with disabilities. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2015;2–2:885. (In Russ.).
3. Kurochkina I. A. Pedagogical conflictology. Kurochkina I. A., Shakhmatova O. N. (Eds.). *Textbook*. Yekaterinburg: RGPPU; 2013. (In Russ.).
4. Morozov A. A. Organizational and industrial conflicts in the study of social conflicts. Moscow: Academy; 2002. 336 p. (In Russ.).
5. Groshev I. V. Individual-personal and gender characteristics of style patterns of behaviour in interpersonal conflict interaction. The social world of man. Vol. 4. In Materials of the IV All-Russian Conference with International Participation “Man and the World: Psychology of Conflict and Risk of Innovation”, Izhevsk, June 28–30, 2012. N. I. Leonova, (Ed.), (52–56). Izhevsk; 2012. (In Russ.).
6. Ozhigova L. N. Research of gender attitudes in a conflict situation. URL: https://bookap.info/genpsy/avtorov_gendernaya_psihologiya_2009/gl18.shtm. (In Russ.).
7. Kirsanov A. I. Conflicts in educational institutions. Reasons for increasing the conflict potential of the educational environment. *Zhurnal razresheniya sporov = Dispute Resolution Journal*. 2019;(6)4:34–43. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дария Юрьевна Кушнир — старший преподаватель Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

DYUKushnir@fa.ru

Марина Николаевна Свинцова — доцент Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

MNSvintsova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Daria Yu. Kushnir — Senior Lecturer, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia
DYUKushnir@fa.ru

Marina N. Svintsova — Associate Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

MNSvintsova@fa.ru

Статья поступила 10.10.2021; принята к публикации 30.10.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.10.2021; accepted for publication on 30.10.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-118-126
УДК 37.013(045)

Архитектура информационного потока Финансового университета в социальных медиа: продвижение бренда*

М.А. Давыдова^а, А.А. Азаров^б

Финансовый университет, Москва Россия

^а<https://orcid.org/0000-0003-3377-7679>; ^б<https://orcid.org/0000-0003-3240-597X>

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты прикладного исследования, цель которого заключается в анализе методов формирования и продвижения бренда Финансового университета при Правительстве РФ на основании изучения информационных потоков в социальных медиа. Реализованные к ходу исследования когнитивное картирование и автоматизированный социально-медийный анализ позволили выявить особенности внутреннего и внешнего брендинга Финансового университета. Социально-медийный бренд Финансового университета направлен преимущественно на коммуникацию и формирование образов внутренних аудиторий в первую очередь студенческих сообществ и объединений. Для выстраивания внешнего бренда Финансовый университет использует традиционные медиа и привлекает влиятельных акторов. Важно отметить, что развитие бренда не останавливается, Финансовый университет выходит на новые цифровые площадки Telegram и TikTok, которые позволяют использовать социальные медиа, в том числе, для формирования внешнего социально-медийного бренда. **Ключевые слова:** социально-медийный бренд; автоматизированный социально-медийный анализ; российские вузы; Финансовый университет; социальные медиа; информационный поток; бренд вуза

Для цитирования: Давыдова М.А., Азаров А.А. Архитектура информационного потока Финансового университета в социальных медиа: продвижение бренда. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):118-126. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-118-126

ORIGINAL PAPER

Financial University Social Media Informational Stream Architecture: Brand Promotion**

M.A. Davydova^а, A.A. Azarov^б

Financial University, Moscow Russia

^а<https://orcid.org/0000-0003-3377-7679>; ^б<https://orcid.org/0000-0003-3240-597X>

ABSTRACT

The article presents the results of applied research, the purpose of which was to study the informational streams of the Financial University under the Government of the Russian Federation aimed at the formation and promotion of the brand in social media. The cognitive mapping and automated social-media analysis implemented during the study made it possible to identify the features of internal and external branding of the Financial University. The social media brand of the Financial University is mainly aimed at communication and the formation of images of internal audiences, primarily students. To build an external brand, the Financial University uses traditional media and attracts influential actors. The transformation of this approach is due to the entry of the Financial University to the new digital platforms Telegram and TikTok, which allow the use of social media, including the formation of an external social media brand.

Keywords: social media brand; automated social media analysis; Russian universities; Financial University; social media; information flow; university brand

For citation: Davydova M.A., Azarov A.A. Financial University social media informational stream architecture: Brand promotion. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):118-126. (In Rus.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-118-126

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету.

** The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state task of the Financial University.

ВВЕДЕНИЕ

Современные высшие учебные заведения активно вовлекаются в процесс конкуренции за абитуриентов, разворачивающийся каждый год во время приемной кампании. При этом современные абитуриенты при выборе вуза учитывают не только такие базовые факторы, как содержательное наполнение программы, профессорско-преподавательский состав, потенциальные возможности трудоустройства, но и востребованные в современном менеджменте навыки и компетенции, которые удастся получить в процессе обучения. Кроме этого, студенты ориентируются на такие показатели, как бренд и имидж вуза, его привлекательность в глазах общественности, а также известность и значимость на рынке работодателей [1].

В текущей реальности продвижение бренда университета является основой для конструирования имиджа вуза в традиционных и новых медиа. Эффективное управление брендом высшего учебного заведения требует регулярного мониторинга характеристик онлайн-бренда университета, что фактически становится основой для измерения эффективности вузовского медиаимиджа и позволяет разрабатывать на этой основе меры по совершенствованию маркетинга в масс-медиа, который осуществляется университетом.

Цель данной статьи — проанализировать методы формирования и продвижения бренда Финансового университета при Правительстве РФ на основании изучения информационных потоков в социальных медиа, а также сравнить информационный поток о брендах Финуниверситета с ключевыми вузами-конкурентами в области социальных наук и управления, отобранных на основании QS World University Rankings by Subject 2021 в области Social Sciences & Management¹: НИУ ВШЭ, МГИМО, РЭУ им. Плеханова, РУДН, РАНХиГС при Президенте РФ.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическая основа исследования представлена несколькими группами концепций. Первая группа направлена на изучение бренда как стратегического направления деятельности компании: бренд как инструмент усиления конкуренции [2]; ценность бренда с позиции функциональности [3]; символическая ценность бренда [4]; бренд как инструмент формирования лояльности. Вторая концентрируется на нематериальных активах бренда: бренд и его позиционирование [5]; идентичность бренда. Третья — на оценке бренда с позиции маркетинга отношений: ориентированность на бренд [6]; бренд в рамках маркетинга взаимодействия [7]; бренд с позиции корпоративной социальной ответственности [8]. Четвертое направление связано с влиянием новых медиа (интернета, социальных сетей, виртуальной реальности) на развитие бренда [9].

Современные отечественные исследования в рамках бренда в цифровой среде представлены двумя основными направлениями. Первое сосредоточено на общих принципах брендинга в онлайн-сетевом пространстве [10, 11]. Второе концентрируется на технологии формирования специальных текстов, которые способны позиционировать имидж организации, в том числе и вузов [12, 13].

Современные зарубежные исследования изучают потребительские стратегии [14], лидеров общественного мнения как агентов онлайн-сетевого маркетинга [15], онлайн-брендинга [16].

Методология исследования базируется преимущественно на новом подходе для исследований в социально-гуманитарной сфере — Predictor Mining, который позволяет выявлять закономерности и осуществлять прогнозирование социальных процессов через автоматизированный анализ больших данных [17].

Методология исследования базируется преимущественно на новом подходе для исследований в социально-гуманитарной сфере — Predictor Mining, который позволяет выявлять закономерности и осуществлять прогнозирование социальных процессов через автоматизированный анализ больших данных [17].

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ архитектуры информационного потока по продвижению бренда в социальных медиа осуществлен в соответствии с гибридной стратегией прикладного исследования. На первом этапе было реализовано когнитивное картирование сообществ Финансового университета в социальных медиа: Вконтакте, Instagram, Twitter, Facebook, Telegram, TikTok; датасет составил 724 публикации, глубина январь-сентябрь 2021 г., несплошная выборка.

Следующий этап анализа был связан с применением методики автоматизированной социально-медийной аналитики [18]; датасет составил 120 тыс. выгрузок, собранных с помощью применения сервиса IQ Buzz. Также результаты исследования информационного потока были дополнены выгрузками, сформированными с помощью социально-медийной аналитики Popsters. Данные выгрузки содержат информацию о динамике информационной активности основных аккаунтов

¹ Social Sciences & Management. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2021/social-sciences-management>.

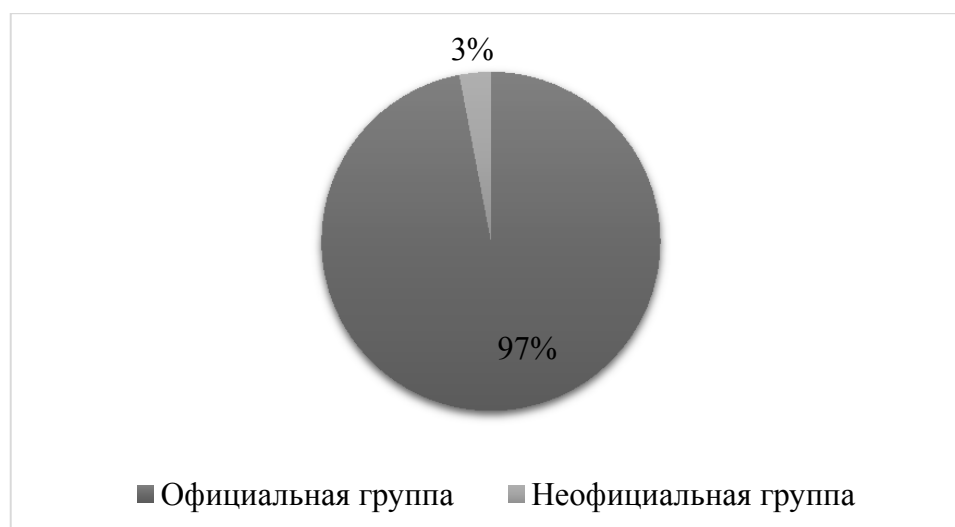

Рис. 1 / Fig. 1. Степень формализованности контента в социальных медиа Финансового университета / The degree of formalization of content in the social media of the Financial University

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Финансового университета при Правительстве РФ в различных социальных медиа: ВКонтакте, Telegram, Facebook, Twitter, Instagram, TikTok.

Следующий этап анализа был связан с исследованием активности Финансового университета и его основных конкурентов в традиционных медиа. Для этого был применен сервис Медиалогия; датасет составил более 200 тыс. сообщений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основании когнитивного картирования сообществ Финансового университета в различных социальных медиа были получены следующие результаты. Концентрируясь на особенностях информационного потока, направленного на формирование бренда Финансового университета, необходимо отметить, что 97% публикаций в различных аккаунтах в социальных медиа формируются со стороны официальных групп, основная черта которых — высокая степень формализованности контента и наличие четкого регламента в ведении страницы (рис. 1). Подобная ситуация характерна как для сообществ в социальной сети ВКонтакте, так и для других цифровых площадок: Facebook, Instagram, Twitter, Telegram, TikTok. Тенденции использования преимущественно формальных сообществ, напрямую аффилированных с конкретным вузом, нацелены на конструирование бренда данного учебного заведения и формирование у его реальной и потенциальной аудитории целостного образа. Кроме того, это позволяет транслировать единый, целостный бренд, на стратегическое формирование которого нацелен вуз.

Тематическое наполнение сообществ, аккаунтов, страниц Финансового университета характеризуется контентом, который касается процесса обучения и имеет конкретную целевую группу — студенты. Также достаточно масштабно представлен тематический модуль, связанный с размещением различного развлекательного контента: голосования, конкурсы, рекламные партнерские материалы, сетка событий и т.п. Еще один блок тематического контента концентрируется на публикациях для потенциальных абитуриентов, при этом данные сообщения крайне редко встречаются в период с января по апрель и начинают занимать существенный сегмент информационного потока в преддверии и в ходе приемной кампании. Результаты показывают, что публичные сообщества используются преимущественно для внутренних коммуникаций со студентами (рис. 2). Подобный подход не может не оказывать влияния на бренд вуза, его восприятие окружающими, так как в данной ситуации фактически появляется потребность в формировании отдельного сообщества, нацеленного на внешние коммуникации с различными группами, главным образом — с потенциальными абитуриентами и их родителями.

Дифференциация тематики контента с позиции его получателей, формирование отдельных каналов для работы с внешними аудиториями позволит формировать бренд, обеспечивать ему определенную лояльность и потенциальную узнаваемость со стороны внешних аудиторий, локализованных в социальных медиа. Подобный подход наблюдается у Высшей школы экономи-

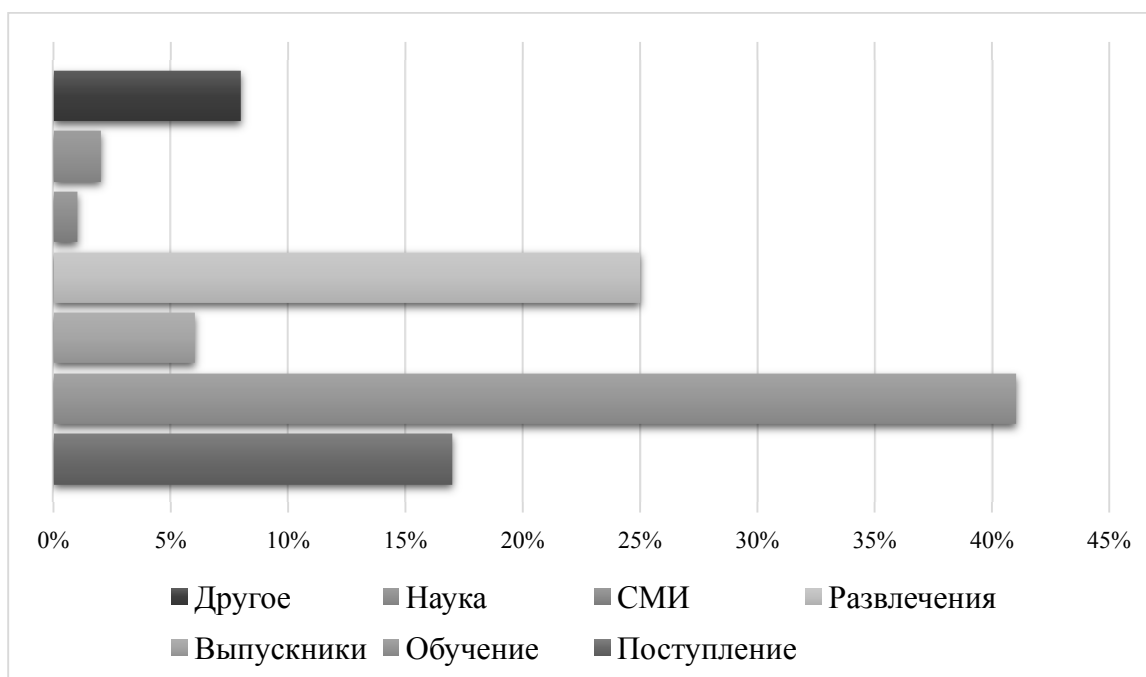

Рис. 2 / Fig. 2. Тематические модули контента в социальных медиа Финансового университета / Thematic content modules in social media of the Financial University

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ки, которая для коммуникации со студентами, сотрудниками, абитуриентами использует официальные сообщества на различных платформах (преимущественно — Вконтакте), но при этом для формирования бренда, приобретения узнаваемости инициировала создание интернет-СМИ «The Vyshka», которое работает не столько с внутренней аудиторией НИУ ВШЭ, но нацелено также на внешние аудитории через продвижение контента просветительского характера.

Результаты анализа тематических модулей Финансового университета подтверждаются показателями исследования направленности контента сообществ Финансового университета, которые демонстрируют, что существенные объемы информационного потока направлены именно на студентов вуза (75%), что говорит о внутреннем характере коммуникаций в социальных медиа вуза. Так как глубина когнитивного картирования предполагала анализ с января 2021 г., фактически метод позволил проанализировать также и все фазы работы приемной кампании. Таким образом, можно увидеть, что вуз в период приема студентов формировал информационные потоки с учетом необходимости информационного сопровождения этапов приемной кампании. Поэтому часть информационного потока сосредоточена на сообщениях, направленных на абитуриентов Финансового университета и их родителей (13%).

Переходя к особенностям брендинга Финансового университета в медиа, можно отметить следующее. Традиционно вуз осуществляет брендинг через обмен актуальной и достоверной информацией. Информационные потоки Финансового университета в социальных медиа в первую очередь направлены на коммуникацию со студентами и сотрудниками, в период приемной кампании к этой группе подключаются также и абитуриенты (рис. 3). При этом существенную роль выполняет брендинг через общие ценности, актуальные для студентов и выпускников Финансового университета. Важно отметить, что вуз не делает упор на сравнение с другими учебными заведениями. Фактически стратегия брендинга строится на работе с актуальной информационной повесткой вуза, а также с общими ценностями «аудитории» вуза. Подобные результаты позволяют говорить о внутренней направленности работы бренда Финансового университета, распространяемого через социальные медиа. Такой подход позволяет формировать лояльность среди студентов Финансового университета и сотрудников, которые впоследствии выполняют роль микролидеров общественного мнения и обеспечивают приток абитуриентов через систему неформальных коммуникаций.

Также содержательные характеристики контента позволяют говорить о высокой степени его формализованности. Так, фактически все

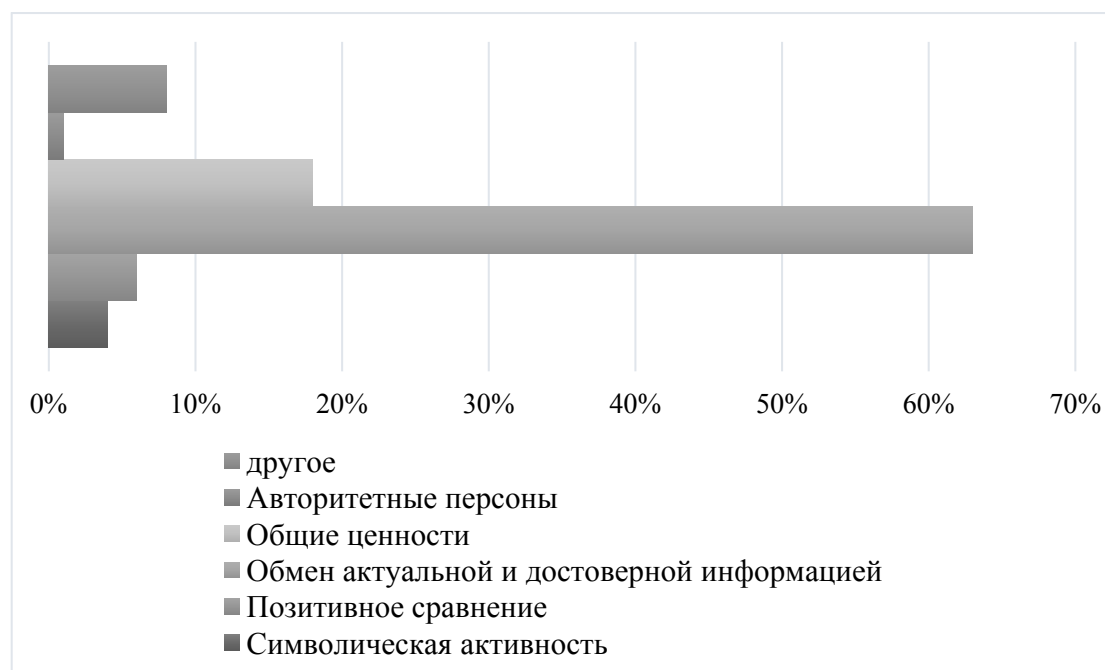

Рис. 3 / Fig. 3. Технологии брендинга контента в социальных медиа Финансового университета / Technologies of content branding in social media of the Financial University

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

проанализированные сообщества в шести социальных сетях можно охарактеризовать как формальные (99%). Сообщения формируются в соответствии с общей политикой университета и направлены на коммуникацию с различными группами студентов по вопросам учебы, дополнительного образования, различных типов внутриуниверситетской активности. Подобные сообщества формируют нейтральный контент, распространяя информацию различных типов. При этом в 91% контента в различных социальных сетях отсутствует юмор. Публикации, содержащие иронию (2%) или сарказм (7%), относятся к достаточно узкому сегменту неформальных сообществ, которые напрямую не связаны с университетом, при этом они модерятся его студентами и имеют развлекательную направленность.

В рамках изучения социально-медийного бренда Финансового университета были отобраны ведущие российские вузы в сфере Social Sciences & Management, что позволило сравнить социально-медийную активность бренда Финансового университета с НИУ ВШЭ, РАНХиГС, РУДН, МГИМО, РЭУ им. Плеханова. Основой отбора данных вузов стал международный предметный рейтинг: QS World University Rankings by Subject 2021: Social Sciences & Management 2021.

Результаты социально-медийного анализа ведущих российских вузов в сфере социальных наук

и управления позволяют говорить о существенном лидерстве в контексте цифровых коммуникаций НИУ ВШЭ. Средний объем ежедневных коммуникаций ВШЭ демонстрирует высокую степень активности социально-медийных площадок данного вуза. Наибольший объем информационного потока Высшей школы экономики сосредоточен в социальной сети ВКонтакте. Информационные потоки остальных вузов характеризуются относительной равнозначностью и равномерностью, кроме информационного потока РЭУ им. Плеханова, который уступает Финансовому университету, РАНХиГС, МГИМО, РУДН. Необходимо подчеркнуть, что информационные потоки рассматриваемых вузов локализованы преимущественно в социальной сети ВКонтакте, так же, как и в ситуации с ВШЭ (рис. 4).

Подобная локализация объясняется тем, что крупнейшие сообщества подписчиков учебных заведений находятся в данной социальной сети. Кроме того, подобные результаты могут быть связаны с удобством данной площадки для размещения материалов различных форматов, а также для получения обратной связи.

Важно отметить, что в условиях приемной кампании информационный поток Высшей школы экономики и Финансового университета показали существенный рост. Подобная динамика потоков в цифровой среде обосновывается необходимостью обеспечения коммуникации вузов и абитуриентов,

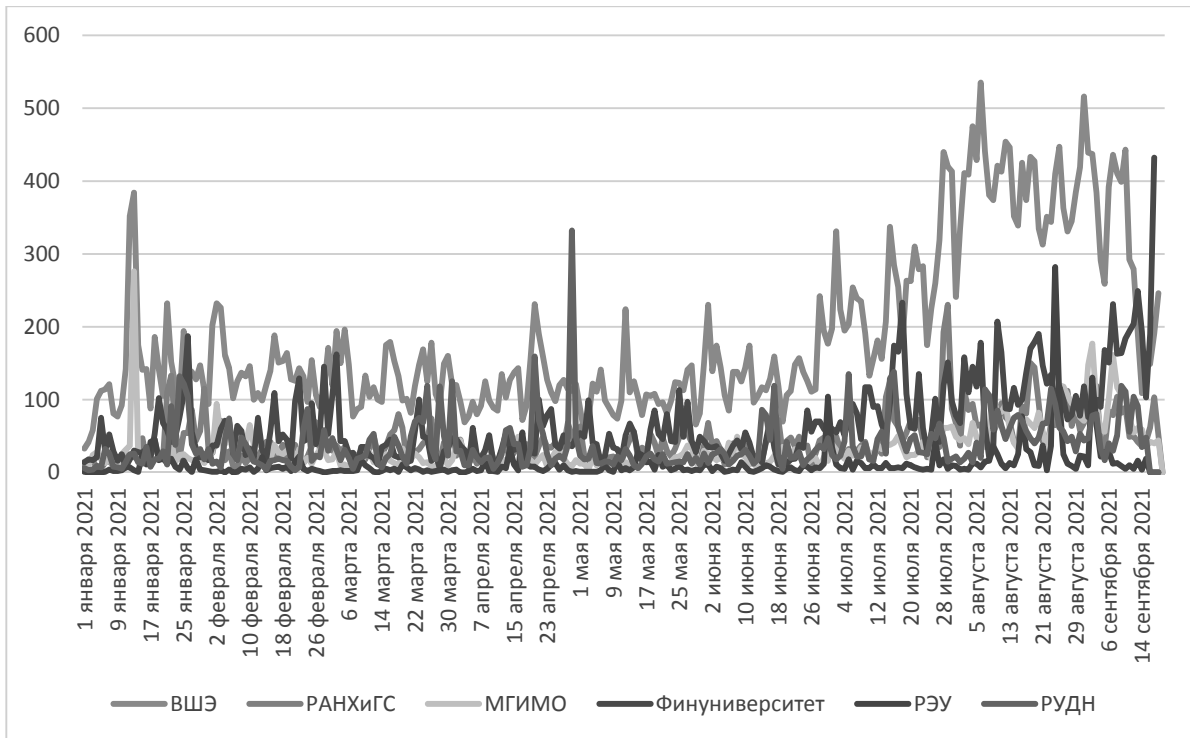

Рис. 4 / Fig. 4. Динамика информационных потоков вузов в интернете 2021 г. / Dynamics of informational streams of universities on the internet in 2021

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

масштабированием информационного присутствия в связи с конкуренцией вузов за абитуриентов.

Социально-медийный анализ информационных потоков Финансового университета с применением сервиса Popsters позволяет говорить о том, что основная их локализация происходит в социальной сети Вконтакте. Также существенные объемы контента сосредоточены в Telegram и Facebook. При этом, несмотря на то, что активность у вуза в TikTok по сравнению с другими цифровыми платформами достаточно невысокая, четко прослеживается выход на новые цифровые платформы для коммуникации с внешними целевыми аудиториями и формирования имиджа передового, технологичного вуза, соответствующего современным трендам (рис. 5). Нужно отметить, что сообщества в TikTok и Telegram имеют и развивают не все исследуемые вузы, так как подобное разнообразие площадок требует диверсифицированного подхода к подготовке контента.

В рамках работы с традиционными медиа формирование бренда осуществляется через ассоциацию с авторитетными персонами. Так, вуз активно привлекает действующих представителей органов государственной власти к преподаванию и руководству отдельными факультетами и направлениями: М.В. Мишустин, председатель Правительства

РФ, является научным руководителем Факультета налогов, аудита и бизнес-анализа; А.Г. Силуанов, министр финансов РФ, — декан Финансового факультета; Факультет международных отношений возглавляет М.Ю. Алексеев, заместитель председателя Банка России.

Результаты анализа информационных потоков показывают, что Финансовый университет развивает активность не только в социальных, но и в традиционных медиа, занимая третье место по объему потока среди рассматриваемых вузов в сфере социальных наук и управления. При этом подобный упор на традиционные медиа, вероятно, объясняется необходимостью формирования бренда как раз для внешних аудиторий, родителей абитуриентов, экспертных сообществ, потенциальных партнеров (см. таблицу). Фактически можно говорить о том, что внутренняя коммуникация в первую очередь осуществляется через сообщества в различных социальных медиа, а внешние конструируются через традиционные медиа, а также достаточно обширную сетку мероприятий, проводимых университетом.

Кроме того, необходимо сказать о том, что внешние информационные потоки формируются за счет медийной активности сотрудников Финансового университета. Медийный поток Фин-

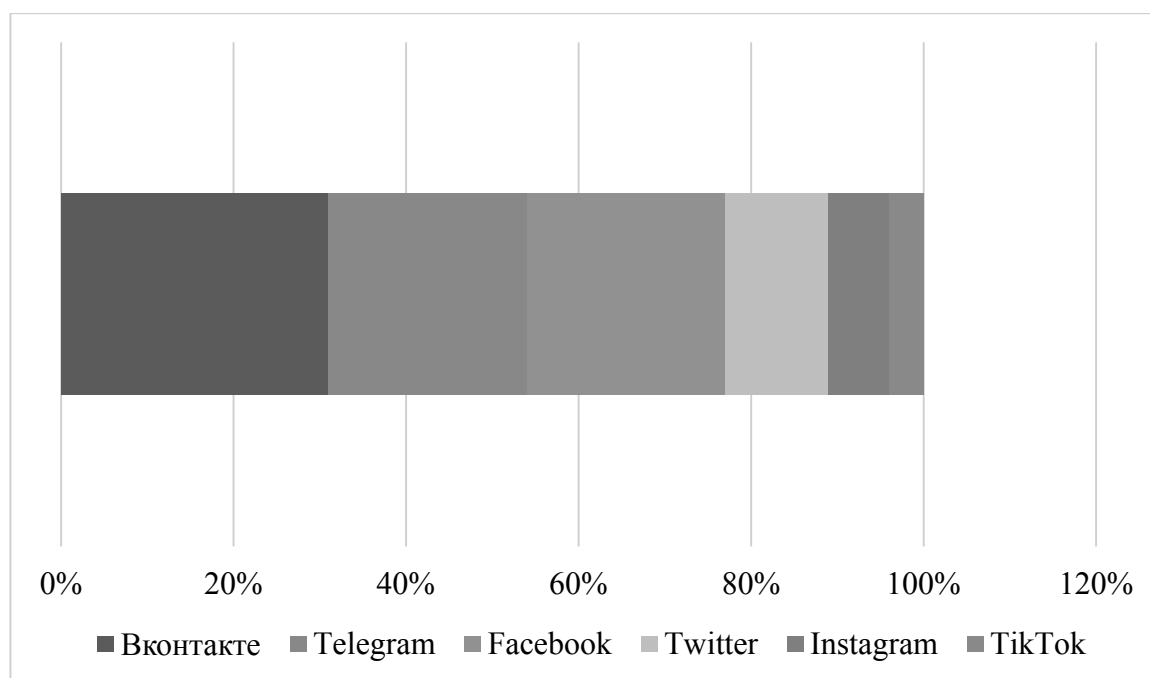

Рис. 5 / Fig. 5. Локализация информационных потоков Финансового университета в социальных медиа 2021 г. / Localization of informational streams of the Financial University in social media 2021

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

университета характеризуется многочисленными упоминаниями И.В. Юшкова, А.Н. Зубца, С.П. Митраховича, Г.В. Мирзаяна и других сотрудников, осуществляющих высокую активность в традиционных медиа, — экспертов в различных отраслях.

ВЫВОДЫ

Можно отметить следующие тенденции в формировании бренда Финансового университета в социальных медиа.

Во-первых, официальные сообщества в различных социальных медиа Финуниверситет использует преимущественно для формирования внутреннего бренда университета и выстраивания коммуникации в первую очередь со студентами учебного заведения. С одной стороны, подобный подход позволяет активно работать над внутренним восприятием бренда, что может привлечь новых абитуриентов через неформальные коммуникации студентов университета. С другой стороны, это сужает использование возможностей, предоставляемых социальными медиа.

Во-вторых, информационный поток Финансового университета характеризуется динамичностью и достаточно высокой степенью адаптивности под текущую событийную повестку, формируясь регулярно, что позволяет говорить о нем как о равномерном и обеспечивает постоянное присутствие в цифровом пространстве.

В-третьих, социально-медийный бренд Финансового университета характеризуется актуальностью и разнообразием форматов. В соответствии с текущими трендами в социально-медийном пространстве вуз активно развивает аккаунты в таких социальных сетях, как Telegram и TikTok, что формирует восприятие его как передового, соответствующего современным реалиям представленности в цифровой среде и способствует притоку внешних пользователей, не связанных непосредственно с университетом.

В-четвертых, основные информационные потоки, направленные на формирование бренда у внешних аудиторий, осуществляются через традиционные медиа посредством экспертной и информационной активности сотрудников университета, а также через привлечение к управлению факультетами или научному сотрудничеству действующих представителей органов власти, что существенным образом влияет на имидж вуза и на его восприятие внешними аудиториями

В-пятых, локализация информационных потоков Финансового университета находится в социальной сети ВКонтакте, что соответствует текущим трендам популярности социальных сетей у российских пользователей, а также обосновывается возможностями и форматами данной площадки.

Подводя итог, можно заключить, что формирование бренда Финансового университета при

**Объем упоминаний университетов в традиционных медиа 2021 г. /
The volume of mentions of universities in traditional media in 2021**

Вуз	Финуниверситет	ВШЭ	РАНХиГС	РУДН	МГИМО	РЭУ им. Плеханова
Кол-во упоминаний	40056	113644	72196	26208	36509	35188

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Правительстве РФ в социальных медиа преимущественно направлено на внутренние аудитории вуза. Для выстраивания внешнего бренда в большинстве случаев используются традиционные медиа, а также проводится работа с глобальными и локальными лидерами общественного мнения. В текущих условиях в рамках формирования со-

циально-медийного бренда Финансовый университет может сосредоточиться на разработке площадки в цифровом пространстве социальных сетей, информационная активность которой будет направлена преимущественно на внешние аудитории, что позволит подкрепить и усилить существующий бренд.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Азаров А. А. Специфика критического мышления российской молодежи в условиях цифровизации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;(1):14–23.
2. Copeland M. Relation of consumers' buying habits to marketing methods. *Harvard Business Review*. 1923;(3):282–289.
3. Brown G. Measuring consumer attitudes toward products. *Journal of Marketing*. 1950;(5):691–698.
4. Levy S. Symbols for sale. *Harvard Business Review*. 1959;(4):117–124.
5. Trout J., Ries A. Positioning revisited: Why didn't GE and RCA listen. *Industrial Marketing*. 1971;(11):116–118.
6. Urde M. Brand Orientation — A Strategy for Survival. *Journal of Consumer Marketing*. 1994;(3):18–32.
7. Fournier S. Consumers and their brands: Developing relationship theory in consumer research. *Journal of Consumer Research*. 1998;(4):343–373.
8. Willmott M. Citizen brands: Corporate citizenship, trust and branding. *Journal of Brand Management*. 2003;(4):362–369.
9. Hennig-Thurau Th., Malhotra E. C., Frieger C., Gensler S., Lobschat L., Rangaswamy A., Skiera B. The impact of new media on customer relationships. *Journal of Service Research*. 2010;(3):311–330.
10. Пискунова Е. Ю. Создание digital-стратегии бренда: первые шаги, основные вопросы, распространенные ошибки, рекомендации. *Маркетинговые коммуникации*. 2014;(6):360–366.
11. Глухих Л. В., Назарова Н. В., Галич М. Д., Галич А. Д. Социальные медиа как конкурентный бизнес — инструмент организации эффективной вовлеченности персонала в деятельность предприятий. *Экономика и предпринимательство*. 2014;(6):680–685.
12. Асланов Т. Копирайтинг. Простые рецепты продающих текстов. М.: Питер; 2018. С. 224.
13. Панда П. Тексты, которым верят. Коротко, понятно, позитивно. М.: Питер; 2018.
14. Блэкуэлл Р., Миниард П., Энджел Дж. Поведение потребителей. 10-е изд. СПб.: Питер; 2007.
15. Pang A., Yingzhi Tan E., Song-Qi Lim R, ect. Social media influencers in Singapore. *Media Asia*. 2016;(1):56–68.
16. Аакер Д. Создание сильных брендов. М. Издательский дом Гребенникова; 2003.
17. Бродовская Е. В., Давыдова М. А., Еремин Е. А. Пролонгированные политические протесты в России и в республике Беларусь летом-осенью 2020 года: референтность российской аудитории социальных медиа. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;(1):6–13.
18. Бродовская Е. В., Пырма Р. В., Домбровская А. Ю. Гражданский активизм молодежи России: структура ролей, факторы формирования установок, триггеры роста протестного потенциала. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;(6):39–48.

REFERENCES

1. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R.V., Azarov A.A. The specifics of critical thinking of Russian youth in the conditions of digitalization. *Marketingovye kommunikatsii*. 2014;(6):360–366. (In Russ.).
2. Copeland M. Relation of consumers' buying habits to marketing methods. *Harvard Business Review*. 1923;(3):282–289.
3. Brown G. Measuring consumer attitudes toward products. *Journal of Marketing*. 1950;(5):691–698.
4. Levy S. Symbols for sale. *Harvard Business Review*. 1959;(4):117–124.
5. Trout J., Ries A. Positioning revisited: Why didn't GE and RCA listen. *Industrial Marketing*. 1971;(11):116–118.
6. Urde M. Brand Orientation — A Strategy for Survival. *Journal of Consumer Marketing*. 1994;(3):18–32.
7. Fournier S. Consumers and their brands: Developing relationship theory in consumer research. *Journal of Consumer Research*. 1998;(4):343–373.
8. Willmott M. Citizen brands: Corporate citizenship, trust and branding. *Journal of Brand Management*. 2003;(4):362–369.
9. Hennig-Thurau Th., Malthouse E.C., Friege C., Gensler S., Lobschat L., Rangaswamy A., Skiera B. The impact of new media on customer relationships. *Journal of Service Research*. 2010;(3):311–330.
10. Piskunova E. Yu. Creating a digital brand strategy: the first steps, the main questions, common mistakes, recommendations. *Marketingovye kommunikatsii*. 2014;(6):360–366. (In Russ.).
11. Glukhikh L.V., Nazarova N.V., Galich M.D. Galich A.D. Social media as a competitive business tool for organizing effective involvement of personnel in the activities of enterprises. Economics and entrepreneurship. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2014;(6):680–685. (In Russ.).
12. Aslanov T. Kopyraining. Copywriting. Simple recipes for selling texts. Moscow: Piter; 2018. 256 p. (In Russ.).
13. Panda P. Texts that are believed. Briefly, clearly, positively. Moscow: Piter; 2018. 256 p. (In Russ.).
14. Blackwell R., Miniard P., Angel J. Consumer behaviour. 10th ed. St. Petersburg: Peter; 2007. 943 p. (In Russ.).
15. Pang A., Yingzhi Tan E., Song-Qi Lim R, et al. Social media influencers in Singapore. *Media Asia*. 2016;(1):56–68.
16. Aaker D. Building strong brands. Moscow: Grebennikov Publishing House; 2003. 439 p. (In Russ.).
17. Brodovskaya E.V., Davydova M.A., Eremin E.A. Prolonged political protests in Russia and the Republic of Belarus in the summer-autumn of 2020: The reference of the Russian audience of social media. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;(1):6–13. (In Russ.).
18. Brodovskaya E.V., Pyrma R.V., Dombrovskaya A. Yu. Civil activism of the youth of Russia: The structure of roles, factors of formation of attitudes, triggers for the growth of protest potential. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;(6):39–48. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мария Александровна Давыдова — лаборант-исследователь Центра политических исследований Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
marchikdavydova@mail.ru

Артур Александрович Азаров — кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия
artur-azarov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Maria A. Davydova — laboratory researcher at the Center for Political Studies, Department of Politology, Financial University, Moscow, Russia
marchikdavydova@mail.ru

Artur A. Azarov — Candidate of Technical Sciences, Leading Researcher at the Center for Political Studies, Department of Politology, Financial University, Moscow, Russia
artur-azarov@yandex.ru

Статья поступила 14.10.2021; принята к публикации 05.11.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 14.10.2021; accepted for publication on 05.11.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-127-133
УДК 37(045)

Современные мультимедийные технологии обучения иностранному языку в разрезе цифровизации

Н.Г. Кондрахина^а, Н.Е. Южакова^б

Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0003-3299-2617>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-3683-7166>

АННОТАЦИЯ

В рамках данной статьи авторы рассматривают проблематику различных современных технологий обучения иностранному языку. Обращается внимание на специфику данных технологий и их взаимосвязь друг с другом в русле реализации в образовательном пространстве. В работе рассмотрены отличительные особенности современных мультимедийных технологий, приведена их классификация. Особое внимание уделяется технологиям, реализуемым в рамках дистанционного и смешанного обучения, как наиболее перспективным, по мнению авторов.

Ключевые слова: дистанционное обучение; традиционное обучение; иностранные языки; мультимедийные технологии; цифровизация

Для цитирования: Кондрахина Н.Г., Южакова Н.Е. Современные мультимедийные технологии обучения иностранному языку в разрезе цифровизации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):127-133. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-127-133

ORIGINAL PAPER

Modern Multimedia Technologies for Teaching a Foreign Language in the Context of Digitalization

N.G. Kondrakhina^а, N.E. Yuzhakova^б

Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0003-3299-2617>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-3683-7166>

ABSTRACT

Within the framework of this article, the authors consider the problems of various modern technologies for teaching a foreign language. We draw attention to the specifics of these technologies and their mutual relationship in the mainstream of implementation in the educational process. The paper discusses the distinctive features of modern multimedia technologies, provides their classification. According to the authors, we paid particular attention to technologies implemented in the framework of distance and blended learning as the most promising.

Keywords: distance learning; traditional teaching; foreign languages; multimedia technologies; digitalization

For citation: Kondrakhina N.G., Yuzhakova N.E. Modern multimedia technologies for teaching a foreign language in the context of digitalization. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):127-133. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-127-133

В современном изменяющемся мире автоматизация и цифровизация становятся трендами развития современного общества. Цифровые технологии улучшают качество и значимость обучения, способствуют сотрудничеству между вузами. На основе цифровизации учебного контента в России и странах СНГ активно создается множество электронных курсов, выполняются научные

исследования, решаются проблемы цифровизации [1].

Осуществление дистанционного обучения (ДО) иностранному языку невозможно без использования цифровых технологий. «Современное состояние развития мультимедийных и ИТ-технологий позволяет поднять процесс освоения иностранных языков на очень высокий уровень», — утверждает профессор Д.Д. Аветисян

[2]. Данная статья написана на основе опыта преподавания английского языка студентам вуза с применением дистанционных образовательных технологий (ДОТ).

В связи с дистанционным обучением возникла необходимость в цифровых технологиях для обеспечения учебно-методического контента студентов. На электронной платформе Moodle был создан дистанционный курс, который прошел апробацию в течение 2017–2019 гг.

Переход РФ на дистанционное обучение предполагает создание учебников с цифровым контентом. Печатные книги и тексты трансформируются в цифровые. По мнению Н. Карра, «будущее знаний и культуры более не заключено в книгах или звукозаписях, или компактных дисках. Оно заключено в цифровых файлах» [3].

В дистанционном обучении образовательный контент (содержание) — это основа цифрового образовательного ресурса (ЦОР). Цифровой образовательный контент представляет собой совокупность учебно-методических, информационных материалов в электронно-цифровом формате. Он переносится в область программного обеспечения для самостоятельного интерактивного онлайн-обучения.

Под интеграцией цифрового контента в данной статье понимается создание оцифрованных учебных единиц (цифровых образовательных ресурсов) и их включение в систему дистанционного курса на Moodle. Задачей разработчика дистанционного курса по иностранному языку является создание качественного цифрового контента с тем, чтобы студент на дистанционном обучении был в состоянии самостоятельно изучить предлагаемый материал, приобрести необходимые профессиональные и коммуникативные иноязычные компетенции.

Использование в дистанционном образовании цифрового контента способствует повышению качества знаний и формируемых компетенций студентов и мотивирует их к самостоятельному изучению иностранных языков. Для этого в рамках статьи авторы предлагают классификацию цифровых образовательных ресурсов для дистанционного курса по иностранному языку и рассматривают способы интеграции цифрового иноязычного контента на электронной платформе Moodle.

Существуют разные подходы к классификации цифрового образовательного контента. Согласно Е. Г. Гаевской, электронные учебные

ресурсы подразделяются на авторские и открытые, на электронные курсы и репозитории учебных ресурсов [4]. По мнению Д. Д. Аветисяна, электронный образовательный ресурс по ИЯ представляет собой комплекс, состоящий из функциональных подсистем: Диалоги, Тренинги, Грамматика. Фонетика, Словарь, Страноведение и др. [5].

В данной статье мы предлагаем свой подход к классификации цифрового контента в дистанционном курсе по иностранному языку. В основу классификации положен признак функциональности, разделяющий ЦОР на информационные, практические (интерактивные), контрольные. Следующим признаком выступает представленность основной информации (текстовые, мультимедийные, цифровые ресурсы). Внутри классификации учитывается также признак авторства при создании цифрового ресурса — авторские или открытые ресурсы. С одной стороны, преподаватель сам является источником цифровых ресурсов, создавая и строя авторский контент. С другой стороны, преподаватель интегрирует в дистанционный учебный курс цифровые ресурсы, доступные из открытых источников интернета.

Обобщив на этой основе цифровые образовательные ресурсы, используемые в дистанционном курсе по дисциплине «Профессионально-ориентированный иностранный язык для переводчиков», можно предложить классификацию видов цифрового контента.

ЦИФРОВОЙ КОНТЕНТ ДИСТАНЦИОННОГО КУРСА ПО ИЯ

1. Информационные ЦОР

Информационно-текстовый компонент:

- основной и дополнительные тексты (обычно текстографические);
- гипертексты;
- глоссарий (монолингвальный, билингвальный, трехязычный).

Внетекстовой мультимедийный компонент:

- PPT-слайдовые файлы (поурочные, тематические);
- видео:
 - авторские — проморолики, инструктивные видео к разделам или к урокам, видео демонстрационных уроков, видео на конкурсы, скринкасты проведенных уроков;
 - открытые — новостные и сюжетные видеофрагменты, видеокасты:

- звуковой ряд:
 - авторские — аудиозаписи текстов уроков, фонозаписи для аудирования, фонетические записи;
 - открытые — аудиокасты, аудиозаписи из открытого доступа, фонетические гиперссылки из словарей:
 - графические средства:
 - авторские — диаграммы, ассоциограммы, концептуальные карты, таблицы, инфографика;
 - открытые — фотографии, картинки, географические и политические карты, инфографика.

2. Практические ЦОР

Тренировочный (интерактивный) компонент:

- задания на развитие коммуникативных навыков в устной и письменной речи на иностранном языке (чтение, аудирование, письмо, говорение), на развитие аналитических и творческих способностей (с автоматической и ручной проверкой), упражнения на закрепление лингвистического иноязычного материала (обычно с автоматической проверкой);
- тренировочные тесты с автоматической проверкой — тесты, квизы, кроссворды и др.).

3. Контрольные ЦОР

Контрольно-измерительный компонент:

- тесты для рубежного контроля с автоматической проверкой (авторские и открытые);
- тесты для итогового (экзаменационного) контроля по международным стандартам с автоматической проверкой (авторские и открытые).

Цель цифрового образовательного контента — обеспечение равного доступа для всех участников образовательного процесса к образовательным ресурсам и технологиям, направленного на массовое качественное образование.

Ниже представлен ЦОР по дисциплине «Иноязычное профессионально ориентированное образование в неязыковых вузах посредством ЦОК», который включает в себя:

- аутентичные иллюстрированные тексты (тексты со звуковым комментарием);
- демонстрационную графику (схемы, графики, рисунки, фотографии);
- аутентичный аудиоматериал (подкастинг);
- аутентичный видеоматериал (YouTube);
- мультимедийные игры (одиночные игры: Sherlock Holmes: Crime & Punishment; Life is strange; Game of Thrones; The Wolf among us).

Данный мультимедийный контент представляет собой виртуальные (BCO) и персональные

(ПСО) средства обучения, которые способствуют развитию цифровой компетентности студентов и преподавателей, а также формируют их лингвистическую компетентность профессиональной направленности и способствуют накоплению знаний в области профессиональной терминологии, что позволяет совершенствовать навыки межкультурной коммуникации.

Внедрение цифровых и мультимедийных технологий в профессионально-ориентированное иноязычное образование в неязыковом вузе требует четкой системы. Виртуальная среда обучения (Virtual Learning Environment) — это совокупность технологий, учебно-информационных ресурсов и структур данных, образующих функционально полную систему, призванную обеспечивать всевозможные формы деятельности пользователя (педагога и учащегося) в процессе учения [6]. Она включает блог-технологии, чат и электронное портфолио. Дидактические свойства блог-технологии позволяют развивать письмо и чтение. Одной из первых методических работ, посвященных использованию блог-технологии в обучении иностранному языку, была статья К. Кеннеди [7], в которой первоначально блог воспринимался как веб-журнал для выражения обучающимися своих мыслей.

Использование цифрового ресурса www.vialogues.com позволяет создать свой блог, где есть возможности загрузки видео по определенной тематике, написания комментария под данным видео, а также получения обратной связи. Инструмент Vialogues позволяет студентам активно (в цифровой форме) подвергать обсуждению теоретические концепции или любые другие вопросы, которые возникают у учащихся при просмотре того или иного видеоматериала.

Электронное портфолио/веб-портфолио — это не только система организации и хранения файлов различного мультимедийного формата, но и административный инструмент, предназначенный для организации и управления используемыми приложениями и контроля за тем, кто может просматривать портфолио и предоставлять обратную связь обучающимся. Существуют различные платформы и системы для размещения веб-портфолио. Самым распространенным примером бесплатной площадки является www.portfoliogen.com. Данный ресурс позволяет создать собственное электронное портфолио, в котором можно сохранить введенный текст,

электронные файлы, изображения, мультимедиа, записи в блогах и гиперссылки.

К персональным средствам обучения языку (Personal Learning Environment) мы относим обучающие веб-ресурсы, веб-приложения и веб 2.0 технологии. Так как ПСО — это система, которая помогает взять под контроль собственное обучение и управлять им, то одним из основных достоинств данных веб-ресурсов является доступ к огромному выбору аутентичных материалов и неограниченному количеству актуальной информации. Авторами статьи были отобраны сайты, содержащие лингвострановедческую и профессионально ориентированную информацию, которая соответствует тематике изучаемой дисциплины и направлена на развитие устной и письменной формы коммуникации.

Лучшим образовательным приложением, согласно Reimagine Education 2019, является Voscreen, которое создано для изучения иностранного языка на всех уровнях бизнес-школой Вартон, США. Данное мультимедийное приложение содержит видеоролики из художественных и документальных фильмов, мультфильмов и музыкальных клипов. Видеовопросы Voscreen помогают развивать устную форму коммуникации, улучшают навыки перефразирования (повторения) и способствуют усвоению синонимов и антонимов.

Для просмотра фильмов и сериалов в оригинале с английскими субтитрами, а также фильмов с интерактивными заданиями до и после просмотра рекомендуются такие веб-приложения, как: www.lelang.ru, www.film-english.com, www.puzzle-english.com, www.teachwithmovies.org.

Для мультимедийных презентаций существует множество технологий, позволяющих создавать их в режиме онлайн-Prezi: www.bunsee.com, www.canva.com. По мнению Г.К. Нургалиевой и Е.В. Артыкбаевой, «мультимедийные презентации направлены на осознание и рефлекссию обучающимися целей и содержания обучения, а также на использование на занятиях нового учебного материала, пособий по эксплуатации новых технологий» [8].

Большим ресурсом для активизации и контроля знаний грамматики, лексики, правильности использования фраз и других аспектов английского языка являются сайты www.english-test.net, www.wobblemonkey.com, www.kahoot.com, www.languageguide.org, www.studystack.com,

www.quizlet.com, www.perfect-english-grammar.com, www.playphrase.me.

Незаменимым помощником в ходе формирования лингвистической компетенции может выступать интернет-приложение Quizlet (www.quizlet.com), которое представляет собой набор слов (сэт) с картинками, переводом, звуковым сопровождением и некоторыми другими дополнительными функциями для обучения.

При организации работы с аутентичными видеоматериалами соблюдается принцип «от простого к сложному», предоставляется дополнительная информация, направленная на снятие лингвистических трудностей. Обучающиеся интруктурируются о порядке выполнения заданий.

В настоящее время существует методика работы с различными мультимедийными ресурсами как для аудиторных занятий, так и для самостоятельной деятельности студентов в иноязычном образовании.

Считается, что при работе с цифровыми ресурсами в режиме онлайн хорошо развивать навыки общения через решение коммуникативных задач. При этом перед обучающимися со слабой подготовкой не ставится задача выполнить как можно больше заданий, а дается установка на качественную работу.

Для составления интеллектуальных карт (карт знаний) по материалам теоретических, а также практических курсов подходят программы www.app.mindmapmaker.org и www.app.mindmup.com. Интеллектуальные карты можно разместить на учебной платформе/образовательном портале, где с ними ознакомится каждый участник группы.

Спектр информационных ЦОР достаточно широк. Данная группа подразумевает текстографическое и мультимедийное представление информации, что осуществляется в виде комплексных PowerPoint-слайдов, текстовых и текстографических, видео- и аудиофайлов. Иллюстративные изображения не интегрируются автономно, а включаются в состав текстографических или ppt-файлов. Иногда текстографические ЦОР могут быть построены на викифицированных технологиях, т.е. содержать в тексте всплывающие пояснения в контексте темы.

Информационный материал должен быть подан на 60–70% в мультимедийной интерактивной форме. Информационный цифровой контент может быть интегрирован на платформе Moodle автономно как ресурс (обычно файл,

страница, URL-ссылка), либо он дополняется деятельностными элементами платформы, что позволяет одновременно доставлять информацию и активизировать практическую иноязычную деятельность студента (Урок-Лекция, Задание, Глоссарий, Тест).

При практических ЦОР для интеграции цифрового контента преимущественно используются деятельностные элементы платформы Moodle: Задание, Тест, HotPot-тесты. На этой стадии студенты могут практиковать свои речевые и лингвистические навыки, решать прагмо-профессиональные задания, выходить на межкультурно-коммуникативные и профессионально ориентированные компетенции. Выполняются задания на развитие коммуникативных навыков в устной и письменной речи на иностранном языке (чтение, аудирование, письмо, говорение), а также — аналитических и творческих умений. Задания данной группы интегрированных цифровых ресурсов могут быть с автоматической или ручной проверкой выполнения.

В группе контроля предлагаются только тестовые задания, составленные в деятельностных элементах системы Moodle Тест или HotPotatoes по требованиям международных форматов FCE или CAE. Содержание тестовых заданий методически обрабатывается на основе текстов из открытого доступа по пройденной тематике, затем оцифровывается, и цифровой файл интегрируется в дистанционный курс.

Основным средством учебно-методического обеспечения дистанционного образования при изучении ИЯ становится дистанционный учебный комплекс, в который могут входить сайты Moodle, Turbosite, Skype. Каждый из этих сайтов выполняет свою функцию в дистанционном образовании. Каждая система имеет свои достоинства, и в совокупности они дают хороший результат, а если эти три системы задействовать комплексно, то эффект дистанционного обучения возрастает.

Турбосайт предоставляет платформу для размещения информационно-мультимедийных материалов с ограниченной долей интерактивного взаимодействия, — это удобный способ создания информационного накопителя с цифровым мультимедийным контентом. Прямые онлайн-контакты студента с преподавателем обеспечиваются в интернете через систему видеосвязи Скайп в виде телефонной, текстовой и видеосвязи. Основная часть дистанционного

обучения студента осуществляется в режиме самоподготовки за компьютером на платформе Moodle. При таком подходе роль преподавателя в образовательном процессе меняется — он становится преподавателем-консультантом.

Платформа Moodle способна интегрировать цифровой образовательный контент, созданный как средствами самой системы (ресурсы и деятельностные элементы), так и вне ее (разного рода файлы: word, ppt, html и др.). Использование деятельностных элементов системы Moodle для цифровизации и размещения информационных, тренажерных и контролирующих заданий усиливает эффект и результативность дистанционного обучения.

Высококачественные профессионально выполненные цифровые продукты используют сложные программы и мультимедийные технологии. Однако создать и редактировать цифровой контент среднего качества может каждый преподаватель. Существует несколько способов решения этой проблемы.

Один из них заключается в использовании стандартных средств офисного пакета Майкрософт. Эта наиболее простая и доступная программа позволяет не только создать необходимый гипертекст, но и дополнить его иллюстративным материалом и даже звуком. Подготовленные в Microsoft Office документы и файлы пригодны для размещения в электронном курсе на Moodle.

Для создания мультимедийных ЦОР используются возможностями редактора презентаций PowerPoint. На основе слайдовых ppt-презентаций можно проводить онлайн консультационные и демонстрационные дистанционные уроки в вебинарной комнате или в Скайпе.

PowerPoint-слайды уместны для фиксации внимания на наиболее важных местах и задачах урока. С их помощью преподаватель предоставляет живой материал для самостоятельной работы по развитию устных и письменных компетенций на иностранном языке, а в ответ студенту предлагается записать свою речь в Audacity и отправить на Moodle.

В настоящее время одним из эффективных способов цифровизации учебного контента являются видеоролики: промо, инструктивные, поурочные, тематические (новостные и сюжетные), образовательные — по лингвистическому, тематическому, ситуационно-коммуникативному компоненту учебного курса.

Проморолик создается с целью ознакомления и продвижения дистанционного курса целевым студентам. Запись промовидео осуществляется в студии с использованием специализированного оборудования.

Инструктивные видео создаются на основе предварительно подготовленных 10–12 мультимедийных слайдов, описывающих алгоритм выполнения серии уроков в рамках недельной учебной нагрузки. Студенты видят и слышат пояснения; даются ссылки на текстовые и видеоисточники, образцы произношения тематической и текстовой лексики [9].

Инструктивное видео не должно быть скучным или затянутым, иначе студент затратит больше времени и усилий на просмотр инструкции, чем на обучение.

Обычно инструктивные видео создаются без участия студента. Однако если проведена видеосъемка дистанционного рабочего или демонстрационного занятия со студентом, то такой видеоролик приветствуется в имиджевой политике вуза и может участвовать в конкурсах педагогических идей.

Такой видеотреугольник может быть создан методом скринкастинга, т.е. видеозаписи с экрана с использованием приложения Bandicam для съемки, FreemakeVideo Converter для редактирования и монтажа.

К способам интеграции цифрового контента относится также создание оцифрованных аудиофайлов с помощью звукового редактора

Audacity. Программа для записи и монтажа речи позволяет преподавателю создавать авторские аудиозаписи к текстам, а студенту — тренировать речь и отправлять на проверку устные ответы и рассуждения.

Современные платформы дистанционных курсов имеют в своем арсенале разнообразные способы цифровизации заданий для контроля. В первую очередь это интерактивный элемент Тест в Moodle, а также широко используемая программа-тестовик HotPotatoes, имеющая специальный выход на платформу Moodle.

Студентов привлекает выполнение оцифрованных тестов из-за их разнообразия и возможности быстрого получения обратной связи в виде оценки. Автоматическое оценивание контрольных цифровых заданий осуществляется на рубежной и экзаменационной неделях.

Важным фактором дистанционного обучения иностранным языкам выступает создание цифрового контента: разноцелевых видео, визуального материала, мультимедийных презентаций, аудиозаписей. Дистанционный учебный курс, созданный на платформе Moodle на основе интеграции цифрового контента, является эффективным средством для обеспечения обучения иностранному языку и пользуется большим спросом у мотивированных студентов для получения современных знаний и формирования профессионально значимых иноязычных компетенций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Абдрахманова А.Ж., Алипкалиева Г.Б. Цифровизация образования. URL: <http://www.zkoipk.kz/ru/smartconf2019/2-section/5075-conf.html>
Abdrakhmanova A. Zh., Alipkalieva G. B. Digitalization of education. URL: <http://www.zkoipk.kz/ru/smartconf2019/2-section/5075-conf.html>. (In Russ.).
2. Аветисян Д.Д. Мотивация и коммуникация в дистанционном обучении иностранным языкам. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/motivatsiya-i-kommunikatsiya-v-distantsionnom-obuchenii-inostrannym-yazykam>.
Avetisyan D. D. Motivation and communication in distance learning foreign languages. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/motivatsiya-i-kommunikatsiya-v-distantsionnom-obuchenii-inostrannym-yazykam>. (In Russ.).
3. Carr N. The shallows: what the internet is doing to our brains. New York and London: W.W Norton & Co.; 2011. 280 p.
4. Гаевская Е.Г. Теоретические аспекты классификации электронных учебных ресурсов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/teoreticheskie-aspekty-klassifikatsii-elektronnyh-uchebnyh-resursov>.
Gaevskaya E. G. Theoretical aspects of the classification of electronic learning resources. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/teoreticheskie-aspekty-klassifikatsii-elektronnyh-uchebnyh-resursov>. (In Russ.).
5. Аветисян Д.Д. Образовательный контент для дистанционного обучения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/obrazovatelnyy-kontent-dlya-distantsionnogo-obucheniya>

- Avetisyan D.D. Educational content for distance learning. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/obrazovatelnyy-kontent-dlya-distsionnogo-obucheniya>. (In Russ.).
6. Баяндин Д.В. Виртуальная среда обучения: состав и функции. *Высшее образование в России*. 2011;(7):113–118.
Bayandin D.V. Virtual learning environment: composition and functions. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher education in Russia*. 2011;(7):113–118. (In Russ.).
7. Kennedy K. Intellectual property in the digital age. *Technology & Learning*. 2001;(2):10–24.
8. Нурғалиева Г.К., Артыкбаева Е.В. Электронное обучение как условие инновационного развития системы образования. *Вестник КазНУ, серия «Педагогические науки»*. 2012;1(35):9–12.
Nurgalieva G.K., Artykbaeva E.V. E-learning as a condition for the innovative development of the education system. *Vestnik KazNU, seriya «Pedagogicheskiye nauki» = KazNU Bulletin “Pedagogical Sciences” series*. 2012;1(35):9–12. (In Russ.).
9. Лейбович А.Н., Босова Л.Л., Авдеева С.М., Рабинович П.Д., Тарасова Н.В., Тарасова К.В. Электронные учебники: рекомендации по разработке, внедрению и использованию интерактивных мультимедийных электронных учебников нового поколения для общего образования на базе современных мобильных электронных устройств. М.: Федеральный институт развития образования; 2012. 84 с.
Leibovich A.N., Bosova L.L., Avdeeva S.M., Rabinovich P.D., Tarasova N.V., Tarasova K.V. Electronic textbooks: recommendations for the development, implementation and use of new generation interactive multimedia electronic textbooks for general education based on modern mobile electronic devices. Moscow: Federal Institute for Education Development; 2012. 84 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наталья Геннадиевна Кондрахина — кандидат филологических наук, доцент, профессор Департамента языковой подготовки, Финансовый университет, Москва, Россия
NKondrakhina@fa.ru

Нина Евгеньевна Южакова — старший преподаватель Департамента языковой подготовки, Финансовый университет, Москва, Россия
NYuzhakova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Natalya G. Kondrakhina — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Language Training, Financial University, Moscow, Russia
NKondrakhina@fa.ru

Nina E. Yuzhakova — Senior Lecturer, Department of Language Training, Financial University, Moscow, Russia
NYuzhakova@fa.ru

Статья поступила 15.09.2021; принята к публикации 12.11.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.09.2021; accepted for publication on 12.11.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-134-138
УДК 94(47)(045)

Скрытые 1950-е: нарратив префигуративной культуры

А.А. Трошин

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-5041-0671>

АННОТАЦИЯ

В истории СССР 1950-е гг. являются периодом, редко осмысляемым историками как единое целое. Они, скорее, трактуются как время перехода от культуры высокого сталинизма к эпохе оттепели. Между тем, в это время был заложен экономический и военно-технический базис советского наследия, что стало основой российской экономики. Социокультурным фактором, определившим специфику времени, является то, что Маргарет Мид определила как префигуративную культуру – состояние общества, когда взрослые учатся у своих детей, которые наделяются новыми правами. Это нашло свое выражение в художественной литературе и искусстве 1950-х гг.

Ключевые слова: история СССР; 1950-е годы; культурология; префигуративная культура; нарратив; советская художественная литература

Для цитирования: Трошин А.А. Скрытые 1950-е: нарратив префигуративной культуры. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):134-138. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-134-138

ORIGINAL PAPER

The Hidden 1950s: Narrative of Prefigurative Culture

A.A. Troshin

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5041-0671>

ABSTRACT

In the history of the USSR, the 1950s are a period rarely comprehended by historians as a whole. Instead, they are interpreted as a time of transition from the high Stalinism culture to the thaw era. Meanwhile, at this time, the economic and military-technical basis of the Soviet legacy was laid, which became the basis of the Russian economy. The socio-cultural factor that determined the specifics of the time is what Margaret Mead defined as a prefigurative culture – a state of society in which adults learn from their children, who are endowed with new rights. It found its expression in the fiction and art of the 1950s.

Keywords: history of the USSR; 1950s; cultural studies; prefigurative culture; narrative; Soviet fiction

For citation: Troshin A.A. The Hidden 1950s: Narrative of prefigurative culture. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):134-138. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-134-138

В новых книгах по отечественной истории 1950-е гг. — по-прежнему время между Войной и Оттепелью. Это некий промежуток без нарратива, не создавший «устойчивого ансамбля» лингвистических или поведенческих структур, что передавался бы от них следующим поколениям. При том, что именно тогда был создан основной экономический ресурс, используемый в наши дни (космос, ядерная энергетика, нефтедобыча

и т. д.), все равно: 1950-е — скрытое время. Вот как это выглядит:

Пример 1. В монографии 2021 г. «Рабочий класс СССР: жизнь в условиях промышленного патернализма» Максим Лебский пишет о трансформации понимания такого базового идеологического понятия, как «рабочий класс» в советской науке: «с 1960-х гг. в СССР рабочим классом стали заниматься не политэкономы, а социологи <...> Как впоследствии признавался В. Ядов, совет-

ские социологи «втащили втихаря» в свои работы структурный функционализм Т. Парсонса» [1, с. 22]. Видимо, в предшествующее пресловутым 60-м десятилетие произошло то, что заставило членов КПСС заговорить в категориях «социальная структура» вместо категории «классовое общество»? Но что произошло — непонятно. Автор в монографии исследует косыгинскую реформу и ее последствия, т.е. период с 1965 г. Все, что раньше, — предыстория, включающая только раннесоветский период, закончившийся к 1940-м. О 1950-х упоминания точечные, встречающиеся там, где надо поддерживать линейную последовательность: мы, например, узнаем, что именно в это время в классовом составе населения СССР рабочих стало более 50%, и рост их доли к 1987 г. продолжился [1, с. 25].

Пример 2. В главе о советской школьной политике позднесталинского времени из коллективной монографии 2015 г. «Острова утопии» Мария Майофис указывает, что в 1945–1946 гг. в советской педагогике появились новые идеи о самостоятельной работе и самостоятельном мышлении учащихся, что связывается с влиянием американской педагогики [2]. И хотя в положительном ключе об американцах с 1948 г. упоминать было нельзя, попавшие в военное время в нашу школу «семена» как-то прорастали, и многое из-за этого происходило. Например, случился кризис эгалитарной идеологии, выразившийся в школьной реформе 1958 г. (о чем в этой монографии повествует глава П. Сафронова). Но все равно, 1950-е — лишь преддверие, «раннее начало оттепели».

Между тем, период с 1945 по 1961 г. (с окончания Второй мировой до начала деиндустриализации советской экономики) — вполне самостоятельное время. Динамичное, результативное — оно действительно начинается с изменений в образовании и заканчивается формированием нового типа социальной структуры советского общества. Кроме того, далеко не безликое и не немое — оно представлено уникальным нарративом, особенно его сердцевина — с 1953 по 1958 г. И здесь, как советским педагогам 1945–1946 гг., мне понадобится американская теория.

В работе «Культура и преемственность» Маргарет Мид разграничила три типа культур: *постфигуративную*, где дети учатся в первую очередь у своих предшественников, *кофигуративную*, где и дети, и взрослые учатся у сверстников, и *префигуративную*, где взрослые также учатся у своих детей. Последний тип культуры она полагала доминирующим с 1940-х гг. и связывала его возник-

новение с научно-техническими достижениями: «сегодняшние дети вырастают в мире, которого не знали старшие» [3, с. 361]. Из-за принципиальной неизвестности будущего происходит наделение молодежи новыми правами, которые основываются на определенной независимости молодого человека от существующей институциональной структуры социума. Цель правообладания — формирование у молодых людей новой общности опыта, способной обеспечить дальнейшее развитие культуры.

Элементы префигуративной культуры проявились и в советском обществе. Однако произошло это вследствие послевоенного кризиса, с некоторым «техническим» запаздыванием, — во второй половине 1940-х это еще педагогическая тенденция, а как система образцов динамического поведения и поддерживающий ее нарратив — с начала 1950-х. Социальной средой, допускаявшей существование префигуративной культуры, была ситуация так называемой «большой сделки». Этим термином Вера Данхэм обозначила формирование среднего класса на основе технической интеллигенции в условиях обмена лояльности политическому режиму на обеспечение роста материального благополучия данной социальной группы [4]. В начале 1960-х, как следствие политики Н. С. Хрущева, этот социальный контракт властью был расторгнут. Но в 1950-е «большая сделка» обеспечила формирование экономической и военно-технической базы государства.

Составной частью «большой сделки» является возникновение и развитие нарратива префигуративной культуры, обеспечивающего этой сделке кадровый ресурс для необходимых инноваций. В условиях постоянной технической модернизации власть уже не могла основываться исключительно на знании о прошлом. Ресурс культуры, в рассматриваемом случае так называемая «героико-революционная мифология», актуализированный в 1920–1930-х гг. в механизмах преемственности от старших поколений к младшим, стал явно недостаточен для развития общества. Новые поколения должны были самостоятельно освоить гораздо больший ресурс через механизмы обучения и инкультурации, коммуникативные каналы для которых отсутствовали у существовавших институтов. Старшие поколения могли бы заимствовать эти знания, а главное — «способность к схватыванию будущего» (определение М. Мид) у молодежи.

Отражение этой ситуации мы находим в литературе 1950-х. В упомянутой монографии «Острова

утопии» Дмитрий Козлов, говоря о неформальных группах школьников, пишет о формировании, благодаря детской литературе, во второй половине 1940-х среди школьников «традиции романтической конспирации». И приводит замечание П. Вайля и А. Гениса о том, что диссиденты 60-х действовали так, «как если бы Тимур и его команда восстали бы против режима» [5, с. 209]. Но здесь речь идет снова о прекрасных 1960-х, да и представлена постфигуративная культура, в которой политические активисты нашли себе предшественников в довоенной культуре. Нарратив же префигуративной культуры иной, и формировался он другими авторами.

Произведением, впервые ярко показавшим тип нового молодого героя, стала повесть Ричи Достян «Два человека» (1955 г.), ранее предполагавшаяся как новелла «Детство штурмана» в ее цикле о Волге.

«Сюжетная коллизия, в которую автор включает своего маленького героя, многим тогда, в конце 50-х, казалась нетипичной: как, мол, это может быть, чтобы такой малыш служил опорой и надеждой взрослому искалеченному человеку», — так писала критик Галина Гордеева в 1987 г. в предисловии к «Избранному» Р. Достян [6, с. 9]. Ей кажется странным открытый финал повести: «Два человека шли по шоссе, подгоняемые весенним ветром. Им обоим казалось, что чья-то широкая, теплая ладонь, подпирая спину, помогает идти. А со стороны было не понять, кто из них ведет — мальчик или взрослый» [7, с. 118].

Г. Гордеева определяет сюжет как «подспудно текущую социально-психологическую тенденцию». Это, пусть с оговорками, но почти признание нарратива. Правда, критик видит эту тенденцию в том, что «ребенок, нуждаясь в опеке взрослых, способен дать старшему самое драгоценное — смысл и необходимость жизни» [6, с. 9]. Но в повести Р. Достян этого нет. Более того, там восьмилетний сирота Валька трижды сам отказывается от не устраивающего его «усыновления». Его дружеские отношения со слепым Ефимом необычны. Для него он — источник знания о мире, о человеческих возможностях.

Есть и другие признаки, свидетельствующие о том, что в произведении Р. Достян показана именно ситуация префигуративной культуры. Так, преемственность в культуре возможна при одновременном проживании в ней представителей трех поколений, что принципиально исключено в сюжете повести. Наличие фигуры авторитетных старших как совершенных образцов жизни

для молодежи также отрицается. Нет даже такого условного образца, важного для советской литературы, как «старый большевик», — подобные темы принципиально игнорируются. Здесь вспоминается самый одиозный пример префигуративного дискурса в литературе — история запрещенной первой версии романа А. Фадеева «Молодая гвардия», где все было именно инициативой молодых. Не показаны в повести Р. Достян и приемлемые механизмы общения между сверстниками — институционально разобщены и дети, и взрослые.

Это описание детства, из которого герой не «вышел», а из которого он «ушел». Он родом не оттуда, и не этому убожеству жизни и человеческих отношений он должен наследовать, создавая в 1950-е другую жизнь, — таков смысл появления в литературе нового типа героя. Он не был одиноким.

Так, в рассказе Ю. Казакова «Ночь» (1955 г.) идеи префигуративной культуры выражены в образе Семёна. Это «один из немногих героев Казакова, любимых им, автором, безоглядно и безусловно», — пишет критик Вл. Гусев [8, с. 6]. Шестнадцатилетний Семён, с которым автор встречается ночью у костра, мысленно сочиняет во время рыбалки симфоническую партитуру. Его знание происходит, в общем, из ниоткуда. Все, что может дать ему семья, — отец купил баян. Его музыкальное образование — в клубе берет нотные сборники, которые его не устраивают. Где-то что-то прочтет, что-то услышит. Но это не история о самородке. Это поэтическое видение возможности максимального расширения ресурса культуры; музыкальная симфония здесь символ гармонии нового, берущегося практически из ничего. Ну, то есть, из того, что есть. Надо только это по-новому услышать, понять: «Я лебедчиком работаю, лес на берег выкатываю. Сижу я, рычагами кручу, зазвонит лебедка, или автомашина просигналит, или гудок на обед прогудит, а я тренируюсь, звуки определяю, какой звук: “до” там или, может, “фа-диез”...» [8, с. 21].

Война перерубила во многих сферах преемственность поколений, при этом остро поставила вопросы инновационного развития. Имеющимися ресурсами — как знаниями, так и производящими его институтами — советское общество решить эти вопросы не могло. Так что учащимся школ и ремесленным училищ подчас просто нечему было учиться у старших. При этом экспорт инноваций — вывоз и копирование технологий, промышленный шпионаж — поставлял новое знание. Вот ради

этого в советской педагогике и появляются идеи о самостоятельной работе и самостоятельном мышлении учеников. И продвигают их отнюдь не стихийные антисоветчики, а такие многоопытные представители советской науки, как академик АПН К.Н. Корнилов, в 1930 г. изгнанный с поста директора Института психологии, а в 1938 г. на этот пост вернувшийся.

«1950-е годы — очень рациональный период <...> после войны и в момент нового раздела мира во всем такая плотность, что нужно срочно определяться, предпринимать какие-то меры», — обобщает в своей недооцененной и, к сожалению, посмертно изданной книге Олег Киреев [9, с. 10].

Так что определяемая американцами ситуация «большой сделки» опиралась на сознательно проводимую в СССР культурную политику поддержки инновационного развития — довольно рисковую, так как она формирует подвижные социальные отношения. Если вернуться к повести Р. Достян, то старший — Ефим — как объект коммуникации не закрепляет другие объекты жизненного мира младшего — Вальки. Рассказами о своей прежней жизни, самим фактом своего существования он просто разрушает традиционную постфигуративную культуру, в которой «каждое высказывание включает в себя формы, обнаруживаемые в других высказываниях. Любой сегмент поведения, если его проанализировать, оказывается подчиняющимся одному и тому же основополагающему образцу» [3, с. 323]. А ведь эта цитата есть описание канона советской культуры, какой она была в 1930-е и какой вновь стала в 1960–1970-е, с их промышленным патернализмом в экономике.

Каким же образом пятидесятилетний дискурс был исключен из советской культуры? Основными стратегиями были:

Первая — замена повествовательной формы, т.е. нарратива, визуальной репрезентацией с последующим окарикатуриванием и дискредитацией образа. Самый известный пример, сам по себе ставший карикатурой, — борьба со стилягами. В реальности кампания строилась тоньше. В руках таких мастеров, как Лев Кассиль, схема выглядела следующим образом: вначале визуализируем два образа — современная, но при этом милая девушка и нечто «как графин на подносе», с розаном из цветной гофрированной бумаги в волосах, с перстнем, в который вправлен увесистый изумруд из бутылочного стекла и т.п. Естественно, высмеив одну из героинь, автор пытается вкрадчиво объяснить, как стать правильно-современным. От-

вет — обратиться к старшим. Но опосредованно, ибо старшие предстают уже не персонализировано, а как ресурс культуры: «все сокровища нашего отечественного искусства <...> доступны для каждого школьника, для всякого молодого рабочего, студента» [10]. Но якобы значимый ресурс культуры, что предлагает в качестве образца тот же Л. Кассиль, на поверку оказывается ограниченным контентом, в котором «каждое высказывание включает в себя формы, обнаруживаемые в других высказываниях».

Вторая — «омоложение молодых» до возраста, когда принятие самостоятельных решений и выполнение самостоятельных работ проблематично. Так, если в 1950-х гг. символом наступающего года на поздравительной открытке мог быть 16-летний подросток, то в 1960–1970-х гг. изображенному «молодому году» — обычно лет семь. «Важнейший момент в визуальной политике <...> разработка детской составляющей. Огромное пространство значений и символов напрямую связано с детьми <...> Именно дети войдут в светлое коммунистическое завтра <...> Но дети должны вобрать и понести дальше все смыслы, значения и эмоции советского мира» [1, с. 158]. Поэтому, к примеру, открытки с влюбленными молодыми людьми, характерные для 1950-х, практически исчезают, зато канон становится следующая «связь поколений», особенно на открытках к 7 Ноября: совсем уж малыши и дедушка как свидетель истории и рассказчик ее правильной версии.

Третья — замещение большого круга проблем самостоятельности и правообладания молодых легализацией и детализацией темы подростковой любви и всех сопутствующих этому терзаний. Начало — фильм 1961 г. «А если это любовь?» (режиссер Ю. Райзман) и преувеличенная дискуссия вокруг него.

Четвертая — формируемая постмодернистская «складка», когда массовые кампании, вроде освоения Целины, апеллировали к военному опыту и к опыту строек 1930-х, «перешагивая» через опыт самостоятельного поведения.

Результат был достигнут — подлинные 1950-е исчезли из исторического видения. И изменить эту ситуацию в должной мере пока не получается. Зато можно по новой рассуждать о российской имперской революции и о советской модели как форме глобализации [12], отрицая тем самым самостоятельность любой государственности на этой территории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лебский М.А. Рабочий класс СССР: жизнь в условиях промышленного патернализма. М.: Горизонталь; 2021. 250 с.
2. Кукулин И., Майофис М., Сафронов П., ред. Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение; 2015. 720 с.
3. Мид М. Культура и мир детства. Пер. с англ. Ю.А. Асеева. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»; 1988. 429 с.
4. Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление советской системы после окончания Второй мировой войны. Пер. с англ. М.: РОССПЭН; 2011. 357 с.
5. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: АСТ: CORPUS; 2018. 432 с.
6. Достян Р. Избранное. М.: Советский писатель; 1987. 464 с.
7. Достян Р. Два человека. Л.: Советский писатель; 1957. 117 с.
8. Казаков Ю.П. Избранное. М.: Художественная литература; 1985. 559 с.
9. Киреев Й. Земля. 50-е. М.: Common place; 2017. 574 с.
10. Кассиль Л. Дело вкуса. М.: Искусство; 1958. 80 с.
11. Шабурова О.В. Советский мир в открытке. Екатеринбург: Кабинетный ученый; 2017. 328 с.
12. Арнасон Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение; 2021. 304 с.

REFERENCES

1. Lebsky M.A. The working class of the USSR: life in conditions of industrial paternalism. Moscow: Horizontal; 2021. 250 p. (In Russ.).
2. Kukulina I., Mayofis M., Safronova P., eds. Islands of utopia: Pedagogical and social design of the post-war school (1940–1980). Collective monograph. Moscow: New literary review; 2015. 720 p. (In Russ.).
3. Mead M. Culture and the world of childhood. Moscow: The main editorial office of oriental literature of the Nauka publishing house; 1988. 429 p. (In Russ.).
4. Filzer D. Soviet workers and late Stalinism. The working class and the restoration of the Soviet system after the end of World War II. Moscow: ROSSPEN; 2011. 357 p. (In Russ.).
5. Weill P., Genis A. 60th. The world of the Soviet man. Moscow: AST: CORPUS; 2018. 432 p. (In Russ.).
6. Dostyan R. Favorites. Moscow: Soviet writer; 1987. 464 p. (In Russ.).
7. Dostyan R. Two people. Leningrad: Soviet writer; 1957. 117 p. (In Russ.).
8. Kazakov Yu.P. Favorites. Moscow: Fiction; 1985. 559 p. (In Russ.).
9. Kireev Y. Land. 50th. Moscow: Commonplace; 2017. 574 p. (In Russ.).
10. Kassil L. Matter of taste. Moscow: Art; 1958. 80 p. (In Russ.).
11. Shaburova OV Soviet world in a postcard. Yekaterinburg: Cabinet Scientist; 2017. 328 p. (In Russ.).
12. Arnason J. Civilization patterns and historical processes. Moscow: New literary review; 2021. 304 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Алексеевич Трошин — кандидат философских наук, старший преподаватель Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
AATroshin@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Troshin — Candidate of Philosophy, Senior Lecturer, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia
AATroshin@fa.ru

Статья поступила 05.07.2021; принята к публикации 15.10.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 05.07.2021; accepted for publication on 15.10.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-139-142
УДК 338.5(342)(045)

Идея союзной интеграции в Республике Беларусь: динамика общественных и государственных приоритетов

В.С. Боровков

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-3613-8493>

АННОТАЦИЯ

С распадом Советского Союза на территории некогда великой державы возникло множество новых государств. Уже тогда было очевидно: тренд на глобализацию является общемировым объективным процессом. По всему миру создавались и укреплялись интеграционные объединения стран с общими географическими, историческими, культурными и иными признаками. Белоруссия – это страна, которая, без преувеличения, имеет наиболее сильные интеграционные связи с Россией. Это обусловлено не только участием в таких проектах, как СНГ, ОДКБ, ЕАЭС и Союзное государство, но и крепкими историческими, языковыми и культурными связями двух братских стран. Во всемирно известном трактате «Столкновение цивилизаций», вышедшем в 1996 г., С. Хантингтон характеризовал Белоруссию как пророссийское государство, где население идентифицирует себя с Россией настолько же сильно, как и со своей республикой. Спустя четверть века может показаться, что такое положение вещей является аксиомой. Однако некоторые эксперты утверждают, что идея союзной интеграции в Республике Беларусь, так же, как и общественные приоритеты, претерпела значительные изменения, что вызвано совокупностью факторов. В статье рассмотрены ретроспектива, конъюнктура и перспектива идеи российско-белорусской интеграции, динамика общественных и государственных приоритетов, выявлены потенциальные проблемные зоны и приведены рекомендации к их устранению.

Ключевые слова: интеграция; идея; Республика Беларусь; Россия; общественное мнение; динамика; население

Для цитирования: Боровков В.С. Идея союзной интеграции в Республике Беларусь: динамика общественных и государственных приоритетов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):139-142. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-139-142

ORIGINAL PAPER

The Idea of Union Integration in the Republic of Belarus: Dynamics of Public and State Priorities

V.S. Borovkov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3613-8493>

ABSTRACT

With the collapse of the Soviet Union, many new states arose on the territory of the once-great power. Even then, it was apparent – the trend towards globalisation is a worldwide objective process. All over the world, integration associations of countries united by geographic, historical, cultural and other characteristics were taking shape and strengthening. Belarus is a country that, without exaggeration, has the most substantial integration ties with Russia. It is due not only to participation in projects such as the CIS, CSTO, EAEU and the Union State but also to historical solid, linguistic and cultural ties between the two fraternal countries. In the world-famous treatise “The Clash of Civilisations” published in 1996, Huntington characterised Belarus as a pro-Russian state. The population identifies itself with Russia as strongly as with its republic. A quarter of a century later, it may seem that this state of affairs is an axiom. However, some experts argue that the idea of union integration in the Republic of Belarus and public priorities has undergone significant changes caused by a combination of factors. The article examines the retrospective, conjuncture and perspective of the idea of Russian-Belarusian integration, the dynamics of public and state priorities, identify potential problem areas and provides recommendations for their elimination.

Keywords: integration; idea; Belarus; Russia; public opinion; dynamics; population

For citation: Borovkov V.S. The idea of union integration in the Republic of Belarus: Dynamics of public and state priorities. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):139-142. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-139-142

Еще в советские годы РСФСР и Белоруссия имели тесные экономические связи. Белорусская экономика базировалась на переработке ресурсов из РСФСР и реэкспорте при преобладающем влиянии государства, что актуально и в настоящее время¹. Тогда же руководство БССР перешло к делопроизводству на русском языке. В период распада СССР Белоруссия придерживалась лояльной позиции по отношению к союзному центру [1]. После краха попыток сохранить единое государство и началась история взаимоотношений независимых России и Белоруссии, тогда же появились и первые идеи интеграции. В ноябре 1992 г. была достигнута договоренность о зоне свободной торговли. 1994 г. памятен в белорусской истории первыми выборами президента: по итогам двух туров победил Александр Григорьевич Лукашенко, активно строящий свою электрокампанию на теме братства и интеграции с Россией. Опрос по теме возвращения к СССР показывает, что в 1990-е гг. данная повестка была крайне популярна, однако с течением времени число противников такого процесса увеличивается (сейчас их около 60%)². Начиная с 1995 г. наблюдалось формальное усиление интеграции, увенчавшееся в 1999 г. появлением Союзного государства. Важно уточнить, что идея Союза исходила от белорусского лидера, который утверждал, что был ярким противником Беловежских соглашений³.

Риторика Лукашенко встречала одобрение не только у белорусов, но и у россиян — люди, прежде всего, хотели стабильности и порядка, которые олицетворялись с былыми годами советской эпохи [2]. Новый президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в 2003 г. инициировал проведение общесоюзного референдума по вопросу конституции. Тогда камнем преткновения стала позиция белорусского президента, увидевшего в инициативе попытку раздробить Белоруссию, включив ее в состав федерации. Последующие годы усилили сложности, главным образом из-за вопросов, связанных с энергетикой. Парал-

ельно происходило искусственно насаждаемое «охлаждение» белорусской общественности к идее интеграции с РФ [3]. Символическим событием стала ликвидация в День России, 12 июня, одной из крупнейших пророссийских организаций в Белоруссии — Минского общества русской культуры «Русь». В 2014 г. Лукашенко не раз касался темы «славянского братства», но весьма показательно, что такого рода высказывания устранялись на официальных ресурсах. Очень интересный инцидент произошел на востоке страны, в Витебске, в связи с открытием памятника князю литовскому Ольгерду, который известен своими походами на Москву. Общественность города решительно выступила против таких монументов⁴. Однако в 2015 г. в Могилеве с бюста А. С. Пушкина были убраны стихи антизападной направленности из произведения «Клеветникам России». В 2019 г. президент Лукашенко сказал следующее: «Слушайте, мы и завтра можем объединиться вдвоем, у нас проблем нет, но готовы ли вы, россияне и белорусы, на это? Насколько вы готовы, настолько мы будем выполнять вашу волю».

Ранее (с 1992 г.) Институт социально-экономических и политических исследований ежеквартально организовывал общественные опросы касательно политической повестки. Большинство респондентов во временной промежуток с 1995 по 2015 г. ответили, что в повседневном общении предпочитают использовать русский язык. Более того, выявляется тренд на увеличение доли таких людей с 37,3% в 1995 г. до 68,5% в 2015 г. Примечательно, что если поставить респондентов перед выбором: статус-кво или присоединение к России, большинство выберет сохранение текущего положения дел. Также в период с 2005 по 2009 г. граждане отдавали явное предпочтение восточной интеграции, однако затем ситуация начала «выравниваться». В некоторые годы сторонников ЕС было даже больше (например, в 2012 г. за вступление в ЕС проголосовали 44,1%, в то время как за объединение с Россией — 36,2%). В 2014 г. популярность России вновь резко возросла. Но уже через год начала резко падать, достигнув в 2016 г. 42% (за вступление в ЕС проголосовало в этот же год 34% опрошенных)⁵. Отдельно стоит сказать

¹ URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/09/01/5f4a734a9a79477fa015e387>.

² URL: <http://www.iiseps.org/?p=114>.

³ URL: <https://news.rambler.ru/world/46982466-lukashenko-rasskazal-kak-v-1991-godu-mog-spasti-sssr/>.

⁴ URL: <https://regnum.ru/news/society/1783249.html>.

⁵ URL: <http://www.iiseps.org/?p=114>.

о большой симпатии белорусов к евразийской повестке. Ее на 2016 г. поддерживали порядка 65% граждан. Таким образом, респонденты видят в евразийской интеграции больше предпочтений и возможностей, которые, в отличие от варианта полного объединения с РФ, не грозят суверенитету страны⁶. По данным опроса «Белорусской аналитической мастерской (BAW)» в 2019 г. (которая, что очень интересно, изучает общественное мнение из Варшавы), на вопрос: «Какие отношения России и Белоруссии наиболее предпочтительны?» большая часть (74,6%) ответила, что желает видеть две страны независимыми, но дружественными государствами, с открытыми границами, без виз и таможен. В то же время 12,8% поддерживают объединение в рамках Союзного государства, а 3,7% желало бы полного вхождения в состав РФ⁷. Поворотным моментом стали очередные президентские выборы в Белоруссии, которые сблизили Минск и Москву и показали, что среди оппонентов правящего режима есть не только настроенные на Запад люди, но и сторонники более крепкой интеграции с Россией. Какова бы ни была динамика общественных приоритетов в Белоруссии, России крайне важно, что называется, «держать руку на пульсе», не допуская пропаганды антироссийской направленности и используя различные методы, которые будут закреплять дружбу двух братских народов. Уже давно западные державы, особенно Польша и Литва, используют «мягкую силу», чтобы внушить белорусам мысли и соображения, противопоставляющие Россию их стране. Для достижения этой цели фальсификаторами искажается история, из России создается образ врага. Конечно, наиболее подверженной дезинформационному воздействию группой является молодежь, что обусловлено как отсутствием у нее ностальгии по СССР и незнанием аспектов жизни в едином государстве, так и фундаментальным либеральным мироощущением, которое подпитывается в основном информацией из СМИ и социальных сетей. России следует уделять особое внимание борьбе с фейками и созданию материалов и программ, которые в культурном и историческом аспекте отражали бы братство

двух народов (например, совместные исторические фестивали, борьба за сохранение российских НКО) [4]. Основополагающее значение здесь принадлежит русскому языку, и виден обратный эффект развития СМИ и социальных сетей, которые вовлекли белорусских граждан в русскоязычную медиа- и интернет-сферы. Русскоязычная музыка, фильмы, книги — все это является тем базисом, который укрепляет связь двух народов. В свете все более усиливающегося экономического взаимодействия России и Белоруссии роль русского языка, безусловно, будет укрепляться. Молодым людям из обеих стран стоит больше взаимодействовать, устраивая студенческие обмены, конкурсы, создавая общие организации. Прекрасным примером является молодежная палата при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России.

Главным желаемым ориентиром белорусов является спокойная, мирная жизнь с устойчивым развитием. Усиление европейского вектора у некоторой части белорусского общества не сопряжено с усилением враждебности к России и россиянам. Белорусское общество является гомогенным, что сильно отличает его от украинского.

Таким образом, главным желаемым ориентиром белорусов является спокойная, мирная жизнь с устойчивым развитием. Усиление европейского вектора у некоторой части белорусского общества не сопряжено с усилением враждебности к России и россиянам. Белорусское общество является гомогенным, что сильно отличает его от украинского. Некоторые исторически обусловленные различия населения запада и востока страны кардинально не сказываются на результатах социологических исследований. Иными словами, все части страны в целом придерживаются схожих точек зрения, одобряя евразийскую интеграцию и дружбу с Россией, возводя при этом независимость в некую сакральную ценность.

⁶ URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/integratsionnyy-barometr-eabr-2016/>.

⁷ URL: <https://www.dw.com/ru/>.

Оптимальной стратегией для России станет использование «мягкой силы» и публичной дипломатии, что вкупе с развитием экономических связей даст плодотворные результаты. Стоит сделать акцент на молодежной политике — ведь от этого зависит будущее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чешко С. В. Распад СССР: этнополитический анализ. 2-е изд. М.: ИЭА РАН; 2000.
2. Даметкина Е. Д., Зубов И. А. Экономическая интеграция Российской Федерации и Республики Беларусь. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-integratsiya-rossiyskoy-federatsii-i-respubliki-belarus>.
3. Чистякова Е. А., Власова Н. Л., Жадан М. В. «Молочный протекционизм» в российско-белорусских отношениях. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molochnyy-protteksionizm-v-rossiysko-belorusskih-otnosheniyah>.
4. Шестопал А. В. «Мягкая сила» России в Евразии URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-rossii-v-evrazii>.

REFERENCES

1. Cheshko S. V. The collapse of the USSR: ethnopolitical analysis. Second ed. Moscow: IEA RAN; 2000. URL: http://static.iea.ras.ru/books/Cheshko_Raspad_SSSR.pdf (accessed on 07.10.2021, 03.10.2021). (In Russ.).
2. Dametkina E. D., Zubov I. A. Economic integration of the Russian Federation and the Republic of Belarus. Post-Soviet studies. 2018;4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-integratsiya-rossiyskoy-federatsii-i-respubliki-belarus> (accessed on 10.10.2021). (In Russ.).
3. Chistyakova E. A., Vlasova N. L., Zhadan Mikhail Vladimirovich. “Milk protectionism” in Russian-Belarusian relations. *Bulletin of the Saratov State Social and Economic University*. 2019;1(75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molochnyy-protteksionizm-v-rossiysko-belorusskih-otnosheniyah>. (accessed on 10.10.2021). (In Russ.).
4. Shestopal A. V. “Soft power” of Russia in Eurasia. *Bulletin of MGIMO*. 2014;2(35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-rossii-v-evrazii> (accessed on 10.12.2021). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Сергеевич Боровков — студент 4-го курса Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
rteykk@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir S. Borovkov — 4th-year student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
rteykk@mail.ru

Статья поступила 11.10.2021; принята к публикации 28.11.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 11.10.2021; accepted for publication on 28.11.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА» ЗА 2021 ГОД

№ 1

ТЕМА НОМЕРА: ПРОТЕСТЫ И ВЛАСТЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Бродовская Е.В., Давыдова М.А., Ерёмин Е.А.* Пролонгированные политические протесты в России и в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: референтность российской аудитории социальных медиа 6
- Селезнев П.С., Челнокова М.Л.* Несистемная оппозиция в России: особенности формирования и стратегии политической активности 14
- Осипова О.С., Багдасарова Р.А., Лукушин В.А.* Современные медиа как инструмент совершенствования диалога власти и общества 20
- Асонов Н.В.* Протестное движение «разинцев» как проявление идейно-политического противоборства «западников» и «самобытников» 29

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

- Горошникова Т.А.* Вычислительная социология: сдвиг парадигмы или «эконометрика» социологии 37
- Замараева Е.И.* Социокультурные трансформации в эпоху цифровизации 43
- Панов Е.Г., Скворцова Е.М.* Курс «История» в стратегии гуманитарного образования современного университета 49

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Аршин К.В.* Риски кризисной миграции из стран Центральной Азии в Россию 58
- Кисляков А.С.* Влияние информационной открытости образовательной организации на адаптацию иностранных обучающихся 66
- Салин П.Б.* Методологические основы политической социализации обучающихся в Российской Федерации иностранных студентов 72
- Иксанов И.С.* Об особенностях расширения содержания гражданства в актах Совета Европы и судебных решениях Европейского суда по правам человека 77
- Цуй Чжэн, Янг Йеминг.* Стратегии развития сельского хозяйства в России 84
- Ярмак О.В., Цепкова А.С., Лысенко Е.А.* Динамика крымского дискурса в немецких онлайн-СМИ: анализ влияния украинского фактора 98
- Кармова М.Р.* Инновационные технологии обучения иностранному языку на примере студентов факультета социальных наук и массовых коммуникаций 104
- Черданцева А.М.* Цифровые технологии в регулировании миграционных процессов в ЕС 110

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

- Пачкалов А.В.* Еврейские банкиры в Италии в эпоху Возрождения 116
- Махаматова С.Т.* Смольный институт благородных девиц как модель социализации школьников в образовательных учреждениях закрытого типа 120

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

- Февралёв И.Д.* Квантификация как форма выработки нормы в политическом дискурсе 128
- Бочкаев А.Р.* Понятие «серый кардинал» в политическом дискурсе 132
- Боровков В.С.* Закон о лоббизме в России: pro et contra 136

**К 10-ЛЕТИЮ ФАКУЛЬТЕТА СОЦИАЛЬНЫХ НАУК И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ – ФАКУЛЬТЕТА
СОЦИОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА:
КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ**

<i>Пляйс Я.А.</i> 10 лет движения вверх: история Факультета с его предысторией	6
<i>Силласте Г.Г.</i> Социология в Финансовом университете: как все начиналось	10

**ТЕМА НОМЕРА: ГЛОБАЛЬНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ:
РИСКИ И ИЗДЕРЖКИ**

<i>Зубец А.Н.</i> Выбор для Запада: развилка между инновационным прорывом и информационной диктатурой	16
<i>Галас М.Л.</i> Европейское региональное сотрудничество в сфере упреждения деструктивности и криминализации кризисной миграции	23
<i>Кириллов Д.В.</i> Децентрализованные автономные организации как новый формат ведения бизнеса в цифровой экономике	30
<i>Кулакова Н.Н.</i> Роль силовых структур в периоды политической турбулентности	35
<i>Климова И.И., Козловцева Н.А., Конурбаев М.Э.</i> Новые формы научного взаимодействия в эпоху цивилизационного слома	41

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Белоконев С.Ю., Левина Е.В.</i> Теоретико-методологические аспекты изучения электорального потенциала публичных политиков и их позиционирование в социальных медиа	47
<i>Зубов В.В.</i> Сравнительная характеристика политических режимов Германии 1933–1945 годов и Австрии 1933–1938 годов: опыт междисциплинарного исследования	56
<i>Евгеньева Т.В., Селезнёва А.В., Антонов Д.Е.</i> Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты	63
<i>Крутаков Л.В.</i> О политической природе «рыночного доминирования» в энергетической сфере (кризис 1973 года)	72

**АКТУАЛЬНЫЕ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

<i>Кишкембаев А.Б.</i> О реализации политики и мерах в сфере экономической интеграции и предпринимательства в рамках Евразийского экономического союза	82
<i>Чепель С.Л.</i> Динамика электоральной подвижности и перспективы развития партийной системы РФ (на примере регионов Центрального федерального округа)	87
<i>Каминская Т.Л.</i> Ответственность за медиаконтент и проблема цензурирования коммуникационного пространства России	96
<i>Домбровская А.Ю.</i> Правозащитные информационные потоки в социальных медиа в структуре цифровой репрезентации гражданской активности россиян в 2020 году: результаты социально-медийного анализа	102
<i>Синицын С.Н.</i> Современный социалистический Вьетнам: перспективы для инвесторов	111
<i>Максимова О.И.</i> О некоторых аспектах эмоционального интеллекта и его использования в вузе	114
<i>Пономарёва А.В., Яковлева Е.Н.</i> Взаимосвязь когнитивных и коммуникативных аспектов при обучении иностранному языку студентов неязыковых вузов	120

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Мпуйи Нгуала Н.</i> Последствия COVID-19 для экономики Африки	125
--	-----

ТЕМА НОМЕРА: ПОЛИТИКА И ИДЕНТИЧНОСТЬ

<i>Брызгалина Е.В., Львов С.В., Тюков Н.А., Шаповалов В.Л.</i> Участие российских педагогов в политических и гражданских процессах: основные результаты исследования и рекомендации	6
--	---

Шатилов А.Б.

Деятельность органов государственной власти Российской Федерации по формированию исторических представлений студенческой молодежи в постсоветский период 15

Титов В.В.

Ценностные ориентации и социальное самочувствие молодежи как фактор трансформации национально-государственной идентичности в России 27

Селезнёв П.С., Александров Д.В.

Позиционирование событий Великой Отечественной войны в рамках государственной политики памяти: проблемы и перспективы 33

Бестаева Е.В.

Русский язык в социолингвистическом пространстве Германии как объект государственной языковой политики России. 39

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Сперкач А.И.

Цивилизационные основания межэлитного взаимодействия в современной России 47

Ерохина О.В.

Электронное голосование в России: технологический и политический аспекты. 55

Безруков А.Э., Иванов К.А., Чимириш Е.С.

Интеграционные процессы в Центральной Азии: столкновение интересов внешних акторов. 62

Хейрандиш М.С., Джоландан Н.Ш., Хосейни А.

Этикет и задачи переводчиков, работающих в политико-дипломатической сфере 71

Пресеков С.А.

Политическая и социально-экономическая модернизация современного Китая: динамика идейно-мировоззренческих акцентов 76

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Галас М.Л.

Государственно-политические меры Российской Федерации по достижению целей устойчивого развития в период борьбы с COVID-19 с учетом повышения качества жизни населения 82

Осинина Д.Д.

Формирование суверенных властных систем в «молодых» центральноазиатских республиках в период 1991–2000 годов 89

Рязанцева М.В., Субочева А.О., Якушова Е.С.

О формировании ценностей ЗОЖ студентов в постковидный период. 93

Шорохов В.Е.

Политические механизмы формирования антикоррупционного сознания государственных и муниципальных служащих 99

Пятибратов И.С.

Разработка модели анализа санкций как фактора политического риска 105

Водопетов С.А.

Влияние миграционных процессов на организацию и проведение выборов в Государственную Думу РФ VIII созыва 110

Проскура М.А., Торгунакова А.В.

Мотивация молодых специалистов к поступлению на государственную гражданскую службу 115

Кармова М.Р., Федосеева Т.В.

Специфика интегрированного предметно-языкового обучения (CLIL): социально-философский анализ. 122

Захцер Е.М.

Презентация как форма реализации взаимного обучения в виртуальное время 128

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Бочкаев А.Р.

Воздействие на сознание индивидов в контексте этнокультурной идентичности. 134

<i>Лехмус Е.С.</i> Волонтерская мотивация у поколения Z	138
<i>Князян С.К.</i> Культурное взаимодействие в истории взаимоотношений Армении и России: предпосылки и исторические примеры.	141

№ 4

**ТЕМА НОМЕРА: «НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ»:
МИР И РОССИЯ**

<i>Парфенов Д.А.</i> Перспективы реализации системы стратегического планирования в современной России . . .	6
<i>Петров К.Е., Баландин Ю.А.</i> Леволлибертарианские движения в США после президентской кампании 2016 года: платформа, кандидаты и методы их продвижения на примере деятельности комитета «Совершенно новый Конгресс».	12
<i>Ореховская Н.А.</i> Сегодняшние стратегические тренды высшего образования для подготовки профессиональной элиты будущего	24
<i>Махаматова С.Т.</i> Либертарианство как продолжение ценностного слома. Взгляд из России	30
<i>Вобляя И.Н., Пасалиди А.К.</i> К вопросу коррупционных рисков в период пандемии COVID-19: причины и способы борьбы.	37

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Журавлёв Д.А.</i> Клановая структура элит демократического общества.	43
<i>Тюриков А.Г., Большунов А.Я., Большунова С.А.</i> Производство общения как базовый критерий эффективности Межкультурных коммуникаций	50
<i>Лебедев С.В.</i> Технология воздействия в современных политических коммуникациях: психологические основания	59
<i>Курилюк Ю.Е., Гаранин Д.А.</i> Конституционные и уставные суды субъектов России в национальной судебной системе: прошлое, настоящее и будущее	66
<i>Ерзылева И.А.</i> Роль вузов в формировании духовных ценностей студентов	73

**АКТУАЛЬНЫЕ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

<i>Усманова З.Р., Смутькина Н.В.</i> Когнитивные и эмоциональные составляющие образа идеального парламента в сознании российских граждан.	77
<i>Ежов Д.А.</i> Политические партии накануне парламентских выборов – 2021: стартовые позиции и электоральные перспективы	83
<i>Цуй Чжэн, Фань Вэньцинь.</i> Ролевое позиционирование и политическая функция российских СМИ	92
<i>Деникин А.В., Деникина З.Д.</i> Перспективы гуманитарного образования: от субъектной к системной рациональности	102
<i>Замараева Е.И.</i> Конфликтогенность в сфере высшего образования: факторы появления и роста.	111
<i>Клементьева М.В.</i> Рефлексия образовательных проектов современных студентов	117
<i>Гаража Н.А., Рзун И.Г., Ирицян Г.Э.</i> Социальные сети как феномен виртуального обучения в условиях информационного общества.	125
<i>Кондрахина Н.Г., Южакова Н.Е.</i> Цифровая трансформация иноязычного образования в оптике ключевых изменений и перспектив развития в современном обществе	133
<i>Брушкова Л.А.</i> Гендерная структура занятости в России как индикатор формирования нового гендерного порядка.	139

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

<i>Асонов Н.В.</i> Ключевский как историк и политолог.	144
<i>Шапки И.Н.</i> Ведущая бизнес-организация позднеимперской России. Съезды представителей промышленности и торговли	151
<i>Трошин А.А.</i> Дидактическая составляющая PR-сопровождения денежной реформы 1961 года в СССР.	158

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Давыдова М.А. Массовые политические протесты в Российской Федерации 2020–2021 годов: триггеры, технологии, инфраструктура информационного потока 162

Печенкин Н.М., Неткачев К.И. Протестные общественно-политические настроения жителей Дальнего Востока в 2020 году (на примере Хабаровска, Владивостока, Благовещенска) 169

Борковская Е.И. Финансовые инструменты в контексте развития sharing economy 176

№ 5

**ТЕМА НОМЕРА: ВЫЗОВЫ КОВИД-19 И ОТВЕТЫ НА НИХ:
РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Вобляя И.Н., Гаража Н.А. Пандемия COVID-19 и права человека: меры реагирования государства и мирового сообщества 6

Ярмак О.В., Барыбина В.И. COVID-19 как информационный феномен: результаты медиааналитического исследования реакции интернет-аудитории США на пандемию 14

Полетаев Д.В. Занятость трудящихся-мигрантов из Средней Азии в России по время пандемии COVID-19. . 21

Селезнёв П.С., Кашин Е.А. Мировые подходы к оценке человеческого потенциала 35

Рыжов О.А., Кулакова Н.Н. Военные опасности и угрозы для современной России 40

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Юрасов И.А., Юдина В.А., Кузнецова Е.В. Стратификационная трансформация российского общества: новые сословные модели стратификации 50

Воскресенская Н.О., Скворцова Е.М. Гуманитарное образование в современной России: проблемы и пути их преодоления 57

Махаматов Т.М., Кобзева О.П., Махаматов Т.Т. Диалектика объективности онтологии общества в эпистемологии 64

Галас М.Л. Актуализация инструментов инвестирования в Российской Федерации и странах ЕС: государственно-политический дискурс 72

Абдикеев Н.М., Морева Е.Л., Бекулова С.Р. Гуманитарные аспекты оценки и управления результатами интеллектуальной деятельности 78

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Толмачёва И.В. Особенности законотворческого соавторства депутатов Государственной Думы VII созыва . 92

Осинина Д.Д. Элитные группы Республики Казахстан и особенности принятия стратегических политических и экономических решений в транзитный период 101

Бросович Ф.Д. Борьба за мировую гегемонию в Латинской Америке. Как Китаю удалось сместить гегемонию США в Латиноамериканском регионе 106

Мильто С.Р. Усиление роли Китая в деятельности миротворческих сил ООН в 2013–2021 годах. 111

Щербаченко П.С. Требования к персоналу при его подготовке к цифровой трансформации бизнеса 116

Федосеев Б.В., Федосеева Т.В. Критическое мышление и подходы к его оценке службами HR. 121

Фёдорова И.Ю. Социальный заказ как финансово-экономический инструмент регулирования вопросов занятости и трудовой миграции в Российской Федерации 129

Молодцов И.Н. Медиа и реклама: взгляд публишера 135

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Алексеев С.В. Время трудных решений: Александр Невский и политическая борьба середины XIII века ... 139

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Калитько И.И. Сетевые алгоритмы: новые возможности и риски для государства и общества 143

Чачуа Т.Г. Влияние экологического фактора на государственную политику России 149

РЕЦЕНЗИИ

- Петрова Т.Э.* Дискуссионные вопросы проблем реализации конституционных свобод совести и вероисповедания институтами гражданского общества (в формах религиозных объединений). Рецензия на монографию Андреева К.М. «Право верить в современной России» (вопросы реализации конституционной свободы вероисповедания) 154

№ 6

ТЕМА НОМЕРА:

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

- Расторгуев С.В.* Моделирование межпоколенческих коммуникаций 6
Махмутова Е.В. Межпоколенческий баланс в цифровую эпоху: глобальное измерение 10
Шатилов А.Б. Инфантильность современного общества и проблема электорального возраста: рациональный взгляд 17
Соболева Е.О. Обеспечение межпоколенческого диалога в современном Китае: традиционализм VS вестернизация 22
Ковба Д.М. Российская семья в контексте деятельности организаций гражданского общества 27
Буянова С.М. Взаимосвязь эмоционального интеллекта студентов и преподавателей 34

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

- Белоконов С.Ю., Левина Е.В.* Доверие населения и элит к власти: теоретико-прикладной аспект 39
Родачин В.М. Феномен государственной политики: сущность и виды 46
Тюриков А.Г., Большунов А.Я. О двух семействах стратегий и моделей межкультурных коммуникаций 54
Грузина Ю.М., Харчилава Х.П. Развитие человеческого капитала в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики 62
Митрахович С.П. Регулирование IT-сферы как политико-теоретическая и практическая проблема 67
Брыкин А.В., Кунижева Д.А., Большунова С.А. Методологические подходы к исследованию финансово-экономической культуры 73
Иванова В.А. Ноосферный образ человека: реальность и перспективы 81

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Лукушин В.А.* Таргетирование в онлайн-сетевом брендинге российских университетов: масштабы влияния на общественное сознание 86
Хаше Д., Абдоллахи М. Влияние пандемии коронавируса на возобновление конфликта в Нагорном Карабахе 94
Фролова Н.Д. Хищническое кредитование в России: данные опроса 100
Приходько Л.В., Середа А.В. Научно-исследовательская кооперация молодежных российских и зарубежных организаций: механизмы стимулирования и перспективы развития 106
Кушнир Д.Ю., Свинцова М.Н. Объективные факторы конфликтогенности в сфере высшего образования 113
Давыдова М.А., Азаров А.А. Архитектура информационного потока Финансового университета в социальных медиа: продвижение бренда 118
Кондрахина Н.Г., Южакова Н.Е. Современные мультимедийные технологии обучения иностранному языку в разрезе цифровизации 127

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

- Трошин А.А.* Скрытые 1950-е: нарратив префигуративной культуры 134

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

- Боровков В.С.* Идея союзной интеграции в Республике Беларусь: динамика общественных и государственных приоритетов 139